
Май, 2022
Памяти
наших дедов
и отцов
посвящается
1941-1495
Никто не забыт,
ничто не забыто!

Май, 2022

Дизайн, вёрстка и оформление журнала — ©Татьяна Комарова.

Особая благодарность всем авторам, которые предоставили материалы для выпуска журнала.

Наши контакты:

@arykom

www.dobroeytro.online

zen.yandex.ru/id/612e07943cdf5220ee166857

vk.com/dobroeytro.online

Выпуск свёрстан и подготовлен к публикации 24.04.2022

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОБЕДИТЕЛЯМ!

22 июня 1941 года в 4 часа утра началась Великая Отечественная война. Жители СССР узнали об этом по радио. Первым с официальным обращением выступил министр иностранных дел Вячеслав Молотов. Позже это повторил первый диктор Советского Союза Юрий Левитан:

Внимание!
Говорит Москва!
Говорит Москва!
ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.
Граждане и гражданки Советского Союза.
Сегодня, 22 июня, в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировке города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие...

Песня из к/ф Офицеры

От героев былых времён
Не осталось порой имён.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землёй и травой.
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых,
Этот вечный огонь,
Нам завещанный одним,
Мы в груди храним.

Погляди на моих бойцов,
Целый свет помнит их в лицо.
Вот застыл батальон в строю,
Снова старых друзей узнаю.
Хоть им нет двадцати пяти,
Трудный путь им пришлось пройти.
Это те, кто в штыки
Поднимался, как один,
Те, кто брал Берлин.

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой,
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят.
Этот взгляд словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут.
И мальчишкам нельзя
Ни солгать, ни обмануть,
Ни с пути свернуть.

Евгений Данилович Агранович

К юбилею Победы

Кружит Земля, ещё один виток
И снова месяц май – Победа!
Но ветеран держа в руке цветок
И в юбилей не позабудет это –
Бои смертельные: в огне, в дыму,
На суше, в воздухе, на водах...
И тяжкий, непосильный труд в тылу,
На пашнях, фабриках, заводах...
Смерть прокатилась по Земле – Войной,
Бедою, миллионы судеб скомкав...
И этот подвиг – ратный, трудовой
Пусть не изгладится из памяти потомков!

Посвящается ветеранам Великой Отечественной войны
и труженикам тыла

Викторъ Масловъ (ВингТоръ)

Баллада о красках

Был он рыжим, как из рыжиков рагу.
Рыжим, словно апельсины на снегу.
Мать шутила, мать весёлою была:
«Я от солнышка сыночка родила…»
А другой был чёрным-чёрным у неё.
Чёрным, будто обгоревшее смольё.
Хохотала над расспросами она, говорила:
«Слишком ночь была черна!…»
В сорок первом, в сорок памятном году
прокричали репродукторы беду.
Оба сына, оба-двое, соль Земли –
поклонились маме в пояс.
И ушли.
Довелось в бою почуять молодым
рыжий бешеный огонь и чёрный дым,
злую зелень застоявшихся полей,
серый цвет прифронтовых госпиталей.
Оба сына, оба-двое, два крыла,
воевали до победы.
Мать ждала.
Не гневила, не кляла она судьбу.
Похоронка
обошла её избу.
Повезло ей.
Привалило счастье вдруг.
Повезло одной на три села вокруг.
Повезло ей. Повезло ей! Повезло! –
Оба сына воротилися в село.
Оба сына. Оба-двое. Плоть и стать.
Золотистых орденов не сосчитать.
Сыновья сидят рядком – к плечу плечо.
Ноги целы, руки целы – что ещё?
Пьют зеленое вино, как повелось…
У обоих изменился цвет волос.
Стали волосы – смертельной белизны!
Видно, много
белой краски
у войны.

Роберт Рождественский

Растёт, шумит тот вихрь народной славы…

Растёт, шумит тот вихрь народной славы,
Что славные подъемлет имена,
Таким он был в свинцовый час Полтавы
И в раскалённый день Бородина.

Всё тот же он. Под Тулой и Москвою,
Под Ленинградом в сумрачных лесах
Бойцы идут. У них над головою
Родные звёзды в снежных небесах.

Нет, рано враг торжествовал победу!
И сквозь пожаров дымные рога
Бойцы идут по вражескому следу,
Врезая шаг в скрипучие снега.

А враг бежит, смятенный и голодный,
Кляня судьбу проклятую свою.
Как завершенье веры всенародной, –
Слова вождя исполнились в бою.

Бойцы идут среди родимых пашен
Победным шагом, грозны и легки,
А их народ зовет: гвардейцы наши,
Любимые, желанные сынки.

Идут бойцы, их губы крепко сжаты,
Лежит на запад огненный поход,
Их движет месть, безжалостный вожатый,
И вражьих тел великий счёт ведёт.

Громя врага и мстя, мы твердо знаем, –
Она пройдет, смертельная пурга.
Последний залп над Рейном и Дунаем
Сразит насмерть последнего врага!

<1941>

Николай Семёнович Тихонов

Утро победы

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о рёбра прерывисто, часто.
Тишина… Тишина… Не во сне – наяву.
И сказал пехотинец: – Отмаялись! Баста! -
И приметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые –
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

Алексей Сурков

ПИСЬМО ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ ДЕДУ НА ФРОНТ

Автор: Александр Фёдорович Соколов

Здравствуй дед, родной мой Трофим Андреевич!

Мы с тобой не встречались вживую, но я тебя уже хорошо знаю и чувствую. Тебя съела война, а я, чтобы почувствовать тебя, съездил на твою родину, где вырастал наш Род и многое, многое понял там про Вас, про судьбу и какова сила и мудрость рода там присутствует до сих пор.

Я настраиваюсь на тебя (это не сложно) и стараюсь почувствовать всё, что с тобой происходило, и как жизнь ставила тебя перед новыми и новыми испытаниями. Да, ты не был романтическим богатырём, но ты был всегда невероятным тружеником. Наверное ещё и потому, что был младшим в семье Соколовых, заботы и наставлений отца, Андрея Нестеровича, тебе выпало больше. Так ты и стал мастеровым и трудолюбивым.

Помнишь, как полюбив Дашу из рода Васильевых, ты мечтал поскорее уйти на самостоятельные хлеба, как вы поженились на пасху? Революция и разнобой того времени определяли вашу судьбу и терпение. Стала крепнуть семья и уже свои дети вырастали в твоём доме после отца твоего. Три сына и дочь на тот момент были твоей радостью. Но, видимо, у жизни был свой расчёт. И с началом коллективизации, в целях революционной целесообразности, наметили забрать твой дом под контору и сельсовет в селе Арнаутово, решили объявить тебя кулаком и выслать в Сибирь. Хорошо братья предупредили, и ты в пару часов собрал свои пожитки и главное – свой плотницкий инструмент, с женой и четырьмя детьми, ночью тихо ушли в далёкий Донбасс начинать всё сначала.

Там, в шахтёрском посёлке шахты 8-9 г. Боково – Антрацита вам удалось устроиться в бараке, где и началась новая жизнь. Маленькая комнатёнка с коридорчиком и стали вашей семейной вселенной, где после родился ещё один сын. Ты много работал и строил в том городе, даже замечательный дворец культуры им. Ленина, где намного позже и мне довелось заниматься в кружках. Тогда я ещё не знал, что ты был одним из его строителей, но всегда чувствовал там себя комфортно.

Но вот пришёл 41-й и война накрыла всю страну. Каково было тебе в этой неизвестности и заботе о большой семье, с совершенно неясным будущим. Кто мог тогда тебя понять? Разве что любящие глаза твоей Даши. Лихорадка призывов захватила и тебя. Сразу же, в июле, ты был призван и отправлен на фронт поспешными эшелонами за Киев под Коростень, который стоял на короткой дороге немцев на Киев... Сразу первые окопы, усталость и страх за семью. Не долго..., потом бросают под Умань, где снова окопы, и тоже пришлось оставить. После под Москву и на выступ между Смоленской дорогой и дорогой на Ржев, где ты зарывался в землю и трудился честно в солдатском деле, связав там фашистов надолго. Километры окопов, землянок и брустверов ты рыл и устраивал свой последний рубеж. В редкие минуты тишины по-новому чувствовал жизнь, её ценность и всем сердцем и мыслью старался передать это понимание своим родным, через тысячу километров, где жена прятала слёзы о тебе, хранила младших и напутствовала старших.

В этом безудержном танце пуль и снарядов, ты научился чувствовать мгновение, в котором совершенно по-новому открыл для себя ценность жизни и присутствие смерти, как нового партнёра твоей судьбы.

Ты, чувствуя это, всё ещё мечтал, как ты будешь устраивать свой новый дом, растить детей, этих и новых, стараясь защитить их какой-то светлою бронёй твоих чувств и надежды. И ты с этим справился. Они выжили, хлебнули много, но выжили.

А тебе на том пятачке твоего фронта, где ты выстоял до конца, пришлось побрататься со смертью под гусеницами немецкого танка, который ты похоронил вместе с собой. Ты не струсил, а стоял до конца, как много других в то непростое время. Таков был наш народ, и ты его часть, как звено неразрывной кольчуги и будущей Победы. Что тебе пришлось пережить за свои почти полтора года войны, знаешь только ты. Я только немного постарался почувствовать тебя и немеет моё сердце от волнения, гордости и удивления – какие вы были!

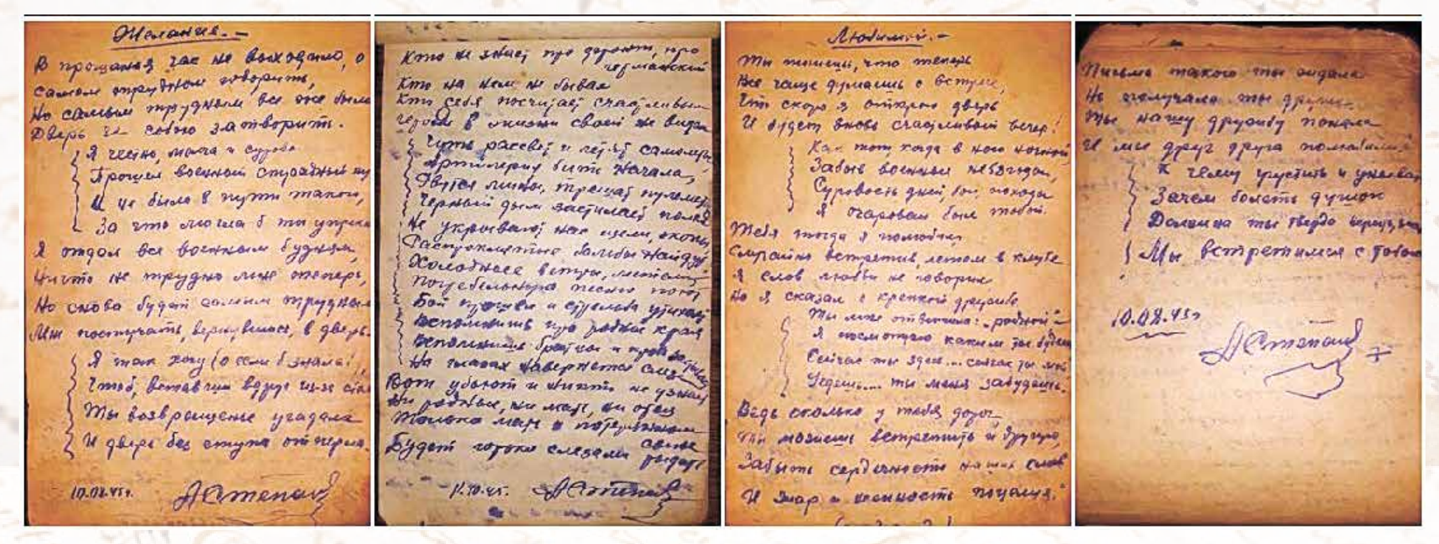
Родной мой, Трофим Андреевич, благодарю тебя за то, что ты был и есть в моей судьбе. Теперь я постоянно чувствую эту неразрывность и счастье принадлежности к нашему Роду. Ты простой человек, но ты и герой в своей судьбе, пройденной простыми делами, которые всегда больше, чем слова.

Я горжусь тобой и вечная тебе благодарность!

СТИХИ И ПЕСНИ, ЧТО СОЛДАТУ ПОМОГАЛИ ПРОЙТИ СКВОЗЬ АД И ВЫЖИТЬ НА ВОЙНЕ

Автор: Наталья Николаевна Акунец (Суворова)

Степаненков Анатолий Васильевич родился 15 января 1924 года. Проживал в посёлке Бежаницы, Псковской области. В 1941 году закончил Бежаницкую среднюю школу.

В июле 1941 года познакомился с командиром небольшого партизанского отряда. Весте с друзьями передавал партизанам найденное оружие. После освобождения посёлка Бежаницы попал в 22 армию в 104-й стрелковый полк, стал разведчиком. Принимал участие в освобождении посёлка Кудеверь Бежаницкого района Псковской области. После войны работал учителем.

У Анатолия в кармане гимнастёрки всегда были блокнот и коротенький карандаш. И после боя он записывал стихи и песни. Они помогали ему выжить в ту страшную войну. Стихи пропитаны жгучей искренностью и любовью солдата к Родине, любимой…

Их невозможно читать без слёз, они трогают душу. Этот блокнот — сокровище, живой пример солдатской души, не только не испепелившейся в огне войны, не ожесточившейся, но и создавшей для нас живое слово и донёсший это слово до наших душ, внутренний мир которых стал прекрасней и богаче ровно на это сокровище.

Вот эти стихи:

Как много видел я за эти годы,
Страданий человеческих и слёз,
Но сквозь войну утраты и невзгоды
Твои черты я бережно пронёс.

Тебя до мелочей припоминая
И всё, что было связано с тобой
Я видел, – ты была со мной, родная,
Когда впервые шли мы в жаркий бой.

Мне говорят, что будто бы на свете
Есть девушки во много раз красивей –
Мне наплевать на прелести на эти,
Лишь мог бы я тебя назвать своей.

С тобой блокаду вместе пережили
Обоим нам не спится от тоски
И я хочу, чтоб вместе поседели
Под старость наши буйные виски.

Возвращение

Война…случайная солома…
Четыре года – это срок
Прости, что я отвык от дома,
Что огрубел в пыли дорог;

Что отвечая на вопросы,
ещё я вижу те места,
кручёной толстой папиросы
не выпуская изо рта;

Что не найду себе я места,
Что я командую во сне,
Что непривычно мне и тесно
В квартирной нашей тишине;

Длинны военные дороги!
Я – дома, но ещё в пути,
В покое, но ещё в тревоге…
Прости, хорошая, прости.

Поверь, я снова буду прежний,
Отвыкну, к дому приучусь,
Моя заботливая нежность
Из глаз твоих прогонит грусть.

Желание

В прощанья час не выходило
О самом трудном говорить,
Но самым трудным всё же было
Дверь за собою затворить.

Я честно, молча и сурово
Прошёл военный страдный путь,
И не было в пути такого,
За что могла б ты упрекнуть.

Я отдал все военным будням,
Ничто не трудно мне теперь,
Но снова будет самым трудным,
Мне постучать, вернувшись, в дверь.

Я так хочу (о если б знала!)
Чтоб, вставши вдруг из-за стола,
Ты возвращенье угадала
И дверь без стука отперла.

Фронтовая

Кто не знает про фронт, про германский
Кто на нём не бывал,
Кто себя посчитает счастливым
И рая в жизни своей не видал.

Чуть рассвет – и летят самолёты
Артиллерия бить начала,
Рвутся мины, трещат пулемёты
Чёрный дым застилает поля.

Не укроют нас щели, окопы,
Распроклятые бомбы найдут.
Холодные ветры, метели,
Погребальную песню поют.

Бой прошёл, и стрельба утихает,
Вспомнишь про родные края,
Вспомнишь, братцы и кровь закипает,
На глаза навернётся слеза.

Вот убьют, и никто не узнает –
ни родные, ни мать, ни отец,
Только мать о потерянном сыне
Будет горько слезами рыдать.

Любимой

Ты пишешь, что теперь
Все чаще думаешь о встрече,
Что скоро я открою дверь
И будет вновь счастливый вечер!
Как том, когда в ночи ночной,
Забыв военные невзгоды,
Суровость дней, бои, походы
Я очарован был тобой.
Тебя тогда я полюбил,
Случайно встретив, летом в клубе
Я слов любви не говорил
Но я сказал о крепкой дружбе.
Ты мне ответила: «родной,
Я посмотрю каким ты будешь.
Сейчас ты здесь…сейчас ты мой»
Уедешь… ты меня забудешь.
Ведь сколько у тебя дорог,
Ты можешь встретить и другую.
Забыть сердечность наших слов
И жар и нежность поцелуя».
Письма такого ты ждала,
Но получила ты другие –
Ты нашу дружбу поняла
И мы друг друга полюбили.
К чему грустить и унывать,
Зачем болеть душою?
Должна ты твёрдо верить, знать:
Мы встретимся с тобою.

*Отпускник: Да ещё, меж стольких дел, как не подивиться!
Он в красивую успел девушку влюбиться.*

Имя твоё

*Здесь был лес дремучий и кудрявый,
В нём звенели песни до утра
На полях зеленели травы,
На берёзах серебрилася кора.*

*На коре на белой, точно вате,
Имя девушки я вырезал тогда
Я любил её нежнее брата,
Называл невестою всегда.*

*Но прошли бои, кругом всё погорело
Вся земля изрыта здесь войной
Лишь берёза уцелела чудом.
Смерть прошла своею стороной.*

*На берёзе имя я увидел:
Это имя всех дороже мне.
Смерть прошла, берёзу не обидев,
Что бывает редко на войне.*

*Всех сильней на свете и живуче
Зажигает сердце вновь и вновь
Опьяняет, радует и мучает
Верная и чистая любовь.*

*Смерть сильна, любовь, ещё сильнее
В этом убедились мы в бою.
Имя на берёзе стало мне милее –
В нём увидел юность я свою.*

Кубанка

*1. Тихо ветер падал над рекой,
Догорала акварель зари.
Я хочу, любимая, немножко
Обо всём с тобой поговорить.*

*2. Ты стоишь сейчас передо мной,
Но другие мысли у тебя:
Может, завтра в утро голубое
Мне седлать горячего коня.*

*3. Я сейчас беседую с тобою,
Так забудь же милая про грусть,
Может, завтра в утро голубое
Я уйду и больше не вернусь.*

*4. Может, там вдали у полустанка
Разгорится небывалый бой,
Потеряю может быть кубанку,
А быть может – с буйной головой.*

*5. Может, там вдали за полустанком,
Где ласкает ветерок траву,
Буду я лежать в своей кубанке,
Чуть засыпан в неглубоком рву.*

*6. Зарастёт травой моя могила,
Не увижу голубого дня.
И обидно будет, коль ни разу
Ты не вспомнишь, милая меня.*

*7. И когда пройдёт война лихая,
Бой затихнет у страны родной,
Жив ли буду я тогда – не знаю…
Может, я погибну молодой.*

*8. Зарастёт травой моя могила,
Не увижу голубого дня.
Кто расскажет, что со мною было,
Коль не вспомнишь, милая, меня.*

*9. Мы пройдём по городам и сёлам,
На рысях врывалися в голоп –
И промчусь с улыбкою весёлой
На Кудань, Сиваж и Перекоп.*

Песенка

*Где ты, моя хорошая
Где ты моя красивая.
Та, что похожа на вишенку,
Белую вишню в саду?
Кончилось время военное
Снова вернусь на Родину я,
Где-нибудь, синеглазая,
Тебя невзначай найду.*

*Может, над Камой тихою,
Может, над Волгой светлою,
Может, в родной Смоленщине
Встречу такую тебя.
Выйду навстречу, милая,
Мне улыбнись приветливо
И обними, подруженька,
Радуясь и любя.*

*Много сберёг я нежности,
Светится сердце ласково…
Буду я жить надеждою,
Встречей такой с тобой,
Чтоб для меня ты стала
Самой любимой сказкою,
Чтоб навсегда была ты
Счастьем моим и судьбой.*

*Зимней, холодной порою,
Мы расставались с тобой
Руку пожала, тихо сказала
Милый, желанный, родной.
Мы повстречались случайно,
Время – пришлось разойтись
Ты говорила, ждать меня будешь.
Слезы на грудь пролились.*

ПИСЬМО С ФРОНТА

Материалы для статьи собраны из открытых источников в интернете

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую – слов даже нет!

Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентяя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.

Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник «украшал»,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы всё, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры –
Всё – сказка, всё в дымке, как снежные горы…
Пусть так, возвратимся – оценим вдвойне!

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки…

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры –
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поёшь
И вместе со мною к далёким победам
Солдатской дорогой незримо идёшь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу!

1943

Эдуард Асадов появился на свет в сентябре 1923 года, в городе Мерв Туркестанской АССР, в семье интеллигентных армян. Его отец, Арташес Григорьевич Асадьянц (позднее переменивший имя и фамилию и ставший Аркадием Григорьевичем Асадовым), участвовал в революционном движении, сидел в тюрьме за свои убеждения, после чего примкнул к большевикам. Впоследствии служил следователем, комиссаром и командиром стрелковой роты. Выйдя в отставку, Аркадий Григорьевич женился на матери будущего поэта, Лидии Ивановне Курдовой, и сменил военные погоны на мирный статус школьного учителя.

Эдуард Асадов

Юные годы маленького Эдика протекали в уютной атмосфере маленького туркменского городка, с его пыльными улочками, шумными базарами и бесконечным синим небом. Однако счастье и семейная идиллия были недолгими. Когда мальчику было всего шесть лет, трагическим образом скончался его отец. На момент смерти Аркадию Григорьевичу было около тридцати, а умер он, не пострадавший от бандитских пуль и лихолетья Гражданской войны, от кишечной непроходимости.

Мать Эдуарда, оставшись одна с ребёнком, не смогла выносить обстановки, напоминавшей ей о покойном супруге. В 1929 году Лидия Ивановна собрала свои нехитрые пожитки и вместе с сыном перебралась в Свердловск, где жил её отец, Иван Калустович. Именно в Свердловске Эдик впервые пошёл в школу, а в восемь лет написал свои первые стихи, там же стал посещать театральный кружок. Все прочили мальчику блестящее будущее, настолько он был талантлив, пылок, разносторонен.

Эдуард Асадов с родителями

Раз вкусив прелести строчек, выбегающих из-под пера, Асадов уже не мог остановиться. Мальчик писал стихи обо всём, что он видел, чувствовал, любил. Мама Эдика смогла привить сыну не только любовь к литературе, театру, творчеству, но и своего рода преклонение перед истинными чувствами, искренностью, преданностью, страстью.

После Свердловска Асадовы перебрались в Москву, где Лидия Ивановна продолжала работать школьной учительницей. Эдуард был в восторге. Его очаровал большой и шумный город, столица покорила сердце юноши своим масштабом, архитектурой, суматохой. Он писал буквально обо всём, будто впитывая наперёд впечатления от увиденного и стараясь зафиксировать их на бумаге. Это были стихи о любви, жизни, девушках, прекрасных, как весенние цветы, о жизнерадостных людях и сбывающихся мечтах.

После окончания школы Эдуард Асадов планировал поступать в ВУЗ, только всё никак не мог выбрать направление, колеблясь между литературным и театральным институтами. Выпускной вечер в его школе пришёлся на 14 июня 1941 года. Юноша, рассчитывал, что у него ещё будет несколько дней на размышления до подачи документов. Но судьба распорядилась иначе. Война сломала жизни миллионов советских людей, и молодой поэт не смог избежать предначертанного. Впрочем, он и не пытался: в первый же день войны Асадов явился в военкомат и записался добровольцем на фронт.

14 июня 1941 года в московской школе, где учился Эдуард, отгремел выпускной вечер. А спустя неделю началась война. Он не мог не услышать призыв: «Комсомольцы на фронт!» И вместо заявления на поступление в институт, юноша пришёл в райком комсомола с другой бумажкой, где изложил свою просьбу взять его на фронт добровольцем. Вечером он был в райкоме, а следующим утром уже ехал в воинском эшелоне.

Сначала его направили под Москву, где шло формирование первых подразделений знаменитых гвардейских миномётов. Потом он попал под Ленинград, где служил наводчиком замечательного и грозного оружия миномёта «Катюши». Потом в звании офицера командовал батареей 4-ого Украинского и Северокавказского фронтов. Воевал хорошо, каждую минуту грезил победой, а в редких промежутках между военными действиями писал стихи.

В конце весны 1944 года Эдуард был тяжело ранен в бою под Севастополем. Он вёл грузовик с боеприпасами, рядом разорвался снаряд, осколок попал ему в лицо, почти половина черепа была раздроблена. Одному Богу известно, как с таким ранением молодой юноша сумел довезти машину до места назначения.

Потом последовала череда госпиталей и операций. Двадцать шесть суток врачи вели борьбу за молодую жизнь. Когда на мгновения к нему возвращалось сознание, он диктовал пару-тройку слов, чтобы написали маме. Потом снова проваливался в бессознательное состояние. Ему спасли жизнь, но не смогли уберечь глаза. Асадов остался слеп и до конца жизни носил на лице чёрную полумаску. За этот подвиг поэт был награждён Орденом Красной Звезды.

По окончанию войны Эдуард Асадов продолжил свою деятельность как поэт и прозаик. Поначалу он писал стихи «в стол», не решаясь публиковаться. Однажды поэт отправил несколько стихотворений Корнею Чуковскому, которого считал профессионалом в поэзии. Чуковский сначала раскритиковал произведения Асадова в пух и прах, но в конце письма неожиданно подвёл

итог, написав, что Эдуард — истинный поэт, обладающий «подлинным поэтическим дыханием».

После такого «благословения» Асадов воспрянул духом. Он поступил в столичный Литературный университет, который с успехом окончил в 1951 году. В том же году вышел первый из его сборников «Светлая дорога». Затем последовало вступление в члены КПСС и в Союз писателей, долгожданное признание широкой публики и мировой общественности.

В послевоенные годы Эдуард Асадов участвовал в многочисленных литературных вечерах, читал со сцены стихи, раздавал автографы, выступал, рассказывая людям о своей жизни и судьбе. Его любили и уважали, его стихами зачитывались миллионы. Приходили письма со всего Союза: так в душах людей отзывалось его творчество, затрагивая самые потаённые струны и самые глубокие чувства.

Смерть настигла поэта в Одинцово 21 апреля 2004 года. Его похоронили на Кунцевском кладбище города Москвы. Он оставил завещание, в котором просил своё сердце захоронить в Севастополе на Сапун-горе, там, где он получил тяжёлое ранение, потерял зрение, но остался жить. На Сапун-горе находится музей «Защита и освобождение Севастополя», в котором имеется стенд, посвящённый Эдуарду Асадову. Работники музея рассказывают, что завещание поэта не было выполнено, против этого выступили его родственники.

КАК ПЛЕННЫЙ ВРАЧ КОНЦЛАГЕРЯ СПАС ТЫСЯЧИ СОЛДАТ

Материалы для статьи собраны из открытых источников в интернете

Георгий Фёдорович Синяков (6 (19) апреля 1903, с. Петровское, Воронежская губерния — 7 февраля 1978, Челябинск) — советский хирург, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР, участник Великой Отечественной войны.

В 1928 окончил медицинский факультет Воронежского университета. В июне 1941-го был призван в действующую армию. Оказавшись с ранеными бойцами под угрозой окружения, остался с ними и попал в плен. Прошёл лагеря Борисполя и Дарницы. С мая 1942 года оперировал в лагере Кюстрин «ЗЦ».

Молва о гениальном, но скромном русском хирурге из Челябинска Георгие Синякове, который, рискуя собственной жизнью помогал тысячам солдат, облетела весь мир после интервью с легендарной лётчицей Анной Егоровой-Тимофеевой, совершившей более трёхсот боевых вылетов. Никто не знал, как в один из таких боевых заданий советская лётчица попала в плен, но осталась жива и спаслась чудесным образом. И 20 лет спустя рассказала о подвиге доктора Синякова.

Синяков ушёл на Юго-Западный фронт с самого начала войны. Во время боёв за Киев попал в плен. Молодой врач прошёл два концлагеря, Борисполь и Дарницу, и оказался в Кюстринском концентрационном лагере в девяноста километрах от Берлина. Сюда сгоняли военнопленных из всех европейских государств. Русским приходилось тяжелее всего, здесь их никто никогда не лечил. Люди умирали от голода, измождения, простуды и ран.

— Папа ушёл на фронт на второй день войны, — рассказывает приёмный сын Георгия Фёдоровича Синякова Сергей Николаевич Мирющенко. — Он был очень добрый человек. Мне было семнадцать, когда через десять лет с момента последней встречи он приехал к нам с мамой в Челябинск, куда мы перебрались из города Шахты ещё до войны. Мы сразу приняли друг друга, так что непонятно, кто из нас приёмный — я у него или он у меня. **Из воспоминаний сына С.Н. Мирющенко газете МК Челябинск**

Весть о гениальном враче разошлась далеко за пределы концлагеря. Немцы стали привозить к Синякову своих родных и знакомых в особо крайних случаях. К пленному русскому.

Однажды Синяков оперировал немецкого

мальчика, подавившегося костью. Когда ребёнок пришёл в себя, заплаканная жена «арийца» поцеловала руку пленному русскому и встала перед ним на колени. После этого Синякову был назначен дополнительный паёк, а также стали положены некоторые льготы, типа свободного передвижения по территории концлагеря, огороженного тремя рядами сетки с железной проволокой. Врач же частью своего усиленного пайка с первого дня делился с ранеными: обменивал сало на хлеб и картошку, которой можно было накормить большее число заключённых.

Потом Георгий возглавил подпольный комитет. Помогал организовывать побеги из Кюстрина. Врач распространял листовки, где рассказывалось об успехах Советской армии, поднимал дух советских пленных: уже тогда доктор предполагал, что это — один из методов лечения. Синяков изобрёл такие лекарства, которые отлично заживляли раны больным, но по внешнему виду это было непонятно.

Георгий Фёдорович Синяков

Кюстринский мемориал

Георгий Синяков — русский доктор

Анна Александровна Егорова. Лётчица, Герой Советского Союза

Именно эту мазь Георгий использовал, когда фашисты подбили легендарную Анну Егорову. Он настоял на том, чтобы лечение сбитой фашистами русской лётчицы Анны Егоровой, брошенной в карцер и обречённой в лагере на смерть, было доверено ему и Трпинацу (Павле Трпинац, врач-югослав, рассказавший всему лагерю о виртуозном мастерстве русского хирурга, который воскрешает из мёртвых). При перевязке Егорова попросила Синякова сохранить спрятанные в тайнике сапога награды и партбилет. В этом им помог капрал Гельмут Чахер, немецкий переводчик, сочувствовавший русским, помогавший подпольщикам, предупреждавший о провокаторах — он сберёг документы в банке с ядом.

Гитлеровцы ждали поправки отважной лётчицы, чтобы устроить показательную смерть, а она всё «угасала и угасала». Синяков лечил лётчицу, делая вид, что лекарства ей не помогают.

Потом Анна поправилась и при помощи Синякова бежала из концлагеря. Советские солдаты, слышавшие о смерти легендарной лётчицы, едва поверили в её чудесное воскрешение.

Способы спасения солдат были разными, но чаще других Георгий стал использовать имитацию смерти. Громко констатировав фашистам, что очередной солдат умер, Георгий знал, что жизнь ещё одного советского человека спасена. «Труп» вывозили с другими действительно умершими, сбрасывали в ров неподалёку от Кюстрина, а когда фашисты уезжали, пленный «воскресал», чтобы пробраться к своим.

В один из дней в Кюстрин пригнали сразу десять советских лётчиков. Георгию Фёдоровичу удалось спасти всех. Здесь помог его излюбленный приём с «умершим» пленным.

Георгий Фёдорович лечил военнопленных, помогал им окрепнуть, прятал под номерами и фамилиями умерших в инфекционных бараках, готовя их к побегу. А Чахер, хорошо знающий местность, разрабатывал маршрут побега из Кюстрина, рисовал карту, которая вручалась вместе с часами и компасом тем, кто решался покинуть лагерь. Таких успешных операций у них было немало. Они помогли бежать и спрятанному Синяковым в инфекционном бараке под чужим номером и именем 18-летнему москвичу Илье Эренбургу, тёзке известного советского публициста, объявленного фашистами в розыск.

Чтобы его спасти, Георгию Фёдоровичу пришлось усовершенствовать свой приём с воскрешением. Надсмотрщики спрашивали Синякова, кивая на Эренбурга: «Юде?». «Нет, русский», — уверенно и чётко отвечал врач. Он знал, что с такой фамилией у Ильи нет ни единого шанса на спасение. Доктор, спрятав документы Эренбурга, так же, как прятал награды лётчицы Егоровой, придумал раненому молодому парню фамилию Белоусов. Понимая, что смерть идущего на поправку «юде» может вызвать вопросы у надсмотрщиков, месяц доктор думал, как быть. Он решил имитировать внезапное ухудшение здоровья Ильи, перевёл его в инфекционное отделение, куда фашисты боялись нос совать. Здесь парень и «умер». Илья Эренбург «воскрес», перешёл линию фронта и закончил войну офицером в Берлине. Ровно через год после окончания войны доктор отыскал молодого человека. Сохранилась фотокарточка Ильи Эренбурга, которую он прислал «русскому доктору», с надписью на обороте, что Синяков спас его в самые трудные дни жизни и заменил ему отца.

Фотокарточка Ильи Эренбурга, которую он прислал «русскому доктору»

В июле 1943 года Гельмута Чахера перевели из Кюстрина, его русские соратники написали ему прощальные письма со словами признания и уважения. В письме Георгия Фёдоровича Синякова были такие строки:

«Ваши, Чахер, слова: «Если победят немцы, русским будет плохо, а если победят русские, немцам будет хорошо». ...Вы верите в нашу победу, и за это вам большое русское спасибо. Спасибо и за то, что вы делаете для победы советского народа».

В мемуарах Егоровой прослежена дальнейшая судьба Гельмута Чахера:

«Почти полтора года его переводили из лагеря в лагерь... И всюду он находил способ, как помочь русским пленным, как больше навредить гитлеровцам. Когда представилась возможность, он с пятью другими немцами перешёл через линию фронта на нашу сторону».

Г.Ф. Синяков

Из воспоминаний сына С.Н. Мирющенко газете МК Челябинск:

— Папа, когда его разыскала Егорова, много встречался с бывшими соратниками. Когда Трпинацу вручали в Москве орден Отечественной войны, он ездил на встречу с ним, организованную Егоровой. Туда же приехали и лётчики, спасённые в лагере — Майоров, Каширин… Отец говорил, что это было незабываемо.

Сбитому в бою лётчику-штурмовику Николаю Майорову, попавшему в Кюстринский лагерь, Синяков собрал по частям развороченную челюсть, спас руку с газовой гангреной. Помогал ему врач Трпинац. Лётчик-истребитель Александр Каширин, попавший в лагерь израненным, с гангреной ступней ног, без сознания, со слезами на глазах сказал на встрече те слова, что носил в душе столько лет:

«Мы, спасённые вами, низко кланяемся вам и говорим спасибо, дорогой наш доктор! Стихотворение, которое вы нам читали в лагере, я запомнил:

***«Сквозь фронт, сквозь тысячу смертей,
Сквозь Дантов ад концлагерей,***

Г.Ф. Синяков с друзьями

***Сквозь море крови, жгучих слез
Я образ Родины пронёс.
Как путеводная звезда,
Сиял он предо мной всегда…»***

— Они приезжали к нам, эти отважные лётчики — десять человек сразу. Пришлось их разместить у маминого брата, у наших соседей, — рассказывает Сергей Николаевич. — Они были такие шумные, весёлые, то шутили, то плакали и говорили, говорили ночь напролёт. Вот они, здесь, на фотографии у Вечного огня у нашего почтамта…

Приезжал и Илья Зельманович Эренбург… А знаете о последнем подвиге Синякова в лагере? Он ведь фактически спас от смерти около трёх тысяч человек.

Из воспоминаний сына С.Н. Мирющенко газете МК Челябинск:

В далёком 1945 году, когда фронт приблизился к лагерю и пора было начинать восстание, к которому был готов подпольный комитет, фашисты вдруг опрокинули все планы. Ночью узников разделили на три части: одних погрузили на станции в эшелоны для отправки в Германию, других погнали пешком через замёрзший Одер, а третьих — около 3000 больных и раненых истощённых доходяг — оставили в лагере. С ними остался Георгий Фёдорович. Увидев прибывших в лагерь эсэсовцев, он понял, что готовится что-то страшное. И решил поговорить с солдатами. Его удерживали сочувствующие охранники, переводчик. Они подтвердили, что лагерь готовят к уничтожению, но есть команда оставить его живым. Он уговорил переводчика пойти к фашистскому начальству и стал просить гитлеровцев пощадить измученных пленников, не брать ещё один грех на душу. У переводчика от стра-

ха тряслись щёки, но он перевёл слова русского доктора, которые тот буквально прокричал со всей силой и убедительностью… Лагерь был оставлен без единого выстрела. А вскоре в его ворота вошли советские танки…

— …И папа в течение нескольких суток прооперировал более семидесяти тяжелораненых танкистов, так как наши тылы сильно отстали от наступавших советских частей. С санитарным батальоном папа дошёл до Берлина и расписался на Рейхстаге… Трудная, красивая судьба. **Из воспоминаний сына С.Н. Мирющенко газете МК Челябинск.**

В 1945-м Георгий Синяков расписался на Рейхстаге.

После окончания войны продолжил служить до 1946 года, затем был демобилизован и переехал на постоянное место жительства в Челябинск, где жил до конца своих дней. С 1946 по 1972 годы заведовал хирургическим отделением МСЧ ЧТЗ (ныне клиническая горбольница № 8), затем до 1974 года — был ассистентом кафедры факультетской хирургии в Челябинском государственном медицинском институте. В 1961 году был избран депутатом городского Совета. Награждён орденом «Знак Почёта».

О войне он никому не рассказывал. Тысячи спасённых Георгием Фёдоровичем говорили, что он был действительно врачом с большой буквы, настоящим «Русским Доктором». Известно, что свой день рождения Синяков отмечал в день окончания Воронежского университета, считая, что родился тогда, когда получил диплом врача.

Умер Георгий Фёдорович 7 февраля 1978 года, похоронен на Успенском кладбище г. Челябинска. На здании хирургического корпуса больницы № 8 Георгию Фёдоровичу Синякову установлена мемориальная доска.

Открытие мемориала в Кюстрине, 1945 г.

ПОДВИГИ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор: Александр Волков. Дополнено редакцией

Сегодня про молодое поколение я очень часто слышу: "Им же всего лишь 10-15, они же дети!" В наши дни это так. А тогда, в тяжёлые времена Великой Отечественной войны, было совсем по-другому. И сегодня рассказ пойдёт о самых молодых героях, Вставших на защиту своей Родины.

Валя Котик

Он родился 11 февраля 1930 года на Украине, в крестьянской семье.

Стремительный гитлеровский блицкриг лета 1941 года: и вот Валя с семьёй, живущие в городе Шепетовка, уже на оккупированной территории. Осенью отчаянный мальчишка устроил засаду на дороге. Гранатой подорвал машину с гитлеровцами, уничтожив несколько солдат и командира полевой жандармерии. Когда над семьёй Вали нависла угроза ареста, он с матерью и братом убежал в лес, став бойцом партизанского отряда имени Корнелюка.

В октябре 1943-го Валя, находившись в дозоре, напоролся на карателей, готовившихся атаковать партизанскую базу. Мальчика скрутили, но решив, что 13-летний ребёнок не представляет угрозы, оставили под охраной здесь же, на опушке леса. Каратели двинулись дальше, но Вале удалось сорвать гранату с пояса конвоира и бросить её в сторону врагов. Взрыв убил на месте двоих карателей, и поднял шум, не дав застать партизан врасплох. Сам Валя был ранен, но выжил и продолжил воевать до самой смерти.

17 февраля 1944 года Валя Котик погиб в возрасте 14 лет от немецкой пули.

Валя Котик

Вилор Чекмак

Вилор Чекмак встретил войну в Севастополе в 1941 году, окончив всего восемь классов. Он хорошо учился, имел художественные и музыкальные способности, мечтал стать художником. Вместе со своим другом Володей Снежинским активно участвовал в различных творческих конкурсах. Вилор очень любил книгу "Три мушкетёра".

Когда началась война, старший товарищ Вилора, уходивший на фронт, оставил ему овчарку по кличке Ральф. В августе 1941 года с этой овчаркой Вилор, несмотря на врождённое заболевание сердца, ушёл в партизанский отряд и стал разведчиком.

Погиб Вилор Чекмак в районе деревни Алсу под Севастополем. 10 ноября 1941 года он был в дозоре. Заметив приближавшихся к партизанскому отряду фашистов, подросток выстрелом из ракетницы предупредил свой отряд об опасности, а сам в одиночку принял бой с наступающими гитлеровцами. Вилор дрался до последнего патрона. Когда стрелять уже было нечем, он подпустил солдат к себе, и подорвал их вместе с собой гранатой. После войны день рождения Вилора стал Днём Юных Защитников Севастополя.

Вилор Чекмак

Володя Дубинин

Володя Дубинин

Мальчику было 14 лет, когда грянула Отечественная война. Его отец добровольцем ушёл на флот, а Володя остался с матерью в Керчи, городе в восточном Крыму. Когда город захватили фашистские войска, они с партизанами ушли в Старокарантинские подземные каменоломни, а фашисты стали блокировать найденные входы и выходы из катакомб, заваливая их камнями, цементом и щебнем. Только дети могли пролезть в оставшиеся узкие лазы, чтобы принести командованию сведения извне. Причём, Володя был самым маленьким по физическим параметрам, и настало время, когда выходить из каменоломен мог только он один.

В декабре 1941 года немцы решили затопить каменоломни вместе с находящимися в них людьми. Володя Дубинин сумел раздобыть эту информацию и вовремя предупредить товарищей о грозящей им опасности, буквально за несколько часов до начала карательной операции. Спешно сооружая плотины, бойцы успели перекрыть вход воде, находясь в ней уже по пояс.

Погиб Володя, подорвавшись на сети минных полей, которые немцы в дальнейшем окружили каменоломни.

Зина Портнова

Зина родилась в Ленинграде. После 7 класса, летом 1941 года она приехала на каникулы к бабушке, в Белорусскую деревню Зуя. Там её и застала война. Белоруссию заняли фашисты.

В Оболе была создана подпольная комсомольско-молодёжная организация "Юные мстители". Зину избрали членом её комитета. Девочка, работавшая посудомойкой в столовой курсов переподготовки немецких офицеров, отравила пищу, приготовленную на обед. В результате диверсии погибло около сотни гитлеровцев. Желая доказать свою непричастность, девочка попробовала отравленный суп и лишь чудом осталась жива.

Но однажды, во время исполнения задания, Зину опознали и задержали как участницу подполья. При попытке к бегству Зине прострелили ноги. Началась череда зверских пыток. Вопреки страданиям, девочка не предала своих, и эта стойкость бесила палачей ещё больше. На последнем допросе в тюрьме гестапо в городе Половске гитлеровцы выкололи ей глаза и отрезали уши. Ранним утром в январе 1944 года искалеченную, но не сломленную Зину расстреляли. Её бабушка погибла под немецкими бомбами.

Марат Казей

Зина Портнова

Марат Казей

Ему было 13 лет, когда умерла его мать, а они с сестрой ушли в партизанский отряд. Маму, Анну Казей, в Минске немцы повесили за то, что она прятала и лечила у себя партизан. Сестру Марата, Ариадну, пришлось эвакуировать. Девочка отморозила себе обе ноги, когда партизанский отряд выходил из окружения, и их пришлось ампутировать. Однако, мальчик отказался от эвакуации и остался в строю, чтобы отомстить за убитую мать, искалеченную сестру, поруганную Родину.

В мае 1944 года уже вовсю готовилась операция "Багратион", которая принесла Белоруссии свободу от фашистского ига. Но Марату не суждено было это увидеть. 11 мая в деревне Хоромицкие разведгруппу партизан обнаружили гитлеровцы. Напарник Марата погиб сразу, а сам он вступил в бой. Немцы взяли его в кольцо, рассчитывая схватить юного партизана живым. Когда кончились патроны, мальчик подорвал себя гранатой, чтобы не сдаваться в плен и не навлечь беду на жителей близлежащих деревень.

Иван Герасимов

Едва ли не в каждом эшелоне с войсками, движущимися на фронт, регулярно вылавливали зайцев-мальчишек, стремящихся на войну, чтобы отомстить за родных. Так на станции Повадино обнаружился 14-летний Иван Герасимов. Отец его, Фёдор Герасимов, погиб на фронте, дом сгорел, а вместе с ним — его мать и три сестры.

В октябре в очередной раз пришло распоряжение во исполнение приказа Сталина: всех подростков отправить в тыл для определение в училища. А в 5.30 утра, 14 ноября немцы начали артподготовку, и вопрос эвакуации Ивана на восток отложился.

Первую атаку отбили. Затем авиа-налёт, потом вперёд двинулись немецкие танки. Орудия оказались отрезаны друг от друга. Ваня в одиночку выпустил по танкам два последних снаряда. На глазах комиссара дивизиона Филимонова, ему раздробило локоть левой руки. И тогда в сторону немцев полетели гранаты. Осколками очередного снаряда Ивану оторвало кисть правой руки. Оставшимся в живых показалось, что он погиб, однако, когда немецкие танки обошли в обход позиции артиллеристов, Иван Герасимов встал, выбрался из ровика, прижимая культей правой руки противотанковую гранату, выдернул зубами чеку, и лёг под гусеницы головного танка.

Шура Кобер

Витя Хоменко

Шура Кобер и Витя Хоменко

Александр Павлович Кобер родился 5 ноября 1926 года в городе Николаев Украинской ССР. С детских лет Шура проявлял интерес к чтению. Его любимыми книгами были «Приключения капитана Гаттераса», «Суворов», «Овод». Кроме литературы, Александр Кобер увлекался игрой на скрипке и посещал музыкальную школу.

Виктор Хоменко родился 12 сентября 1926 года в украинском Кременчуге. Детство Вити не было лёгким: мать в одиночку вынуждена была растить его и двух сестёр. Мальчик рано познал, что такое труд, и времени на игры со сверстниками у него оставалось немного. Он стал для матери настоящей опорой и всегда помогал ей в ведении домашнего хозяйства. В школе пионер отличался усердием, прилежанием и дисциплинированностью. С детских лет Витя грезил о мореплавании и при всяком удобном моменте любил плавать.

В мае 1942 года в Николаев была заброшена группа разведчиков под руководством В. Андреева, которая организовала в городе подпольную организацию «Николаевский центр». В её состав вошли пионеры Шура Кобер и Витя Хоменко. Будучи связными, ребята выполняли важные задания. Витя на отлично знал немецкий язык, работал в офицерской столовой. В пьяных спорах фашисты выбалтывали сведения, которые играли важную роль для принятия решений в «Николаевском центре». Однажды, когда у подпольщиков вышла из строя рация, передать секретные сведения советскому командованию поручили пионерам. Несколько сот километров они прошли пешком. Перешли линию фронта, и затем самолётом их отправили в Москву, в штаб партизанского движения. В октябре ребята были переправлены через линию фронта самолётом и сброшены на парашютах в двадцати километрах от Николаева. Они вновь приступили к выполнению боевых заданий, однако вскоре были преданы провокатором. Десять дней фашисты пытали юных разведчиков и, ничего не добившись, 5 декабря 1942 года их повесили базарной площади города. За свой подвиг пионеры посмертно награждены орденами Великой Отечественной войны I степени.

Вася Курка

Вася – уроженец села Любомирка. Он воспитывался в крестьянской семье Тимофея Антоновича Курки. В 1939 году четырнадцатилетний подросток успешно окончил семилетнюю школу и поступил на зоотехническое отделение

Вася Курка

Аркадий Каманин

Петровского сельскохозяйственного техникума в Одесской области. Но через год вернулся домой и поступил в Ольгопольскую школу механизации сельского хозяйства.

Во время Великой Отечественной войны Вася Курка добровольно ушёл в действующую армию, став сыном полка. Он – самый юный снайпер Великой Отечественной войны.

В июне 1941 года вместе со школой механизации Вася был мобилизован Ольгопольским райвоенкоматом Винницкой области на трудовой фронт. Подростка эвакуировали в Мариуполь и причислили к школе ФЗО металлургического завода.

Сначала Василия определили в тыловые подразделения. Он выполнял все работы вплоть до заправки керосиновых ламп. В апреле 1942 года при организации курсов снайперов планировалось, что преподавать стрелковое дело будет снайпер Максим Семёнович Брыксин. Узнав об этом, Вася обратился к командованию полка с просьбой зачислить его курсантом школы снайперов. Просьбу удовлетворили. Подросток старательно изучал винтовку. К 1 мая 1942 года Василий сдал экзамен на звание «снайпер» на отлично. Уже 9 мая 1942 года был открыт его личный боевой счёт: один уничтоженный гитлеровец.

К сентябрю 1942 года Вася уничтожил 31 фашиста. Он считался одним из лучших снайперов дивизии. Всего на его боевом счету было 179 уничтоженных оккупантов и один сбитый самолёт-разведчик.

В начале 1943 года командование отправило Василия на краткосрочные офицерские курсы. Юноша вернулся в полк уже в звании младшего лейтенанта. Стал командиром стрелкового (снайперского) взвода и инструктором по подготовке снайперов.

Вместе со своими учениками и подчинёнными юный снайпер обеспечивал эффективную защиту передовых позиций полка от вражеских снайперов и корректировщиков огня, уничтожал огневые точки противника при подготовке к наступлению.

Только за лето 1943 года командир взвода младший лейтенант семнадцатилетний Вася Курка подготовил 59 снайперов, а сам он увеличил свой счёт до 138 истреблённых фашистов. Только в боях за Тамань им было уничтожено 12 гитлеровцев.

12 января 1945 года на Сандомирском плацдарме во время наступления советских войск молодой лейтенант Вася Курка выполнял боевое задание и был тяжело ранен в голову. На следующий день он умер от ран.

Аркадий Каманин

Самому молодому советскому лётчику, который участвовал в Великой Отечественной войне, было всего четырнадцать… Не принято было прятаться за спины отцов…

Каманин Аркадий Николаевич родился 2 ноября 1928 года на Дальнем Востоке. Отец – Николай Петрович Каманин (1908—1982) — советский лётчик и военачальник, генерал-полковник авиации, один из первых Героев Советского Союза.

Уже в 14 лет Аркадий отправился на Калининский фронт к своему отцу, который командовал на тот момент авиационным корпусом. Учитывая его опыт — Аркадий ещё в 1941-м году успел несколько месяцев отработать механиком на одном из московских авиационных заводов, — отец назначил его механиком по спецоборудованию в эскадрилью связи своего корпуса. Тем более он, как никто другой, знал, что механики с хорошим знанием авиации нужны на фронте.

Проработав механиком оборудования в штабе связи недолгое время, Аркадий начал летать на самолёте У-2 в качестве штурмана.

В апреле 1943 году в звании старшего сержанта Аркадий пополняет ряды советской армии. Двух месяцев опытному авиамеханику хватило для того, чтобы сдать экзамен лично генерал-майору Н.Каманину, который так и не нашёл оснований не допустить сержанта А. Каманина к самостоятельным вылетам.

И вот паренёк, теперь уже лётчик 423-й Отдельной авиаэскадрильи связи, стал совершать разведывательные полёты на У-2. Чтобы придать машине стремительный вид, Аркадий попросил художника специально для него нарисовать на самолёте стрелу, похожую на молнию. Правда, в эскадрилье Аркадия звали не лётчиком, а летунком — уж очень юным смотрелся вчерашний мальчишка на фоне взрослых.

Результатом одного из вылетов стало спасение лейтенанта Бердникова. Возвращаясь из очередного вылета, пилот У-2 эскадрильи связи 5-го гвардейского ШАК заметил штурмовик, лежащий на брюхе на нейтральной полосе. Подведя свою машину ближе, он обнаружил, что кабина Ил-2 была закрыта, и в ней, возможно, находился раненый лётчик. Взаимовыручка среди лётчиков — святой закон. В кабине, действительно, сидел тяжело раненый в голову лётчик лейтенант Бердников. Он выполнил задание по аэрофотосъёмке, но доставить результаты съёмки на базу уже не смог.

За спасение товарища и доставку разведданных лётчик Каманин был награждён орденом Красной звезды.

В 1944 году сержант Каманин заслужил второй орден Красной Звезды: при нападении на штаб фронта отряда бандеровцев он под обстрелом взлетел на своём У-2, забросал нападающих ручными гранатами и вызвал подкрепление.

Весной 1945 года 16-летний старшина Аркадий Каманин доставил в партизанский отряд под Брно питание для рации и секретный пакет, совершив полуторачасовой полёт за линию фронта по неизученному маршруту в горной местности со сложным рельефом. Этот вылет командование оценило орденом Красного Знамени.

Каманин Аркадий Николаевич за всю службу в армии совершил около 400 полётов по военным заданиям. Большинство из них происходили в плохих погодных условиях в непосредственной близости к фронту. За время войны выполнял различные поручения из штаба, связанные с работой связистов. Передавал радиоэлементы партизанам, перелетая через линию фронта. С июня 1943 года летчик перешел на службу в Первый, а затем Второй Украинские фронты. К концу войны Каманин Аркадий Николаевич мог похвастаться шестью с половиной сотнями полётов!

А после Великой Отечественной войны сбылась заветная мечта Аркадия: Решив учиться, он начал усиленно заниматься, восполняя недостающие школьные знания. С присущим ему упорством и рвением он добился получения аттестата за один год. Осенью 1946 года 17-летний ветеран, кавалер орденов и медалей был зачислен на подготовительные курсы Военно-Воздушной Академии имени Жуковского, которую в своё время окончил его отец.

Казалось бы, будущее молодого парня было блестящим и сулило ещё немало подвигов. Юноша мог стать одним из первых космонавтов…

Но жизнь продиктовала другие правила…

У кадровых военных бытует печальная поговорка: «Снял портупею — и рассыпался». Самый молодой пилот Великой Отечественной войны — Аркадий Николаевич Каманин — умер от менингита 13 апреля 1947 года, навсегда оставшись восемнадцатилетним.

Лара Михеенко

Лара Михеенко

Михеенко Лара родилась 4 апреля 1929 года в Ленинградской области.

В июне 1941 года Лара отправилась на каникулы к своему дяде в деревню Печенёво Калининской области. Но началась война и уже к концу лета часть области оказалась оккупированной. Дядя Лары, у которого она гостила вместе со своей бабушкой, принял предложение служить нацистам в должности старосты.

Его родные осудили этот поступок и за это были выселены из дома. Ларе с бабушкой приходилось очень тяжело, они выживали случайными подаяниями, голодали, ютились в бане, непригодной для постоянного проживания.

У Лары в Печенёве были две подруги: Фрося и Раиса. В 1943 году, когда Раисе исполнилось 16 лет, она получила повестку явиться в лагерь, из которого подростков отправляли на работы в Германию. Такая перспектива не вдохновляла ни Раису, ни её подруг.

Обсудив своё положение, подруги приняли решение податься в местный партизанский отряд.

С августа 1943 года отряд, в котором находилась Лара, активно участвовал в «рельсовой войне». Уже опытная разведчица, Лариса собирала сведения об охране мостов и возможностях их минирования.

Благодаря Ларе в одной из операций кроме моста был выведен из строя ещё и проходивший по нему вражеский эшелон: девочка смогла подобраться к мосту, где зажгла огнепроводный шнур прямо перед приближающимся поездом.

Глубокой осенью 1943 г. Лариса с двумя партизанами пошла в деревню Игнатово на разведку. Они тайно остановились в доме проверенного человека. Пока партизаны общались с хозяйкой дома, Лариса оставалась снаружи для наблюдения.

Как выяснится позже, их предал кто-то из местных жителей. Внезапно появились немцы, и Лара успела предупредить об этом друзей.

Но силы были не равны – в бою были убиты оба партизана, а Ларису схватили, чтобы повести на допрос. В пальто у девочки оставалась ручная граната, которую она бросила в фашистов. Однако граната не взорвалась.

Лара была подвергнута издевательствам и пыткам. Хрупкая девушка мужественно выдержала страшные страдания.

Фашисты расстреляли Лару Михееву 4 ноября 1943 года. Ей было 14 лет.

Мы рассказали только маленькую часть трагических судеб людей, прошедших огонь войны. Таких примеров не единицы — их множество. Понимая это, начинаешь осознавать цену мирного неба над головой. Вечная слава Великим Героям! Вечная Память Защитникам Отечества! Никто не забыт, ничто не забыто!

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА БОГДАНОВА

Материалы для статьи собраны из открытых источников в интернете

Надя Богданова

Надю Богданову дважды казнили гитлеровцы, и боевые товарищи долгие годы считали её погибшей и даже поставили памятник.

Когда она стала разведчицей в партизанском отряде 2-й Белорусской бригады, ей не было ещё и десяти лет. Маленькая, худенькая, она, прикидываясь нищенкой, бродила среди фашистов, всё подмечая и запоминая, и приносила в отряд ценнейшие сведения. А потом вместе с бойцами-партизанами взрывала фашистский штаб, пускала под откос эшелон с военным снаряжением, минировала объекты. В последующих операциях ей доверили оружие — ходила с пистолетом и гранатой за поясом. В одном из ночных боёв спасла раненого командира разведотделения Ферапонта Слесаренко. Характеристику Нади Богдановой в 1958 году подписал начальник штаба 2-й Белорусской бригады Иван Степанович Скуматов.

Надежда Александровна Богданова родилась 28 декабря 1931 года, в деревне Авданьки, Витебской области, Белорусской ССР. Самая юная участница Великой Отечественной войны, удостоенная звания пионер-герой.

В восемь лет Надя попадает в четвёртый Могилёвский детдом и становится его воспитанницей. Бойкая, сильная, она стала заводилой среди ребят, которые прозвали её за голубые глаза «Лазурчик». Когда началась война, детдом был эвакуирован. За Смоленском на эшелон, в котором ехали детдомовцы, налетели фашистские самолёты и трижды сбросили бомбы: много детей погибло, но оставшиеся в живых сбежали в лес и разбрелись. Вместе с Юрой Семёновым Надя через три недели попала в оккупированный врагами Витебск. Дети устроились жить в большом подвале разрушенного дома. Чтобы не умереть от голода, до конца 1941 г. они ходили по деревням Витебского и Городокского районов и просили милостыню.

Осенью 1941 года Надя с Юрой попали к партизанам — в отряд «дяди Вани» — Дьячкова. Подростки с радостью взялись постигать партизанскую науку. Им хотелось, как можно скорее освоить её, чтобы получить право на боевое задание. Будущих разведчиков научили всему, что пригодится им для выполнения задания: как найти брод через реку, как определить в лесу сторону света, как распознать шаги немцев. Вскоре юным разведчикам дали боевое задание: разведать вражеские укрепления в деревнях Довганы и Рудня Езерищенского района.

Дети прихватили нищенские торбы, и пошли по деревням — поближе к немецким гарнизонам. От их зорких глаз не ускользало, где и сколько фашистов находилось, в каком месте стоят автомашины, какие возведены укрепления. Так был сдан первый экзамен по партизанской науке.

Не один раз Надя вместе с Юрой ходили в гарнизоны противника, чтобы узнать о наличии

сил врага, его вооружении. Вместе с другими разведчиками юные партизаны участвовали в операции по взрыву немецкого штаба в деревне Комары. Несколько раз они доставляли «языка» из вражеских гарнизонов. В 1942 году участвовали в разведке вражеского гарнизона в деревне Чурилово Невельского района. В результате смелых, рассчитанных действий народных мстителей гарнизон был разгромлен, гитлеровцы понесли большие потери.

В первых числах ноября отряду Дьячкова поступило задание: в короткий срок подобрать двух разведчиков для выполнения спецзадания. Надо к 24-й годовщине Великого Октября в оккупированном городе развесить красные флаги, чтобы укрепить веру советских людей в победу над врагом. Это важное и опасное дело поручили Наде и Ване Звонцеву. Подготовили десяток метёлок, в трёх из них замаскировали флаги (метёлки нужно было доставить на базар и продать, а ночью в самых разных местах города развесить флаги). Юные партизаны с успехом справились с этим заданием: на рассвете 7 ноября в оккупированном гитлеровцами городе поднялся переполох — фашисты, увидев вывешенные красные флаги, по тревоге подняли все воинские части, в том числе полицию и жандармерию. Подозрение

пало на двух подростков: мальчика и девочку. Поэтому комендант города Витебска разослал радиограмму всем гарнизонам Витебской области об их задержании и усилил посты. Начались повальные обыски, облавы и аресты. Хватали всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение. Тюрьмы и лагеря были переполнены арестованными. Несмотря на жестокие меры оккупантов, красные флаги поднимали дух людей, придавали им новые силы для борьбы с захватчиками и вселяли в сердца надежду на победу.

Ваню и Надю задержали далеко за городом, когда они выходили на Меженский большак. Несколько дней подряд продолжались допросы и избиения, пока вместе с пленными Надю и Ваню повели на расстрел…

Вот Надя с Ваней стоят у рва и в них целятся фашисты. Ребята держатся за руки и плачут... В голове у Нади что-то щёлкнуло, в глазах помутилось — она почувствовала, что проваливается в пропасть…

…Очнулась девочка во рву среди убитых. Оказывается, за доли секунды до выстрела фашистов она потеряла сознание и упала в обморок — это спасло ей жизнь. Надя долго пролежала среди убитых. Очнулась от холода и тошноты. Поняв, что охраны никакой здесь нет, собрав все силы, девочка начала вставать и пробираться к дороге. К концу дня совсем ослабевшая, с отмороженными пальцами, оборванная и грязная, Надя Богданова всё-таки сумела добраться до своих.

В феврале 1942 года вместе с группой разведчиков Надя Богданова пустила под откос военный эшелон с боевой техникой и живой силой врага, который двигался в сторону Ленинграда. За это девочка была награждена медалью «За боевые заслуги».

В течение года партизанское движение росло и крепло, нанося ощутимые удары по врагу. Оккупанты уже успели на себе испытать грозную силу бригады Дьячкова и решили с ней покончить.

Фашисты очень боялись партизан: на фронте было не так просто, как задумывали гитлеровцы. Поэтому основные сёла и города немцы старались превратить в крепости. Одной из таких крепостей фашистов была деревня Балбеки. Немцы наставили там огневых точек, заминировали дороги, вкопали в землю танки.

Необходимо было провести разведку и установить, где у них замаскированы пушки, пулемёты, где стоят часовые, с какой стороны лучше атаковать деревню.

Дети-партизаны в годы Великой Отечественной войны

Командование решило отправить Надю и начальника разведки партизан Ферапонта Слесаренко. Надя, переодевшись в побирушку, обойдёт деревню, а Слесаренко прикроет её отход в лесочке, неподалёку от деревни. Часовые легко пропустили девочку: мало ли бездомных ходит в мороз по деревням — собирают продукты, чтобы хоть как-то прокормиться.

Надя обошла все дворы, насобирала подаяния и запомнила всё, что нужно. Вечерело, она вернулась в лесок, и увидела там весь партизанский отряд. Они ждали от неё сведений. Юная разведчица рассказала всё в подробностях и показала с какой стороны лучше атаковать.

Партизанский отряд ударил ночью по фашистам с обоих сторон села: пулемётные очереди рассыпались тут и там, было слышно, как орут обезумевшие гитлеровцы — это партизаны мстили фашистам за нашу истерзанную Родину, за погибших советских людей. Немцы выскакивали из домов в нижнем белье, что-то кричали и пытались удрать по белому снегу подальше от деревни, но их все равно настигали пули партизан.

Надя впервые участвовала в ночном бою, правда Слесаренко не отпускал её от себя ни на шаг. И вдруг его ранило. Слесаренко упал и на какое-то время потерял сознание. Надя перевязала ему рану.

В небо взмыла зелёная ракета — это был сигнал командира для всех партизан отходить в лес. Слесаренко сказал Наде:

— Надя брось меня! Уходи в лес!

— Нет, я вас вытащу! — сказала Надя, она поднатужилась и смогла только приподнять Слесаренко — на большее сил девочки не хватало.

— Оставь меня, слышишь? Мы так вместе погибнем, ты должна идти… позовёшь наших… запомни это место. Я приказываю тебе! — уже грозно сказал начальник разведки.

Надя побежала в партизанский отряд, ночью, в мороз. До отряда было примерно десять

километров ходу, ветер хлестал ей лицо, она проваливалась в сугробах, но шла вперёд. Вдруг девочка увидела небольшой хуторок, домик и свет в окне. Возле дома стояла лошадь с санями.

"Именно то, что нужно", — подумала она. Тихонько подкравшись к дому, она заглянула в окно и увидела, как за столом ужинают несколько полицейских. Заслышав конский топот, полицаи выскочили на крыльцо, но Надя была уже далеко и догнать они её не смогли.

Она нашла Слесаренко на том же месте, где его и оставила. Они вместе благополучно добрались до партизанского отряда. Так Надя, рискуя своей жизнью, спасла своего боевого товарища.

В конце февраля 1943 года командир 6-го отряда Блинов получил приказ: заминировать возле деревни Стаи Езерищенского района перекрёсток шоссейных дорог Невель – Великие Луки – Усвяты и взорвать мост, который охраняется полицейскими. Во время выполнения задания ребята были схвачены фашистами, которые отправили их в гестапо, где пытки чередовались с вопросами. Так продолжалось семь дней подряд. Подбадривая друг друга, юные разведчики стойко держались, ни слова не сказав о партизанах и никого не выдав.

Первым убили Юру.

В одной рубашке Надю погнали на мороз и стали обливать холодной водой. На этом пытки не закончились — её ставили босыми ногами на раскалённые камни. Фашист надеялся так достигнуть быстрее цели, и опять начал допрос. Но ответом было молчание. Собрав последние силы, она плюнула в лицо офицера, и это стало последней каплей — он беспощадно и тщательно выжигал калёным железом на её спине пятиконечную звезду.

Посчитав её мёртвой, гестаповцы вынесли тело Нади и бросили в снег. Но крепкое сердце её ещё билось. Совершенно случайно на неё набрела колхозница Лидия Шиенок. Подняв окровавленную девочку, женщина закутала её в тёплую шаль и увезла к себе на лошади в деревню Заналючки. В её хате размещался штаб партизанской бригады имени Пономаренко.

Только через месяц Надя пришла в себя. Она плохо видела. От побоев разошлись зрачки, не могла шевелить ногами, а раны на спине заживали медленно. На её исхудавшем лице всё ещё висело чёрное крыло смерти. Вскоре вернулись слух и частично — зрение.

Народные мстители должны были покинуть эти места (началась карательная экспедиция против партизан Городокского и Езерищенского районов) и уйти в болотистое, безопасное место. Вместе с ними ушли и многие жители деревни. Надя отказалась уходить — юная разведчица жила в селе многие месяцы. Её лечили народными средствами Татьяна Самокалева и Лидия Шиенок, которые, рискуя собственной жизнью, поставили девочку на ноги.

В январе 1944 года вместе с жителями деревни Заналючки Надя Богданова встретила группу воинов-автоматчиков Красной Армии, освобождавших от немецко-фашистских захватчиков Витебскую область, и вместе с ними её партизан.

*****

Когда закончится война, ослепшая Надя Богданова сядет на мосту в городе Витебске, отложит костыли в сторону, возьмёт в руки гармонь и хрипло запоёт услышанную когда-то Слесаренко песню про убитого партизана, а прохожие станут кидать ей редкие монеты. Однажды она замёрзнет, и её, замёрзшую, подберут и отвезут в Витебскую больницу, где врач П.О. Сосновик выходит и вылечит. Медработники Витебского обл. здрава отвезут Надежду Александровну в Одессу, где ей вернут зрение.

В 1958 году она приедет в Белоруссию, в свою деревню Авданьки.

В 1960 году она снова приедет в город Витебск и устроится разнорабочей на фабрику «Знамя Индустриализации».

Она никому не рассказывала, о том, как она воевала с фашистами. После войны прошло уже больше 15 лет. Случайно Надя и те, с кем она работала, услышали по радио, как начальник разведки 6-го партизанского отряда Ферапонт Сле-

Надежда Богданова на встрече с пионерами 9-й школы города Новополоцка, 1986 г.

саренко — её командир — говорил, что никогда не забудут бойцы своих погибших товарищей, и назвал среди них Надю Богданову, которая ему, раненому, спасла жизнь...

Только тогда и объявилась она, только тогда и узнали люди, работавшие с нею вместе, о том, какой удивительной судьбы человек она — Надя Богданова, награждённая орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалями.

С конца 1970-х Надежда Александровна вела активную переписку с пионерами разных школ по всей стране: 35-й школы города Братска, Клёмовской средней школы посёлка Новоклёмово Московской области, 9-й школы города Новополоцка, школы города Ленинска (ныне Байконур), школы села Чарышское Алтайского края, и других (школы в Новополоцке и Ленинске долгое время носили её имя), — а также с краеведами, которым помогала восстановить события, произошедшие в Белорусской ССР в годы войны. За год Надежда Богданова получала около 50 тысяч писем. Пионеры разных школ называли себя «богдановцами» — в честь Надежды Богдановой. Её именем называли библиотеки, клубы, школы, пионерские дружины.

Одно из писем ученицы воскресной школы Князь-Владимирского храма города Асбест Надежде Богдановой:

Надежда Богданова в интервью Сергею Смирнову в рамках документального фильма «Рассказы о героизме» рассказывает о своём участии в Великой Отечественной войне. 1965 г.

Надежда Богданова на встрече со строителями на Байконуре

«Здравствуй, Надя Богданова. Я очень горжусь твоим подвигом, ты самая смелая и знай, что все тебя помнят и гордятся тобой. Ты очень здорово сражалась и выдержала всё это. А фашисты проиграли битву благодаря тебе. Желаю тебе всего хорошего, успеха, здоровья. Чтобы ты оставалась такой же смелой партизанкой и разведчицей. До свидания, дорогая Надя Богданова! От Курандиной Дарьи».

Надежда Богданова после войны перенесла три инфаркта. Умерла 21 августа 1991 года — в день Августовского путча в СССР. Похоронена в Витебске. После её смерти в нескольких школах был организован сбор средств на открытие памятника. В настоящее время о судьбе памятника ничего не известно.

ГОЛЫШЕВА (СУДАКОВА) КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

Записала Любовь Лыженкова

Когда началась Великая Отечественная война, мне было два годика. Родилась я в Тордоксе – в 16 километрах от Бекетовской.

Отец — Судаков Василий Степанович, мать — Судакова Мария Николаевна. Отец до войны работал в Бекетовской МТС трактористом. На войну ушёл в июле 1941 года, погиб в ноябре того же года под городом Кандалакшей Мурманской области.

Мать работала в колхозе, ухаживала за животными. Я ей помогала ещё в шесть лет: летом пасла телят, зимой возили сено.

Помню такой случай: мы уже нагрузили сено и поехали, а за нами гнались волки — это очень страшно в шесть лет ребёнку.

Детство проходило в холоде и голоде, собирали головки клевера, а затем их сушили и пекли хлеб. С одеждой было ещё сложнее. Жилось очень трудно, часто видели слёзы матери. У меня был ещё брат — он родился в декабре, а отец погиб в ноябре — мать воспитывала нас одна.

Про школьные годы что говорить? Они тоже были трудные: писать было нечем и не на чем. Начальную школу закончила в нашей деревне. Света, то есть электричества, не было — уроки выполняли при фонарях, жгли лучину.

А в пятый класс ходили в Бекетовскую школу — 16 километров пешком, и ещё рюкзак с хлебом и картошкой. Дорога у нас проходила шесть километров дремучим лесом, и мы, такие малыши, шли одни, — матери провожали нас в два часа ночи. Под утро мы были в школе, не доходя до интерната, ложились на парты и спали. Учителя нас не спрашивали по понедельникам — жалели.

Ещё хочется рассказать, про то, как мы питались в интернате и школе: никак — хлеб и кипяток. Утром нам техничка кипятила в большом котле кипяток, а мы с чугунками бежали к ней (кастрюлек не было в то время).

Жили мы в интернате — ныне усадьба Менжинского, а школа была в старом двухэтажном здании сельсовета. Придя из школы, сделав домашнее задание, мы отправлялись в столовую, которая была в начале деревни. Стоим, ждём, что вот сейчас выйдет раздатчица и позовёт нас кушать, бьёмся друг о друга. Выходит женщина и говорит: «Дети, сегодня каши не осталось». Вот мы и пошли снова в интернат.

Голышева (Судакова) Капитолина Васильевна

На второй день мы опять всей ватагой шагаем в столовую. Ждём, выходит женщина и говорит: «Сколько вас?», кричим: «Десять человек!». «Заходите, наверное, наберу по тарелочке». Кушаем. Все тарелочки знали — с какими рисунками были. Сегодня нам повезло, шагаем счастливые. Завтра снова пойдём – а вдруг повезёт…

Всего не описать.

А в субботу опять — 16 километров надо прошагать до дому: приходили в темноте, а в ночь на понедельник — снова шли в школу.

Я часто любуюсь, как дети в Бекетовской идут в школу: все красиво одеты, красивые у них ранцы, в обед их кормят. Я желаю им, чтоб никогда не испытали то, что мы испытали в тяжёлые годы.

Дорогие дети, слушайте учителей и родителей, цените жизнь!

С уважением, бывшая учащаяся вашей школы
Капитолина Васильевна. 2015 год

Женщины десантницы на войне 1941-1945 гг.

Баллада о десанте

*Хочу, чтоб как можно спокойней и суше
Рассказ мой о сверстницах был…
Четырнадцать школьниц – певуний, болтушек –
В глубокий забросили тыл.*

*Когда они прыгали вниз с самолёта
В январском продрогшем Крыму,
«Ой, мамочка!» – тоненько выдохнул кто-то
В пустую свистящую тьму.*

*Не смог побелевший пилот почему-то
Сознанье вины превозмочь…
А три парашюта, а три парашюта
Совсем не раскрылись в ту ночь…*

*Оставшихся ливня укрыла завеса,
И несколько суток подряд
В тревожной пустыне враждебного леса
Они свой искали отряд.*

*Случалось потом с партизанками всяко:
Порою, в крови и пыли
Ползли на опухших коленях в атаку –
От голода встать не могли.*

*И я понимаю, что в эти минуты
Могла партизанкам помочь
Лишь память о девушках, чьи парашюты
Совсем не раскрылись в ту ночь…*

*Бессмысленной гибели нету на свете –
Сквозь годы, сквозь тучи беды
Поныне подругам, что выжили, светят
Три тихо сгоревших звезды…*

Юлия Друнина

Двадцать пятого года рожденья

*Вчера мы писали диктанты,
Чертили на досках круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапоги.
В широкой армейской шинели
Мы ростом казались малы,
Мы песни заливисто пели,
Скребли, провинившись, полы.
Когда же, идя на ученья,
Мы путали ногу подчас:
– Двадцать пятого года рожденья! –
С усмешкой кивали на нас.
Но фронт наступил!
Мы мужали
В сражениях день ото дня,
С соседом до битвы сдружаясь,
Друзей после битв хороня.
Орудия, танки, повозки
Гремели по городам,
И пели по-чешски и польски
Весёлые девушки нам.
А в час, когда звёзды студёны,
Над онемевшей рекой
Немецкие аккордеоны
Рыдали рязанской тоской…*

1946

Евгений Михайлович Винокуров

О ВОЙНЕ И ДЕТСТВЕ

Автор: Шаминина Нина Аркадьевна

Шаминина (Торопанова) Нина Аркадьевна

С родителями и дедушкой

Шаминина (Торопанова) Нина Аркадьевна родилась 12 сентября 1936 года в деревне Тарасовская Вожегодского района Вологодской области. В 1937 году семья переехала в Ленинградскую область – город Свирьстрой. Отец, Торопанов Аркадий Витальевич (1910 г.р.), работал столяром на стройках города. Мама, Торопанова Александра Николаевна (1911 г.р.), работала в швейной мастерской. В 1938 году родился братик Юра.

В ноябре 1939 года отец ушёл на финскую войну.

Мы с братом были в садике, оба заболели – брата спасти не удалось.

Весной отец вернулся, а Юры уже не было. Затем жизнь наладилась.

Хорошо было до 22 июня 1941 года. Тут и началось страшное. Мне запомнился вой сирены – то днём, то ночью. Отец сразу ушёл на войну. Все садики и учреждения закрылись. Сидели в квартире, ночью спали, не раздеваясь, при вое сирены бежали в убежище. Это я запомнила! Об этом времени написала стихотворение.

«Прощание с отцом»

Детство такое далёкое,
Что не упомнишь всего,
Было сначала счастливым,
А после – печалей полно.
Любимый папа, мама, я –
Счастливая семья.
Четыре года было мне,
Как началась война.
Эвакуация, зима,
И голод, и нужда.
Отец меня всегда любил,
Дочуркой звал любимой,
Как на войну он уходил –
Я это не забыла.
Я помню, как он уходил,
Как с нами он прощался,
Бежала следом я за ним,
Он снова возвращался,
Брал на руки меня,
К себе прижав сердечно,
Я не хотела отпускать,
Как будто знала наперёд,
Что, если он сейчас уйдёт,
То он уйдёт навечно.

Нас с мамой эвакуировали на родину, в деревню Тарасовскую. У нас не было ничего: ни пилы, ни топора, ни санок, ни посуды, ни еды. Приехали мы в июле, уже огороды были посажены — грядочку нам не дали. Первая зима была самая страшная. Немного, сколько могли, помогли сердобольные соседи и родственники. Завели мы козу — она нас и спасла. Мама сумела увезти швейную машину, начала перешивать людям одежду, за это давали кое-что из продуктов.

От отца очень долго не было писем, а в 1943 году, летом, он неожиданно приехал. Оказывается, был ранен. Ему дали десять дней после госпиталя.

Мне в июле 1943-го было почти шесть лет. Отец носил меня на руках, а я очень стеснялась. Опять предстояло прощание с отцом. Отец уезжал на грузовой машине, долго махал белым платочком.

1 мая 1944 года у меня появился братик Вова.

Так мы и росли: «вырос ребёнок, не видавший отца с пелёнок. Брат отчаянным был сорванцом, по характеру схожий с отцом». Мама всё говорила, что в нём «военная кровь».

Всё лето мы ломали берёзовые ветки и вязали веники для козы. А потом её заел волк, прямо в деревне. В войну их было много. Голодно было.

Как-то мы пришли к соседям — у них отец не ушёл на войну, а был колхозным кладовщиком. У них пироги, а у нас — солома, крапива и клеверные головки. Братик маленький, хочет есть. Сидит и говорит: «Я вчера не ел и завтра не ел». Его услышали и дали кусочек, а мне не дали.

В 1944 году я пошла в школу. Мама давала мне три картошки: одну на завтрак, а две тёплые — в рукавички. И рукам тепло, и обед. Уроки делала на печке, с коптилкой.

Часто были голодные обмороки у многих. Об этом периоде своего военного детства я тоже написала стихотворение.

«Детство военное»

Зима. Мороз. И свету нет.
И нету хлеба на обед.
И ноги не во что обуть,
Про лыжи, санки — позабудь.
Горит коптилка на столе
В избе холодной,
Сидим с братишкой на печи,
И спать ложиться всей семьёй
Опять голодной.
Порвались валенки мои —
Печально это.
Машинка мамина строчит
Всю ночь до света.
Какая длинная зима!
А папа пишет — там война,
Там пушки бьют,
И смерть кругом,
Но помнит он родимый дом
И знает, что его мы ждём.
Мы ждём и ночью,
Ждём и днём.
При солнце ждём, и под дождём.
Недели ждём и годы ждём…
И вот пришёл войне конец,
Но…не вернулся наш отец…
И стали жить мы без него,
Но было очень нелегко!
Нам орден выслали его
И от товарища письмо,
И похоронку на листке
Храним в семейном сундуке.
Опять зима. Опять мороз
И море, море детских слёз!
Нельзя об этом забывать,
Чтоб новых войн не затевать!

Фотография мамы в годы войны

Отец погиб 13 марта 1945 года, посмертно был награждён орденом Отечественной войны II степени. Захоронен в местечке Пинау Кёнигсбергской провинции Восточной Пруссии. Пока брат был жив, он искал это место, но бра-

та не стало в 2003 году. Стала искать я, но ни на одной карте такого пункта не было. Но вот в 2013 году наш библиотекарь, Лыженкова Любовь Александровна, нашла в интернете на сайте «Мемориал» место захоронения отца. Это оказалась Калининградская область Гурьевского района, посёлок Голубево. На одной из памятных плит значится фамилия отца.

«Письмо с фронта»

Этот серый листочек бумаги –
Мы читали его без конца –
Был последним известием с фронта,
Был последним приветом отца.

«Добрый день, мои милые дети!
Добрый день, дорогая жена!
В этом скромном конверте найдёте
Душу, что вам навечно верна.

Дорогая моя, я в окопе,
На обрывке бумаги пишу,
Карандашик случайно нашёлся,
Извини, дорогая, спешу.

Бой был страшен. Враги отступили.
Вот сейчас перерыв небольшой.
Письма нам написать разрешили,
С вами сердцем я, всею душой.

Извини ты меня, дорогая,
Был я ранен немного в бою.
Рану мне перевяжет сестричка,
И опять я, как прежде, в строю.

Береги наших крошек-детишек,
Дочку, сына целуй за меня,
Я молюсь, чтоб остаться живому,
Чтоб быстрей завершилась война.

Я за всё отомщу подлым фрицам,
Беспощаден я буду в бою,
Ну, а если судьба мне погибнуть,
Знайте: я вас всем сердцем люблю…»

Этот серый листочек бумаги
Найден был в гимнастёрке отца.
Оборвались слова, не успел он
Письмецо дописать до конца.

Мы надеялись, верили, ждали,
Что отец наш останется жив,
Похоронка нам жизнь расколола
На две части, надежду разбив.

Где упал наш отец? Где схоронен?
Неизвестность страшнее всего.
На бетонной плите увидали,
Что написано имя его.

Дорогие и милые люди!
Всем спасибо, кто память хранит!
Как-то стало на сердце спокойней –
Мы нашли, где отец наш зарыт!

Торопанов Аркадий Витальевич (1910 – 1945 гг.)

Дорогие и милые люди! Всем спасибо, кто составляет Книги Памяти. Эта книга по нашему Вожегодскому району стала настольной книгой в жизни моей семьи. В этой книге числится 5614 имён погибших жителей нашего района. Редкий день я не открою эту книгу, и каждый раз всё больше и больше нахожу знакомых имён и, волнуясь, сообщаю эти имена тем, кто ещё не знаком с Книгой Памяти. Есть у меня и книга «Ветераны Великой Отечественной» – в ней числится 6725 участников войны, жителей нашего района. Но сколько их осталось в живых на данный момент, не знаю.

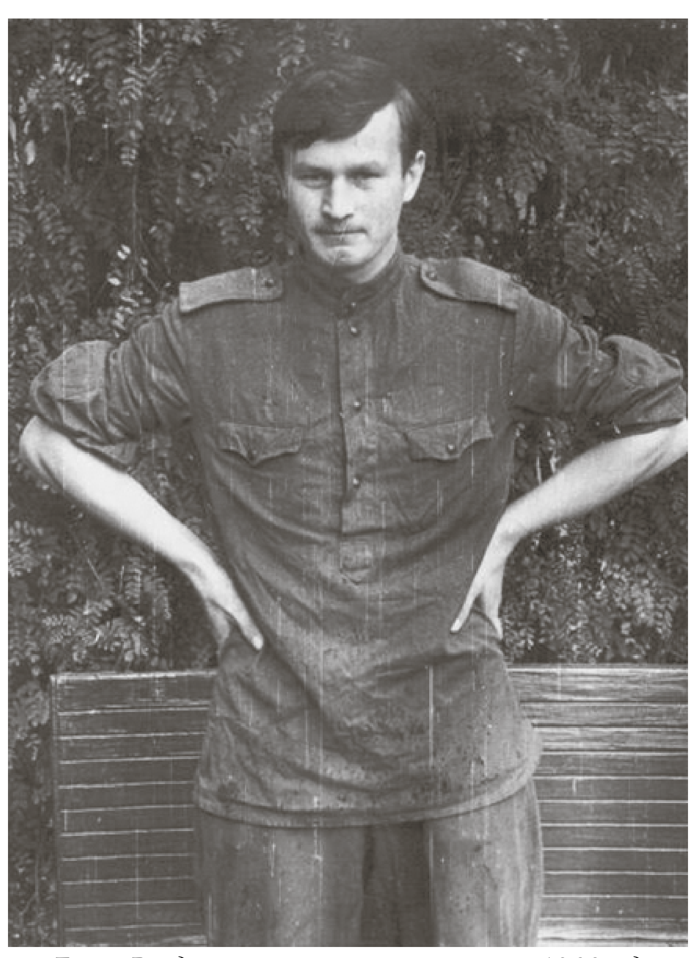
В семье моего мужа тоже был след от войны. Михаил Михайлович родился в 1939 году и мало что запомнил, кроме голода. Был ещё брат Дмитрий с 1931 года. Мать растила детей одна. Миша запомнил один эпизод. Через деревню Нижнюю и через озеро Воже шли воинские части на Ленинград, на конных повозках. Наши солдаты ночевали по сельским избам, спали на полу вповалку. Один из солдат отрезал Мише чёрного хлеба и посыпал сверху сахарным песком.

А Дмитрия в 14 лет отправили в ФЗО в г. Сокол, после окончания которого в 1946 году отправили в Нижний Тагил работать. Деревенские

Мы с братом, 1951 год

Брат Владимир так похож на отца... 1966 год

мальчишки оказались в криминальной среде. У них отняли одежду, что была получше, обувь и еду. Они не могли жить среди зэков, беспризорников. Сбежали оттуда, вдвоём как-то добрались до дому без денег, без еды, в рваных ботинках. Дома их отмыли, накормили. Напарника посадили в колонию на два или три года, а Дмитрия колхоз взял на поруки, и каждый месяц на него надо было писать в милицию характеристику. Вот такое было военное детство.

Мне уже 78 лет, но я всё очень хорошо помню, хожу в школу и рассказываю о своём детстве, а ребята не очень верят. Мне моя внучка как-то сказала: «Бабушка, ну как ты могла быть дома и голодная, разве тебе не разрешали открыть холодильник?» Я заплакала, а ей непонятно, что такое голод.

Я веду активный образ жизни, занимаюсь рукоделием, пишу стихи, участвую в художественной самодеятельности и мероприятиях ДК и библиотеки. Имею 9 внуков, 6 правнуков. Вместе с мужем воспитали 5 детей. За свою активность имею поощрения.

Обещание погибшим отцам

Памяти павших будем достойны!
И пусть их души будут спокойны!
Зная, что дети их память хранят
И воспитают достойных внучат!
И не отступят от правды на шаг!
Не опозорят Отечества флаг!
Деды, отцы наши мир отстояли,
Быть патриотами нам завещали!

Вечная память погибшим!
Память на все времена!
Мы никогда не забудем
Страшное слово – война!

Написано в 2014 году для участия в областном конкурсе «Минувших дней святая память» (Женщина года-2014), номинация «Судьба моей семьи в судьбе моей страны».

ПОВОРОТ

Рассказ Петровой Анны, ученицы МБОУ «Бекетовской ООШ», основанный на воспоминаниях родной тёти Дубяги Валентины Даниловны — ребёнка войны

Старая заброшенная дорога. В наши дни ей уже редко пользуются, только если сходить на кладбище да летом на речку, потому что дорога проходит как раз через реку Чужгу. Здесь был построен большой деревянный мост, от которого теперь уже остались одни развалины, а место очень живописное, и название красивое – Игранье. Река здесь «играет» большими перепадами, шумно и быстро бежит, перепрыгивая с порога на порог, с камня на камень. Между Играньем и кладбищем есть отворотка от этой дороги. И вела она к Старой мельнице, что была построена на реке. В войну этой дорогой и самой мельницей ещё пользовались, сюда возили зерно молоть. Ну, а после войны в мельнице нужды не было, и перестали сюда ездить, и поворот от дороги стал теряться в лесных зарослях. Наверное, про этот путь к реке вспоминают теперь уже только рыбаки.

Но поворот этот сыграл важную роль в жизни одного человека — моей родной тёти, Дубяги Валентины Даниловны. Сейчас ей 78 лет, но она хорошо помнит это место на старой, а тогда — главной дороге, ведущей в районный центр, станцию Вожегу. Помнит этот поворот, последний поворот… поворот, после которого изменилась жизнь её и её семьи. Именно здесь она в последний раз видела своего отца, Иванова Даниила Ивановича, уезжавшего вместе с другими на фронт. Именно здесь мужчина, управлявший лошадью, остановил повозку и сказал:

— Всё, это последний поворот, прощайтесь здесь, а потом вы пешком вернётесь домой, а мы поедем дальше.

Отец, державший маленькую пятилетнюю Валю на коленях, крепко прижал её к груди, потом бережно опустил с повозки и поставил на дорогу. Он плакал, по его щекам текли слезы, он любил свою дочку, своего первого ребёнка. Плакала и его жена, Елизавета Александровна, стоявшая тут же у повозки. Это было непростое прощание — отца провожали на фронт. Все присутствующие здесь в тот момент люди понимали, что, возможно, и видятся-то они в последний раз. Долго стояли мать и дочь возле этого поворота, смотрели вслед удаляющейся повозке, увозившей их отца.

Может быть, именно поэтому и запомнился папа тёте Вале с какими-то неясными, как будто «стёртыми» расстоянием, чертами лица. Плакали всю обратную дорогу до дома, плакали и дома…

Всё. Та спокойная, полная светлых надежд, мирная жизнь кончилась, началась другая — полуголодная, холодная, трудная жизнь в военное время.

То, что война — это страшно, тётя Валя поняла сразу, как только она началась, потому что встретили они всей семьёй эту войну в Белоруссии, куда мать с отцом, жившие в Москве, были командированы на стройку в Полесье. Война началась неожиданно, немцы были в шести километрах от того места, где жила семья тёти Вали. Всем приказано было срочно эвакуироваться, но в Москву возвращаться запретили — въезд в столицу был уже перекрыт. Решили ехать на север,

в Вологодскую область, к матери. Добирались долго, около месяца. Хорошо помнит тётя Валя сопровождающий их всю дорогу гул бомбёжек, взрывов, страшные рассказы о наступающих немцах.

Вскоре после того, как отца проводили на фронт, с госпиталя привезли умирать домой смертельно раненного родного дядю Агея. Помнит тётя Валя, как заносили его на носилках в дом. Жена отказалась ухаживать за ним, сослалась на то, что на руках маленький ребёнок, некогда. Привезли к матери. Лежал на кровати, за занавеской долго, в зимовочке. Но старенькая мать и старшая сестра Агея — Елизавета Александровна, выходили его, поставили снова на ноги. Елизавете удавалось приносить «из-под полы» домой с молокозавода, где она работала, сыворотку, «оддёнки». А так бы, может и не выходить брата. Однажды в доме Жуковых заиграла снова гармонь (Агей считался лучшим гармонистом на деревне), правда не по поводу праздника, а в честь проводин на войну — в 1943 году Агея опять призвали на фронт. Играл на гармошке хорошо, весело, уговаривал маленькую Валю поплясать, но та застеснялась, убежала, спрятавшись, за занавеску. А в 1945 году он погиб.

Сокрушалась старенькая мать:

— Рано на ноги поставили, вот поболел бы ещё, полежал, а там, глядишь, и война кончилась…

Понимала умом мать, что воевать ради победы надо было, но сердцем материнским жаль сыновей — двоих на войне потеряла.

Отца тёте Вале тоже больше не суждено было увидеть — он погиб в 1943 году в бою под Ленинградом у станции Мга. Сохранилось последнее письмо от него, где он пишет, что скучает, признаётся, что есть проблемы со здоровьем: «… у многих бойцов животы болят, у меня и самого… А завтра бой». Потом Елизавета Александровна получит похоронку, где сообщалось, что её муж был убит в бою 26 января 1943 года. Случайно она обратит внимание на дату, поставленную на конверте того самого письма — 26.01.1943 — это было последнее письмо, написанное мужем перед тем злополучным боем.

Еды в войну страшно не хватало. Бережно относились к хлебу. Запомнился тёте Вале вот такой случай. Остались дети одни дома, взрослые все на работах. Заходит вдруг в зимовку к ним высокий, плечистый солдат — военнопленный. Говорит на смешанном языке, то по-русски, то по-немецки. Вынул из кармана простые

Дубяга Валентина Даниловна со своей матерью и братом Николаем после войны, д. Огибалово Вожегодского р-на

карандаши, блокнотик, объясняет им, мол, вы мне хлеба, а я вам вот чего подарю. Ну, дети и отломили от испечённого каравая ломоть, подали. Сел он на лавку у порога, зачерпнул в стоявшей тут же у дверей деревянной бочке воды в ковш. Стал есть хлеб, запивать водой, спросил соли. Дети принесли. Посолил, опять ест и пьёт. Спросил ещё хлеба. Ещё принесли ломоть. Почти весь каравашек скормили немцу. А потом он вдруг встал и ушёл. Ни карандашиков, ни блокнотика, конечно, не оставил. Но, главное, когда пришли взрослые, немало детям попало за скормленный хлеб. Сурово наказали.

А в 1944 году мать тёти Вали, Елизавета Александровна, завербуется на работу в Мурманскую область в рыболовецкий колхоз: добывать рыбу для фронта. И уедут они втроём — мать, Валя и братик Коля — жить на север. В родное Огибалово приезжать будут только на лето. И всякий раз, возвращаясь с кладбища, куда ходили проведать могилы родных, вспоминали этот последний поворот у дороги, где виделись в последний раз с отцом и, наверное, невольно думали, что этот поворот стал роковым в их судьбе.

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

Трудно себе представить что-то более ужасное, чем блокада города в течение девятисот дней. Бомбёжки, голод, холод и безумие. Мы публикуем отрывки из воспоминаний людей, которые пережили блокаду, не сошли с ума и дожили до наших дней. Это нельзя забыть и простить это тоже нельзя.

Ленинград во время войны

Борис Аркадьевич Вульфович

Наша пожарная команда была разбита на три смены, и дежурства длились по 7-8 часов. Однако самое для нас неприятное, пожалуй, было в том, что запасы песка, заранее заготовленные, довольно скоро заканчивались. Мы договорились, что смена, прежде чем уйдёт с дежурства, натаскает песок со двора и заполнит им ящики. Поднимать носилки с песком на чердак было очень тяжело, брали понемногу, и это отнимало у отдежурившей смены ещё пару часов. К нашей работе мы относились скорее, как к игре; бывало, за всю смену ни одной бомбы к нам не залетало, а когда это случалось (со временем всё чаще и чаще), мы несколькими лопатами забрасывали её песком, не давая разгореться. Но вот однажды я поднимался на чердак в самый разгар налёта. Наверху я увидел четырёх ребят, склонившихся над пятым. Он лежал в чердачной пыли навзничь, верхняя часть головы была срезана как бритвой, а глаза широко открыты.… Это была первая смерть, виденная мной глаза в глаза.

Татьяна Григорьевна Мартыненко

Насмотревшись всех этих ужасов, мама решила утопиться вместе со мной. Привязала меня к себе и вошла в воду. Это было в конце сентября, вода была уже очень холодная, я стала сильно кричать, маме стало жаль меня, и она вышла из воды, и решила: будь, что будет. Пошла в бомбоубежище, где было много народа. Старики, женщины, дети прятались там от фашистских бомб и снарядов. В бомбоубежище прятались и наши соседи по дому, Закатов Александр Иванович и его жена его тётя Лина. Они нашли сухую одежду для мамы, и завернули меня тоже во все сухое, иначе мы могли сильно заболеть, а болеть было нельзя.

Наталья Ивановна Дымченко

Однажды я перешла Неву по Кировскому мосту и вышла на площадь на Марсовом поле, обсаженную густыми кустами. В центре площади стояли зенитки. Шёл очередной налёт и не-

Очередь за водой в блокадном Ленинграде

мецкие бомбардировщики гудели над головой. Вдруг из кустов, мимо которых я проходила, раздался выстрел, и красная ракета взмыла в черное небо, указывая местонахождение наших зениток. Я пробежала несколько шагов и прямо на меня из кустов, откуда был произведён выстрел, вышел милиционер. Я кинулась к нему, схватила за шинель на груди и закричала, что он должен поймать диверсанта, стрелявшего из этого куста. Он посмотрел на меня и со словами «Тебе это показалось» отшвырнул меня с такой силой, что я покатилась по асфальту, а когда поднялась, никого кругом не было. Я поняла, что это и был тот диверсант, одетый в милицейскую форму.

Игорь Вадимович Доливо-Добровольский

Раз в неделю я с детскими саночками отправлялся за топливом, которым служили архивы физического факультета Университета, где работала моя мать. Здание физфака на 10-й линии у Среднего проспекта на Васильевском острове уже было наполовину разрушено бомбами и полки с книгами, различными документами и бумагами уродливо нависали над двором, обрушиваясь под тяжестью снега, и смешивались с развалинами. И если вблизи не было разрушенных зданий, где можно было найти какие-то доски, куски брёвен, разломанную мебель, архив Университета спас нас от замерзания. Своё, что можно, мы уже сожгли. Особенно хорошо горели и давали тепло астрономические атласы на полу-картонной и толстой бумаге. Мне было жалко рвать цветные изображения стран, карты небесных созвездий и я часто долго их рассматривал, уносясь мыслями на другие планеты и миры, но холод возвращал меня в наш неуютный блокадный мир, а в печурке с треском сворачивались континенты и материки, давая живительное тепло.

Ирина Хваловская

И вот тогда, на набережной, в далёком 1942, я впервые выступила перед настоящей публикой и при настоящем «аншлаге»! Я запела свою любимую «Катюшу», которую распевала постоянно, чтобы не было страшно, когда из нашего подъезда в очередной раз вывозили санки с завёрнутым в одеяло трупом, или когда выли сирены и где-то, совсем рядом, разрывались снаряды. Я спела тихо, несмело, стесняясь устремлённых на меня взглядов мальчишек и девчонок. Когда я закончила петь, все зааплодировали, и мне казалось, что это длилось бесконечно долго! После этого в моем заветном кармашке появился ещё один маленький кусочек сахара и кругленькая галетка. По дороге домой мы с Васьком слопали свои галетки — они моментально растаяли во рту. Уж очень хотелось есть, а они были такими вкусными, из настоящей белой муки, совсем не похожими на те черные, смешанные с мякиной, жалкие ломтики хлеба, которые мама получала по карточкам и делила на маленькие порции — на завтрак, обед и ужин, что было совершенно бессмысленно, потому что мои порции до вечера не доживали. Мама только тяжело вздыхала и отдавала мне свой крошечный «ужин», смешно оправдываясь: «Ой! Я по дороге съела такой кусище, что в меня уже ничего не влезет!».

Эйно Иванович Ринне

Дед Матвей в июле месяце отвёз нас на телеге на край болота, где мы и вырыли землянку, в которой прожили до первых морозов. Там, в землянке, мать родила младшего братика Генку. Помнится один случай, который в нашей семье ещё долго после войны рассказывался с гордостью. Недалеко от нашей землянки находился военный штаб. И вот однажды моя сестра, возвращаясь с ведром воды в землянку, встретила заблудившегося немца, который на ломаном русском языке спросил, где здесь русские солдаты. Сестра не растерялась, и показала совсем в другую сторону. Сама же сообщила об этом первому же советскому офицеру, которого встретила возле блиндажа. Немца моментально поймали, а сестру обещали наградить. Но морозы крепчали, и мы вынуждены были двинуться в Ленинград. «Так эта обещанная награда и потеряла свою героиню» — шутили частенько в нашей семье.

Роза Полакайнен

Как-то днём мы с папой, взгромоздившись на сваленные на грязном перроне вещи, ждали маму. Она должны была вернуться с горячим обедом. Отсутствовала она довольно долго. Мы уже начали волноваться, как вдруг она появилась, держа в дырявой варежке замёрзшую лошадиную голову. «Да вот…когда шла там, за складами, — смотрю, что-то из-подо льда торчит, вроде на ухо смахивает. Ложкой алюминиевой, что с супом-то несла, ковырнула. Ба! Да это же целая лошадиная голова!». Я помню, мы эту бедную лошадку долгов варили в котелке. Когда её стали делить, едоков оказалось больше, чем предполагалось. Я свою порцию отдала папе, — ему она нужнее. Потому что он последнее время совсем ослаб, да и проклятая одышка замучила. А я есть это — не могла. Слишком глубоко засели в памяти изуродованные трупы лошадей, которых мы встречали по дороге.

Валентина Александровна Пилипенко

Мой маленький братик очень ослаб от голода, он не ходил и у него начались предсмертные судороги. Мама чудом успела принести его в Филатовскую больницу и его спасли от голодной смерти. Как мы выжили? Это сложный вопрос. Старший мой брат считал, что нас поддержали продукты, приобретённые на летнее время. Ещё, к счастью, нашлась в бабушкином буфете бутылка со старым рыбьим жиром, который нам давали по малюсенькой чайной ложке. Кроме того, мама нас, по очереди, брала в столовую. Уносить еду из столовой было нельзя, а вот приводить детей, чтобы покормить, не запрещалось. Я хорошо помню, как в первый раз, попала в эту столовую. В помещении было очень холодно и стоял туман, в котором двигались фигуры людей. Мама посадила меня к себе на руки, но вот что я ела — не помню. Для нас, в то время, было неважно, чем нас кормили, лишь бы было что-то съедобное.

Людмила Алексеевна Горячева (Курашёва)

Из всей нашей густонаселённой коммуналки в блокаду нас осталось трое — я, мама и соседка, образованнейшая, интеллигентнейшая Варвара Ивановна. Когда наступили самые тяжёлые времена, у Варвары Ивановны от голода помутился рассудок. Каждый вечер она караулила мою маму с работы на общей кухне. “Зиночка, — спрашивала она её, — наверное, мясо у ребёночка вкусное, а косточки сладенькие?”. Мама, уходя на работу, запирала дверь на все замки. Говорила: “Люся! Не смей открывать Варваре Ивановне! Что бы она тебе ни обещала!”. После маминого ухода за дверью раздавался тихий вкрадчивый

Блокадный Ленинград. Зима, 1941 год.

голос соседки: “Люсенька, открой мне, пожалуйста!”. Даже если бы я в конце концов поддалась на уговоры и решила открыть, сделать это все равно не смогла бы. У меня просто не было сил встать с кровати. Варвара Ивановна умерла от истощения.

Лев Аркадьевич Стома

«Однажды мама пошла выкупить молоко мне и сестрёнке, и в этот магазин попал снаряд. Это случилось в ноябре 1941 года. Там было очень много жертв. Погибла и наша мама. Бабушка опознала её только по руке, на которой было известное ей кольцо. Так мы остались с Таточкой только с дедушкой и бабушкой-инвалидом. Папа приехал с фронта, и маму похоронили на Охтинском кладбище. В конце ноября мы собрались помянуть покойницу, и дедушка сказал моему папе: «Ну что, Аркадий, выбирай — Лев или Таточка. Таточке одиннадцать месяцев, Льву шесть лет. Кто из них будет жить?». Вот так был поставлен вопрос. И Таточку отправили в детский дом, где она через месяц умерла. Был январь 1942-го, самый трудный месяц года. Плохо было очень — страшные морозы, ни света, ни воды…»

Игорь Владимирович Александров

«Самой трудной и опасной работой была заготовка дров. Топливо в Ленинград возили по Ладожскому озеру только на заводы. Сначала жгли книги, мебель и что найдётся. Но при бомбёжках рушились и горели дома, где можно было добыть с трудом недогоревшую древесину. Против нашего дома был огромный дом занимающий квартал, от улицы Разъезжей до следующей улицы. В этот дом попали бомбы, он горел, как факел целую неделю. Пожарные машины его тушили, но безуспешно, он сгорел, но там много осталось несгоревшей древесины. Взять её было трудно, так как люди были истощены и опасно из-за того, что в любой момент могли обрушиться перекрытия и лестницы. Мы с мамой каждый день ходили туда за дровами. Она отбивала топором недогоревшие: перила, рамы, подоконники, сбрасывала их вниз, а я, что мог, таскал через улицу домой. В сгоревшем доме на лестницах, лестничных площадках сидели, лежали, чёрные сгоревшие, обледенелые от воды из пожарных шлангов трупы. Я с начало боялся мимо них ходить, но потом привык, они ведь не шевелились. Так мы заготовили дрова на зиму.»

Заготовка дров в блокадном Ленинграде

Татьяна Борисовна Фабрициева

«Мы были в гостях у папиных друзей, когда объявили воздушную тревогу. До этого их объявляли часто, но ничего страшного не происходило, трещали зенитки и объявляли отбой. А тут мы услышали не только зенитки, но и глухие удары взрывов. Когда, после отбоя, мы вышли на улицу, то увидели страшное багровое небо и расползающиеся по нему клубы дыма. Позднее мы узнали, что это горели Бадаевские склады, те самые, где хранился основной запас продовольствия для города. Война для нас вступила в другой этап. Вечером снова была тревога, раздавался ужасный свист и после него глухой удар. Пол ходил ходуном, и казалось, что мы не дома, а на борту океанского корабля. Вскоре нам пришлось спуститься в убежище. То, что мы увидели утром, потрясло меня на всю жизнь: на соседней улице все дома через один были словно разрезаны ножом, в остатках квартир были видны печи, остатки картин на стенах, в одной из комнат над бездной повисла детская кроватка. Людей не было нигде».

После бомбёжки

ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА ПАВЛИЧЕНКО

Материалы для статьи собраны из открытых источников в интернете

Людмила Михайловна Павличенко

Советские женщины-снайперы приковывали к себе особо много внимания, как в военные годы, так и в послевоенное время. Они вызывали восхищение союз- ников и сеяли страх в рядах врагов. Самой известной женщиной-снайпером в Советском Союзе является Людмила Павличенко. Нацисты называли её "женщи- на из ада", а американцы – "леди Смерть". В годы Великой Отечественной войны она лично уничтожи- ла более 300 немецких солдат, офицеров и снайперов.

Воинское звание: советский снайпер 25-й Чапаевской стрелковой дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии. После окончания Великой Отечественной войны, до 1956 года, была офицером Главного Морского (Генерального) штаба Военно-морского флота СССР, в звании майора береговой службы. Ушла из жизни в 1974 году.

Награды: высшим званием "Герой Советского Союза" со знаком отличия, медаль "Золотая Звезда" (№ 1218), два ордена Ленина, другие медали.

Мантия Почётного студента Оксфордского университета

Наградное оружие: винтовка "Мосина", пистолет "Кольт", винтовка "Винчестер", нож английской фирмы "Kinfolks"

Людмила Михайловна Павличенко (в девичестве Белова) родилась в украинском городе Белая Церковь 29 июня 1916 года в семье простых рабочих. Отцом будущей героини войны был обычный слесарь Михаил Белов. До 14 лет Людмила жила жизнью обычного советского подростка и обучалась в школе № 3 в родном городе, пока семья не переехала жить в Киев. Окончив девять классов общеобразовательной школы, девушка начала работать, устроившись на знаменитый киевский завод "Арсенал" шлифовальщицей. Одновременно с работой Людмила продолжала учиться в вечерней школе, чтобы получить законченное образование.

В 1937 году 21-летняя Людмила Павличенко решила получить высшее образование и успешно поступила в Киевский государственный университет. Училась будущая женщина-снайпер на историческом факультете. Как и многие девуш-

ки и юноши 1930-х годов Людмила занималась спортом, планеризмом и стрельбой. Планерный и стрелковый виды спорта в те годы были особенно распространены по всему Советскому Союзу.

Перед самым началом войны, учащаяся на четвёртом курсе Людмила Павличенко, отправилась на дипломную практику на Чёрное море в Одесский музей, оставив сына на время поездки у родителей. Именно на черноморском побережье, за музейной работой, Людмилу застали известия о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. В первые же дни войны, недолго думая, она записалась добровольцем на фронт. Подготовленные снайперы были нужны уже тогда, поэтому новоиспечённый боец Красной Армии достаточно быстро оказался в составе 25-й стрелковой дивизии имени Чапаева.

Людмила Михайловна вспоминала, что все 250 дней героической обороны Севастополя были как один беспрерывный бой на переднем крае. О войне она публично рассказывала очень редко. Сохранилась уникальная телевизионная запись 1973 года, на которой Людмила Михайловна делится воспоминаниями:[1]

"Когда началась Великая Отечественная война, оказалось, что в Советском Союзе очень много снайперов готовых – они все добровольно пришли в вооружённые силы, не ожидая ни призыва, ни повестки. И на каждом участке: большом и маленьком, в первых приграничных боях и позже, участвовали снайпера наравне со всеми. Много можно было бы назвать фамилий. Вместе с мужчинами были и женщины – всё это были снайперские взводы – отдельные взводы, которые подчинялись прямо своему управлению, и замыкались сами на себе.

Интересная это очень работа. Интересная потому, что каждый день, вне зависимости от боя, вне зависимости ни от чего, снайпер уничтожает живую силу врага. Ну, если так, грубо говорить, есть разные методы. Между прочим, снайпера поздних выпусков уже работали немножко по другой системе. Отличались от своей первой довоенной подготовки.

Первый такой вид, самый обычный – так называемая, "снайперская охота". Летом, в половине четвёртого утра, выходят двое: снайпер с наблюдателем. Наблюдатель – такой же снайпер. Он не только помогает тебе вести наблюдение, но и в любой момент откроет в помощь любой силы огонь. Одна пара лежит в одном месте, а через 300-400 метров – другая пара. Разговаривать, пересвистываться между собой нельзя, двигаться и курить нельзя, и вообще,

[1] www.youtube.com/watch?v=tm2yraNQWqM

ничего нельзя. Продолжается это до девяти-десяти часов вечера. За это время снайпер может уничтожить пять фашистов, может уничтожить трёх, а может быть, и ни одного. Всё зависит от того, насколько подвижны фигуры врага, насколько они будут вертеться, и кто будет вертеться. Не в первых попавшихся открывали огонь, а были определённые для нас фигуры. Это, в первую очередь, наблюдатели врага – они являются такой очень скверной вещью для войны: наблюдатель врага имел право вызвать артиллерийский, миномётный огонь. Поэтому его надо было выискивать и уничтожать первым.

Потом связисты: тонкая проволока связи – она как ниточка, провисает и к связисту ведёт. Потом связные. Гитлеровских офицеров на переднем крае никогда не было – они были во втором эшелоне, а связь с передним краем осуществляли только через своих связных. Значит, когда связной бежит на передний край, он несёт какое-то распоряжение. Если с переднего во второй эшелон, значит – доложить, обращается с какой-то просьбой или требованием от роты. Поэтому, большинство требований и просьб не были доставлены вовремя – это такая третья наша мишень.

Второй вид снайперской работы – это "снайперская дуэль". Нового снайпера, который только что пришёл, на снайперскую дуэль не пошлют. Потому что надо, чтобы снайпер был немножечко обстрелян, и немножко привык к боевой обстановке. Только тогда его выпускают на дуэль. Для того, чтобы найти вражеского снайпера, надо потратить часов сорок восемь. Вам никто не скажет: "сиди, не выходи из потайной зоны" – никто. Вы сами будете сидеть, вы сами будете ждать и высматривать вражеского снайпера: по линии горизонта ночью, на рассвете – чтобы определить точно, где он находится. Потом существуют отдельные моменты проверки –

снайпер для снайпера ловушки ставит. Попался в вашу ловушку, значит, вам победителем быть. Коль вы попадётесь в ловушку – хуже будет. И когда ловушка закрылась, снайпер отмечен, вместо ловушки, на третий день, ляжет наш советский снайпер. Очень скоро, в оптику своей винтовки, при очень точной наводке – она совпадает обязательно с оптикой врага – вы увидите цвет волос своего противника, цвет глаз, даже можете определить, сколько лет. Но также он и вас сумеет рассмотреть. А для выстрела время ещё не наступило. Расстояние между вами в 500-400 метров, а мишень, лежащая на земле, снайпер – это 18-20 сантиметров. На 500 метров по мишени 20 сантиметров стрелять рискованно, а второго выстрела у снайпера не бывает. Пройдёт ещё несколько часов, воз- можно восемь или десять, пока снайпер приподнимется. Гитлеровские наблюдатели и автоматчики, как следует, будут вас дразнить, а вы должны будете спокойно выдержать всё это. Ведь бывает как: взрослые люди друг другу слово скажут поперёк, и уже, как говорится, друзья "расфыркались". А тут очень много надо терпеть – тяжело это очень, очень тяжело. А потом наступает момент, когда вражеский снайпер привстал – в конце концов, поверил, что вас, вроде бы, тут нет, что вы перепугались, ушли, отползли. Встал, начинает двигаться. Ну, выстрел ваш – право ваше. Это второй вид работы.

И третий вид работы – это "снайперская засада", пожалуй, это самая ответственная. Перед тем, как снайпера уходят в засаду, несколько дней работает разведка. Разведка может и батальонная работать, и полковая. То есть, они смотрят, где можно пройти. Потом выходит снайперская разведка – снайперам надо посмотреть место, можно ли с этого места вести огонь, или нельзя. А потом выходит засада. Самая большая засада выходила из семи человек, а средняя рабочая засада была пять человек. Выходят в два часа ночи. Надо пройти нейтральную зону, передний край гитлеровцев, и где-то залечь между первым и вторым эшелоном. Начинается рассвет, во втором эшелоне у гитлеровцев – движение. Подвозят кухню, выходят денщики, начинают становиться в очередь, вытаскивают лотки. Снайпера, конечно, по денщикам огонь не открывают, и по кухне – тоже. А вот когда денщики получают еду, с блиндажей вылазят господа-офицеры, проверить, что денщик стянул с лотка. И вот, когда повылазят главные мишени, по ним открывается снайперский огонь. Но если в засаде пять человек было, то вперёд по врагу могут стрелять только двое, а три – в прикрытии. То есть, наблюдают с боков, с флангов и с тыла, чтобы никто к засаде не подошёл. Огонь длится минуту. У гитлеровцев начинается дикая паника. И почему-то всегда они нас путали с партизанами, и кричали, что на них опять напали русские партизаны. Мы замолкаем. Пока длится паника, снайпера имеют возможность сменить позицию. Иногда нужно было пройти сто метров, иногда нужно было перескочить сто пятьдесят метров – небольшое расстояние, и залечь на новом участке. Через минут 15-20 после огня происходили такие интересные сцены: гитлеровцы приходили в себя, собирали своих денщиков, санитаров, во главе становился какой-нибудь капрал, поили их шнапсом с добавлениями какими-то. С переднего края вызывался взвод, и велось самое настоящее боевое наступление на тот участок, на котором мы только что были. Они шли, строчили из автоматов неизвестно, куда. А мы сидим в другом месте. И очень хорошо маскировать свой выстрел снайперской винтовки, такой звучный выстрел, – в эти самые автоматные очереди. В автоматной очереди бывает три патрона и пять. В три, конечно, хуже, в пять – лучше. Гитлеровцы падают, бой разгорается ещё сильнее. А вот, когда они дойдут уже до того места, окружат его, тут начинается настоящий вой – очереди автоматические гитлеровцы запускали просто в землю. Там ничего не оставалось. Но нас там уже не было. А к вечеру, с другого места опять совершается нападение. И после этого существовала только одна возможность на выход: выходить во весь рост, со скоростью стометровки. Когда засада снайперов выходит от врага, и если кто-нибудь из снайперов упал, а действительно, почему-то снайпер раненым не упадёт – он застонет, он склонится, он как-то сожмётся… упадёт только убитый. Вся засада тут же остановится, и вступит в бой. Если там ещё кто-нибудь погибнет, то всё равно товарища заберут. Нельзя – вот нельзя оставлять тело товарища в земле, захваченной врагом! Это строгий очень закон. Он не записан ни в одном уставе, но этот закон был среди снайперов, и выполнять его нужно было неукоснительно.

А ещё есть такой вид снайперской работы: когда снайпера выполняют какие-то дополнительные виды работ, так называемая охрана. Бывает, иногда разведка уходит в тыл, а снайпера выходят прикрывать и перекрывать вот эти самые пути и дороги у самого переднего края гитлеровцев, по которым они прошли, и по которым они должны вернуться.

Интересно, что гитлеровцы так были оскорблены севастопольскими снайперами и снайперами Одессы, что в апреле 1942 года сменили всех своих снайперов, а осталось их в живых, между прочим, не так и много, и подбросили к Севастополю снайперов-асов. И вот, когда они в первый раз заявили по радио, что у них появились снайпера-асы, мы и ухом не повели. Второй раз кричат гитлеровцы – значит, уже надо посмотреть: а что там такое? Ну и на третий день вышло заявление, что асы и снайпера Севастополя будут все уничтожены. Это, конечно, было для нас оскорблением, и очень большим. Тогда командир снайперского взвода 8-й морской бригады, герой Советского Союза Ной Адамия, снайпер-пограничник командир снайперского взвода Васильев, решили выйти на местность. Нам пришлось больше суток сидеть в наблюдении – сидеть и искать, где же этот ас. Снайпера вражеского мы нашли: он был за своим передним краем и за своими автоматчиками. Ребята решили взять его живым. Ас пошёл спокойно, не сопротивляясь. Вывели его на нейтральную зону, и потребовали снайперскую книжку. В снайперской книжке была цифра:

502. Стояло так: 501//1. Мы его спросили: "Откуда 501? Где, на каких участках вы работали, сколько вы человек советских перебили? В боях ли это?" Потихоньку выяснили, что гитлеровский снайпер закончил офицерскую снайперскую школу, а потом был послан для того, чтобы привыкнуть к убийству, в охрану "лагерей смерти". Не знаю, конечно, как вы, но я до сих пор не могу понять, как снайпер может убивать женщину, вышедшую на плац, ребёнка, мужчину, который в плену и без оружия в руках. По-моему, это дело зверское, не стрелковое. "Ас" – мы решали, что с ним делать, куда его сопровождать. Но нам навстречу вышли наши друзья, разведчики, и сказали: "Вы с ним поговорили, а теперь кое-какие вопросы зададим мы." Так мы с ним и попрощались.

Гитлеровские асы под Севастополем были все уничтожены. Мы не только брали их в плен, а просто уничтожали. Артиллерийская оборона Севастополя длилась 250 дней, и если пройтись самым беглым взглядом по всей обороне – это был один беспрерывный бой. Бой на переднем плане, и бой по тылу. Гитлеровцы предпринимали очень много наступлений на Севастополь. Они, действительно, бросали своих солдат, не щадя и не жалея ничего и никого. Бросали свою артиллерию в расчёте на то, что русский солдат, советский солдат звуков, воев, визгов в конце концов, выдержать не сможет. Севастопольцы всё это выдерживали. Потому что в этом небольшом городе решалось много вопросов. И даже такой серьёзный вопрос, как: вступать ли нашему соседу, Турции, в войну, или нет. Решались вопросы нефти – защита Баку. Всё это решалось в Севастополе.

Ной Петрович Адамия – Герой Советского Союза, Инструктор снайперского дела 7-й бригады морской пехоты

Трудно рассказать о том колоссальном героизме. Вы просто вникните в такую цифру: 24 офицера-артиллериста вызвали огонь батарей на себя. Что значит вызвать огонь батарей на себя? Это значит: выйти не можете, кругом гитлеровцы, и уж лучше смерть, но в бою. Трудно даже представить Севастополь последних дней обороны. Действительно, в городе не осталось ни одного дома, действительно, всё было развалено и разрушено, но всё равно, на осколках стен писались большими буквами углём, белой глиной, чем только попало: "СЕВАСТОПОЛЬ НЕ СДАЁТСЯ И БУДЕТ СКОРО ОПЯТЬ СОВЕТСКИМ!"

Боевые корабли Черноморского флота, которые всё время помогали нам очень сильно, снабжали нас и артиллерией и пополнением, в последние дни обороны Севастополя подойти уже не могли – была чересчур большая воздушная блокада на море. Севастополь был

Севастополь, 1942 г.

сдан 3 июля 1942 года. По официальным сообщениям ТАСС, более 11 000 защитников остались в городе, и потом попали в плен. Но основной состав из Севастополя был вывезен.

Мы дрались на Кавказе, дралась под Белой Глиной в 39 гвардейской дивизии, и вот в один из боевых дней, меня вызвал командующий Северо-Кавказским фронтом, маршал Будённый Семён Михайлович и сказал, что Вам надо лететь в Москву. Больше он мне ничего не сказал, мне, как младшему лейтенанту, осталось сказать только "Есть!", развернуться, спросить разрешения на выход, и выйти.

Самолёт был последний из Краснодара в Москву, потому что уже шла подготовка к обороне Краснодара. В Москве мы пробыли очень мало времени. Во второй день приезда я узнала, что вхожу в состав нашей советской делегации студентов, которые должны участвовать в Международной Студенческой Ассамблее в Америке. Это была большая неожиданность – обидная какая-то неожиданность. Я думаю, что вы согласитесь с тем, что когда надо открывать второй фронт, Ассамблеи студенческие не собираются.

Состав делегации был небольшой: три человека. От Москвы был Николай Красавченко, от города Ленина был ленинградский снайпер, Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев. Летели мы южным путём, через Тегеран, пару раз по дороге нас пытались забыть, но мы всё находились, и прибыли на Международную Ассамблею вовремя.

Приглашены мы были Элеонорой Рузвельт и Международной Студенческой Организацией. Поезд пришёл в Вашингтон в шесть часов утра. Мы рассчитывали, что в это время нас, наверное, никто встречать не будет, и мы ещё сможем "еле-еле" собраться. К нашему удивлению, вокзал был полон студентами со всех стран, они пришли в своём лице приветствовать Красную Армию, которая дерётся с фашистами не на жизнь, а на смерть. После короткого митинга на вокзале нас повезли в Белый дом, и больше суток мы были гостями Белого дома. От имени Элеоноры Рузвельт нас принимала миссис Пратт, а от имени господина Рузвельта принимал его адъютант. За завтраком мы получили от них приветственные телеграммы: что они приветствуют нас и мечтают о встрече с нами. Встреча такая состоялась, причём состоялась при большом сборе людей. На этой встрече Рузвельт сказал: "Да, народ Америки должен преклоняться перед Советским народом, перед Красной Армией. Действительно, Красная Армия спасает мир от фашизма." Мы выступали активно на Ассамблее, ругались с иностранными студентами, по-

Людмила Павличенко, Владимир Пчелинцев
и Николай Красавченко в США

тому что находились ещё такие люди, которые кричали, что раз ты студент, то во время войны ты должен продолжать свою учёбу, ты должен изучать памятники материальной культуры. Для этого, можно, например, взять разрешение у гитлеровцев и съездить в Грецию, в Италию, вместо того, чтобы взять оружие в руки, отойти на время от учёбы и вступить в драку – драку за свободу, за собственную свободу, за свободу своего народа! Очень горячие были стычки. Ассамблея продолжалась всего четыре дня, на пятый день был большой приём в Белом доме, а позже мы вошли в состав делегации уже Международной Студенческой Организации для посещения всей Америки.

Самые лучшие воспоминания у меня остались, конечно, после посещения заводов. Это понимаете, как попадаешь сразу к друзьям. Друзьям, которые понимают и которые возражают. И после каждого такого выступления в адрес Рузвельта с любого завода, шла телеграмма, что рабочий такого-то завода требует: "Откройте немедленно второй фронт!"

Пришлось мне быть и в Голливуде. Это меня не очень тогда удивило, да и до сих пор, не произвело должного впечатления.

Поездка по Америке продолжалась два месяца. После этого мы поехали в Канаду. Выступали там первыми представителями советской молодёжи, выступали среди канадского народа. Потом была поездка в Англию – на Первый Конгресс Молодёжи Мира,

Выступление Людмилы Павличенко в США

который по своему составу был уже более демократичен, чем Международная Студенческая Ассамблея. Там уже были представители армии, были представители рабочего класса. И в Англии, как и на Международной Студенческой Ассамблее, нам пробовали кое-что вытянуть таким вопросом, на который они давали очень сильные и совершенно неразумные реакции – это было выступление наших "английских друзей" по поводу того, что у нас нет свободы религии. Но мы им объяснили очень просто: каждый, что хочет, то себе и выбирает у нас, в Советском Союзе, по советским законам и по Советской Конституции, если это не является ущербом для народа и для государства.

Эта заграничная поездка продолжалась четыре с половиной месяца. Вы знаете, мы устали, наверное, больше, чем на снайперских постах – действительно, устали. Восемь-десять выступлений в день, встречи с разными людьми, миллионы вопросов, причём, иногда очень хороших вопросов, а иногда таких глупых, что даже сейчас трудно вспомнить их, да и не хочется. И на каждом выступлении, где бы мы ни были – по телевизору, по радио, в любой аудитории, каждый из нас всегда говорил: "Открывайте второй фронт немедленно!" Ну, а когда приходилось выступать мне, то я обычно добавляла: "Не кажется ли вам, господа-мужчины, что прятаться за спину женщины в бою не стоит? Коль ты называешь себя мужчиной."

Американские женщины поддерживали меня, выступали в прессе, призывали своих мужей тоже идти в армию, и участвовать в открытии второго фронта. Это же делали и английские женщины.

Возвращались мы домой на английском самолёте через Германию, при вылете пришлось поспорить – по международному требованию мы должны были лететь в парашютах, а мы отказались. Если бы произошла авария самолёта над вражеской территорией, то парашюты открывать ни к чему.

После короткого отдыха в Москве, мы отчитались перед москвичами, были на заводах, и не только в Москве. Ездили на Урал, выступали там, рассказывали, конечно, значительно подробнее, чем сейчас. Передавали приветы от Рузвельта. Да, виделись мы и с Черчиллем. Черчилль тоже нам сказал: "Я возлагаю надежды на Красную Армию и на Господа-Бога." На свою армию, английскую, он надежд не возлагал. Это не шутка, это правда – всё то, что они говорили.

После поездки, после наших отчётов прошла приблизительно пара месяцев – это был такой счастливый момент в моей жизни – когда меня неожиданно пригласил к себе Иосиф Виссарионович Сталин. Разговор с Иосифом Виссарионовичем был очень душевный, очень простой и очень откровенный. И знаете первый вопрос, который он задал? Он не спрашивал о поездке, поездка его мало интересовала. Его очень интересовала оборона Севастополя. Он спрашивал положение, спрашивал о боях, спрашивал о людях, спрашивал о работе снайперов. И вот, когда сидя с ним за одним столом, я ему отвечала на эти вопросы, чувствовалось, что со мной говорит человек, знающий всю снайперскую работу, понимающий. Поэтому хотелось сказать ему всё откровенно, всё так, как есть и так, как было. Визит продолжался 50 минут, во время визита, как говорится, никаких происшествий не было, я была в форме, была с оружием. На Спасских воротах мне сказали: дескать, проходи с оружием.

Через несколько дней произошла ещё одна встреча, но на сей раз со всем Государственным Комитетом Обороны. Но об этом когда-нибудь потом.

Прошло ещё некоторое время, меня направили на обучение на Высшие Курсы Комсостава, а после их окончания, направили для прохождения службы в Воздушно-десантные войска Красной Армии. После, в 1944 году, я попросила отпуск для того, чтобы продолжить учёбу. Ведь я же ушла на фронт с Киевского университета, не окончивши его. Нужно было всё-таки получить диплом. И после такой бурной жизни пришлось опять вернуться к студенческой скамье, к лекциям, к экзаменам, ко всему тому, что студент должен делать. Диплом был мной получен в 1945 году, а через короткое время я опять была в армии, на этот раз – в Военно-морских силах."

Вне зависимости от количества убитых врагов, Людмила Михайловна Павличенко заслужила свою славу и известность отвагой и мужеством, проявленными на фронте в ходе очень тяжёлых для всей Красной Армии боев 1941-1942 годов. Людмила Павличенко с честью вынесла на своих хрупких плечах тяжёлые бои при обороне Одессы и Севастополя, и никогда не отсиживалась в тылу. За время нахождения на фронте, она была четыре раза серьёзно контужена и получила три ранения. Ранения, контузии и тяжёлые испытания, которые выпали на её долю, привели к ранней смерти Людмилы – в возрасте всего 58 лет. Сегодня мы можем лишь поклониться мужеству, отваге, самопожертвованию этой женщины, которая в тяжёлое для страны время взвалила на свои хрупкие плечи задачу по защите нашей Родины и делала всё, что было в её силах, чтобы приблизить победу над врагом.

БИТВА ЗА КАВКАЗ

Статья написана по материалам книги маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза — Андрея Антоновича Гречко "Битва за Кавказ"

Битва за Кавказ. 1942 г.

Оборона

После тяжёлого отступления в первые месяцы Великой Отечественной войны Красная Армия в конце 1941 г. остановила наступление врага и в сражениях под Москвой, Тихвином и Ростовом нанесла ему серьёзное поражение. После разгрома немецко-фашистских войск окончательно был похоронен план «блицкрига», развеян миф о непобедимости гитлеровской армии. Успехи Советских Вооружённых Сил в зимней кампании 1941-42 гг. свидетельствовали о том, что в ходе войны произошли важные перемены. Впервые фашистская Германия потерпела крупное поражение. Немецко-фашистские войска потеряли большое количество живой силы и техники. В ходе зимнего наступления Красная Армия разгромила 50 дивизий врага. Общие потери противника превышали 400 тыс. человек.[1]

В ожесточённых боях советские воины обогатились боевым опытом, стали более организованны. За этот срок значительно выросла численность наших Вооружённых Сил.

Но каковы были дальнейшие планы германского командования? Новый план основывался на том, что захват важнейших экономических районов на юге СССР настолько ослабит Советский Союз и усилит Германию, что этим будет определён исход войны. Характеризуя германскую летнюю кампанию 1942 г., английский военный историк Фуллер пишет:

«...оставалась единственная возможность: подорвать экономическую мощь России, ударить по материальной основе её вооружённых сил. Было решено, что для этого нужно лишить Россию донецкого промышленного района, кубанской житницы и кавказской нефти».

Гитлеровцы открыто говорили о планах захвата Кавказа в 1942 г. Министр иностранных дел Германии Риббентроп заявлял, что нефтяные источники для Германии были военно-поли-

[1] Гречко А.А. Битва за Кавказ. — М.: Воениздат, 1967

Иоахим Риббентроп

оборону наших войск, противник 19 мая овладел Керчью и Керченским полуостровом. Поражение войск Крымского фронта под Керчью позволило противнику сосредоточить все силы в Крыму против Севастополя. Собрав у Севастополя сильную группировку войск, большое количество артиллерии, танков и самолётов, противник после пятидневной артиллерийской подготовки 7 июня перешёл в наступление. Отважно сражались защитники легендарного города, но силы были слишком неравны. По приказу Ставки ча-

Штурм Севастополя, 1942 г.

тической целью. ***«Когда русские запасы нефти истощатся, Россия будет поставлена на колени»***.

5 апреля гитлеровская ставка утвердила директиву № 41, которая определила основные задачи на летнюю кампанию 1942 г. Согласно этой директиве главная цель летней кампании заключалась в том, чтобы окончательно уничтожить Советские Вооружённые Силы и лишить их важнейших военно-экономических центров. Осуществление наступательной операции на южном крыле советско-германского фронта возлагалось на группу армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бокк. Позже эта группа была разделена на две — «А» и «Б».

Прежде чем начать наступление на Кавказ, германское командование решило частными операциями улучшить оперативное положение своих войск. На южном крыле фронта оно намеревалось захватить весь Керченский полуостров и Севастополь, а освободившуюся на этом участке свою 11-ю армию использовать для наступления на Кавказ.

Рано утром 8 мая ударная группировка врага, поддержанная танками и авиацией, перешла в наступление против левого фланга нашей 44-й армии на Керченском полуострове. Прорвав

сти Черноморского флота и Отдельной Приморской армии оставили Севастополь. К середине июля противник полностью овладел Крымом.

С потерей Крыма создалась непосредственная угроза Кавказу. Обстановка на Чёрном море и на южном крыле советско-германского фронта сложилась в пользу противника. 19 мая 1942 г. решением Ставки Верховного Главнокомандования Крымский фронт был расформирован, а Северо-Кавказское направление преобразовано в Северо-Кавказский фронт. Командующим фронтом был назначен Маршал Советского Союза С. М. Будённый. В состав фронта вошли войска бывшего Крымского фронта, соединения и части, расположенные на побережье Азовского и Чёрного морей.

Почти одновременно с боями в Крыму начались активные боевые действия в районе Харькова. Здесь подготовились к наступлению обе стороны. 12 мая Юго-Западный фронт начал активные действия. В начале наши войска имели некоторый успех. Но 17 мая крупная группировка противника перешла в наступление и в первый же день продвинулась на 20 км, в последующие дни врагу удалось окружить наши 6-ю, 57-ю армии и группу генерала Л. В. Бобкина в районе Балаклеи. В результате наши войска в

Маршал Советского Союза — Будённый Семен Михайлович

районе Харькова понесли крупное поражение. Противник начал успешно развивать наступление. К 5 июля ценой больших потерь врагу удалось преодолеть оборону советских войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и выйти к Дону. Завязались ожесточённые бои в районе Воронежа. Здесь в результате упорной обороны советских войск вражеская ударная группировка была остановлена.

Так, в конце июля 1942 г. создалась прямая угроза прорыва противника на Кавказ. Гитлеровское командование приступило теперь к осуществлению плана непосредственного овладения Кавказом. Этот план, получивший условное наименование «Эдельвейс», был изложен в директиве № 45 от 23 июля 1942 г. «О продолжении операции «Брауншвейг».

К началу боевых действий численное превосходство в силах было на стороне противника. Войска Южного фронта к 25 июля располагали лишь 17 танками. Артиллерийское усиление войск Южного фронта было очень слабое. Кроме того, из-за ограниченного количества переправ артиллерийские части при отходе на левый берег Дона оторвались от своих войск, а в 37-й армии артиллерийские полки потеряли всю материальную часть в боях при отходе за Дон. Количество авиации, которой располагал Южный фронт, также было крайне ограниченным.

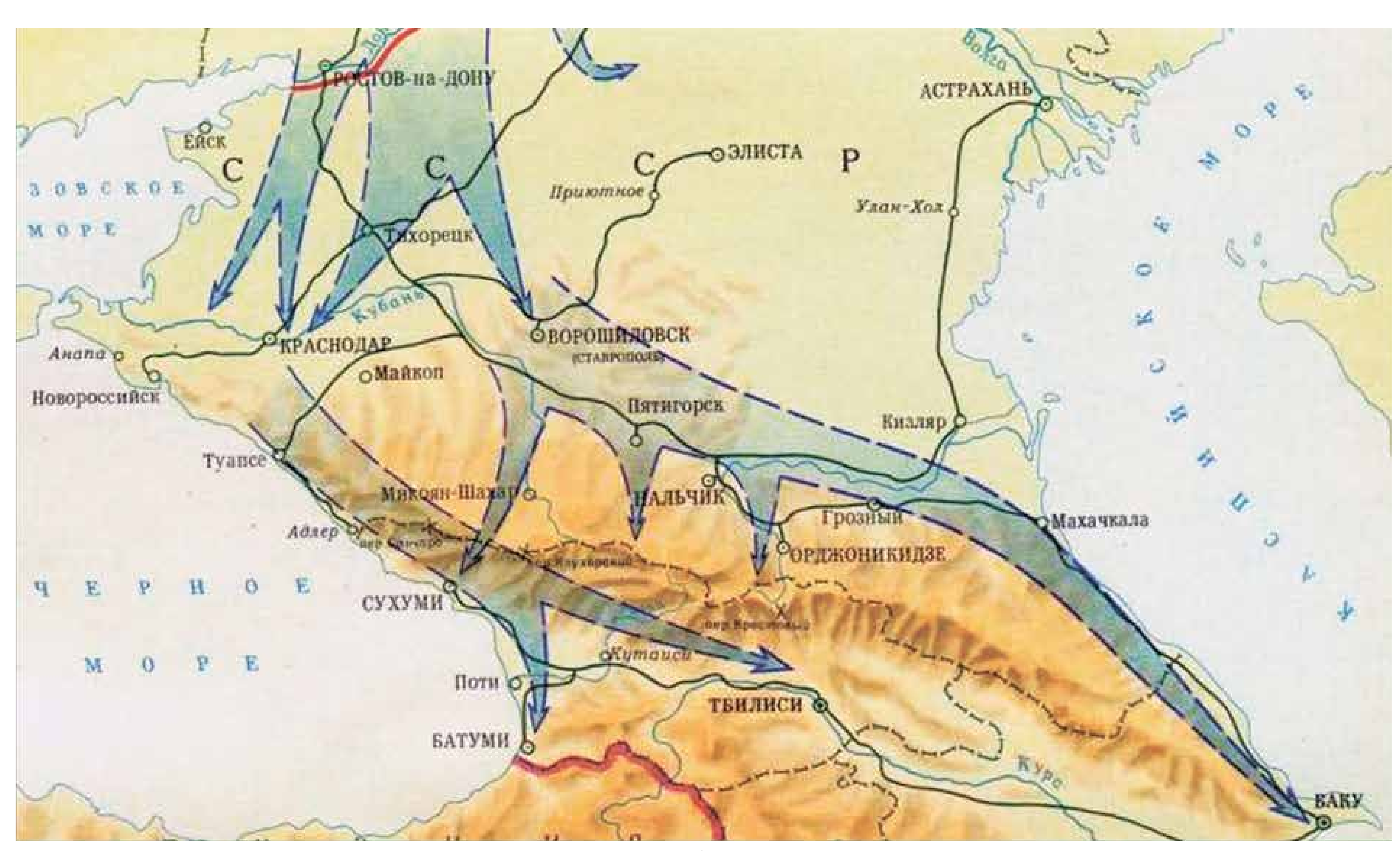
К моменту отхода войск Южного фронта на левый берег Дона создалось весьма напряжённое положение с материально–техническим обеспечением войск. Поспешный отход войск Южного фронта потребовал срочной эвакуации материальных ценностей и населения. Это в большой мере осложняло нормальное снабжение действовавших армий. Так, на участке Лихая, Морозовская, Сталинград образовалась пробка железнодорожных воинских эшелонов. По грунтовым дорогам от Дона до Кубани двигалось огромное количество автомобильного и гужевого транспорта, а также эвакуированного скота. Снабжение продовольствием было нарушено, и войска получали его главным образом за счёт местных ресурсов. Крайне не хватало боеприпасов и горючего.

Первый этап оборонительного сражения на Северном Кавказе начался 25 июля 1942 г. на рубеже нижнего течения Дона в полосе от станицы Верхне-Курмоярская до устья Дона. Гитлеровские войска при поддержке превосходящих сил авиации и артиллерии начали расширять ранее захваченные плацдармы на левом берегу Дона.

Советские воины мужественно оборонялись, неоднократно переходя в контратаки. После напряжённых боев противник вышел в полосе обороны 37-й армии в район Нижне-и Верхне-Солёного и в полосе обороны 18-й армии в район Батайск, Койсуг.

30 июля войскам был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. В этом приказе подчёркивалась серьёзность положения на фронте, указывалось на то, что «бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у Северного Кавказа, немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с нефтяными и другими богатствами». В приказе прямо говорилось: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины».

Тысячи агитаторов были направлены в войска для разъяснительной работы и помощи командирам в поднятии воинской дисциплины. В те дни солдаты и офицеры получали письма от родных и близких. В этих письмах были пожелания советских людей ещё сильнее громить

План "Эдельвейс"

гитлеровских захватчиков. Многие письма приходили из мест, недавно освобождённых частями Красной Армии. Они, как обличительные документы о чудовищных зверствах фашистов, о диких издевательствах оккупантов над мирными советскими людьми, вызывали у воинов гнев и неукротимое стремление мстить врагу. Вот письмо матери капитану Федотенкову, которое было опубликовано во фронтовой газете «Вперёд за Родину!»:

«Коля! Соколик ты мой ясный! Пишу я тебе это письмо, а сама заливаюсь горячими слезами. Говорю себе: поплакала и перестать бы пора. Ан нет. Как вспомню про фашистских иродов — сердце кровью обливается. Дорогой сыночек, ты и знать не знаешь, что пережила наша деревня под немецкой пятой. Из родственников наших осталась я одна. Остальных проклятые немцы угнали на каторгу в Германию. Твоей любимой сестрички нет с нами. Увезли её ироды в свою проклятую страну. Коля, я обмерла, когда её связывали. Сколько лежала без памяти — не знаю. Когда очнулась — не было уже моей дочурки, только прядь её волос осталась на лавке. Наша деревня была как невольничий рынок. Сгоняли сюда невольниц со всего района и держали до отправки по нескольку дней голодными, холодными. Как сейчас помню, к одной женщине рвалась её дочка. Солдат оттолкнул и ударил девочку прикладом. Бедная мать стояла и плакала. Волосы её были спуханы. Показалось мне, что она сошла с ума. Нет, Коля, мне не описать всего, что мы пережили. В аду — и то, наверное, лучше. Я до могилы не забуду фашистских разбойников. Проклинаю их на веки вечные. Вот тебе, сынок, моё родительское благословение и мой наказ: отплати германцам за сестру Зину, за разграбленную деревню нашу, — за всё!»

К 6 августа в составе Донской группы осталась только 37-я армия. На этом закончилась оборонительная операция Донской группы на ставропольском направлении. В ходе своего наступления противнику удалось, используя полное превосходство в танках, авиации, артиллерии и подвижных соединениях, вынудить войска Донской группы к отходу и захватить Ставрополь. Однако добиться ближайшей цели своего наступления — окружить советские войска между Доном и Кубанью — противник не смог.

Говоря об итогах первого оборонительного этапа битвы за Кавказ, следует отметить, что боевые действия на Северном Кавказе в период с 25 июля до 17 августа 1942 г. проходили в невыгодных для нас условиях. Немецко-

Воздушное сражение на Кубани, 1942 г.

фашистские войска имели большое количественное превосходство в танках, авиации и артиллерии. Этот огромный перевес врага в силах и является главной причиной, позволившей немецко-фашистским захватчикам вынудить наши войска к отходу от Дона до предгорий западной части Главного Кавказского хребта. В распоряжении командующего Северо-Кавказским фронтом не было достаточных резервов, за счёт которых можно было бы усиливать войска переднего края на наиболее опасных участках. Не следует забывать и того факта, что войска Южного фронта до этого вели тяжёлые оборонительные бои и сильно устали. А это в свою очередь отрицательно повлияло на войска Северо-Кавказского фронта после слияния этих двух фронтов.

Серьёзным недостатком в действиях наших войск следует считать слабое управление войсками со стороны командований и штабов некоторых армий и дивизий. Слабо управляемые части, не имея твёрдого руководства, часто отходили разрозненными группами, порой совсем не оказывая сопротивления врагу. Успешному действию наших войск мешала слабая работа тыла. Войска постоянно испытывали острый недостаток в боеприпасах, горючем, продовольствии. Все эти причины не позволили выполнить директиву Ставки Верховного Главнокомандования о восстановлении положения на Дону. Не были выполнены и другие задачи, поставленные войскам Военным советом Северо-Кавказского фронта.

И всё же, несмотря на значительное количественное превосходство противника в силах и средствах, на ошибки нашего командования, благодаря упорству и мужеству советских воинов враг в боях между Доном и предгорьями западной части Главного Кавказского хребта не сумел выполнить своей основной задачи по окружению советских войск и не смог прорваться к Туапсе. Временно уступая врагу территорию, наши войска в ожесточённых боях изматывали противника, истребляли его живую силу и технику. Несмотря на то, что противник имел подавляющее численное превосходство в воздухе, отважные советские соколы проникали на вражескую территорию и наносили противнику чувствительные потери.

Отходя с боями к западной части Главного Кавказского хребта, войска Северо-Кавказского фронта привлекли на себя все силы группы армий «А» противника, наступавшей на кавказском направлении. Это позволило войскам Закавказского фронта своевременно занять оборону по рекам Терек и Баксан, на перевалах Главного Кавказского хребта и прикрыть Закавказье с севера.

Туапсе, 1942 г.

В предгорьях главного Кавказского хребта

Оборона Главного Кавказского хребта от Мамисонского перевала до побережья Чёрного моря была возложена на войска 46-й армии, которой командовал генерал-майор В. Ф. Сергацков. Второй оборонительный рубеж создавался по р. Сулак. Этот рубеж занимался 114-й и 116-й стрелковыми дивизиями. Кроме того, в глубине создавался оборонительный рубеж от Махачкалы до Буйнакска и тыловые оборонительные рубежи по р. Самур в районе Дербентских ворот. Для обороны крупных административных и промышленных центров намечалось создать особые оборонительные районы: Махачкалинский, Грозненский, Орджоникидзевский.

Василий Фадеевич Сергацков

Фёдор Никитич Ремезов

Основу войск в этих районах составили дивизии НКВД. Оборона советско-турецкой границы возлагалась на 45-ю армию генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова. Эта армия должна была, опираясь на укреплённые районы и взаимодействуя с 46-й армией, ликвидировать всякие попытки возможного нарушения государственной границы. Командующим армиями приказывалось с 4 августа приступить к рекогносцировке оборонительных рубежей и закончить её до прибытия войск в районы обороны.

В исключительно тяжёлых условиях велась работа тыловых учреждений по материально-техническому обеспечению войск. От органов тыла требовались большая организованность и срочные меры для наведения порядка в тылу. Директивой по тылу Северо-Кавказского фронта от 11 августа 1942 г. были организованы контрольно-пропускные пункты, которые стали поддерживать строжайший порядок на дорогах. Эвакуируемое гражданское население пропускалось только по определённым маршрутам, а отдельные военнослужащие и мелкие подразделения, отбившиеся от своих частей, задерживались и направлялись на сборные пункты.

Для обеспечения обороны горных перевалов приказывалось во всех армиях создать неснижаемые трёхмесячные запасы продовольствия и фуража. Армиям, корпусам и дивизиям предлагалось организовать гурты за счёт сбора скота, оставленного населением. Армейские и дивизионные склады следовало рассредоточить и хорошо замаскировать. Тыловые части и учреждения убрать с дорог, разместить в тыловых районах соединений. Но эти мероприятия не были выполнены полностью и в срок, и с материальным обеспечением впоследствии возникли серьёзные затруднения. Это объяснялось прежде всего тем, что тыловые учреждения и части фронтов, армий и дивизий были разбросаны на большой территории. Управление ими было слабое.

После выхода немецко-фашистских войск к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта командование немецкой группы армий «А» считало, что советские войска уже не смогут оказать упорное сопротивление.

«Командование группы армий придерживается того мнения, что и это сопротивление (в районе Новороссийска.—Авт.) можно сломить при сильном натиске. Также и сильные части противника в излучине Терека могут оказать

только временное сопротивление массированному наступлению немецких соединений».

И далее командование группы армий «А» сообщило в ставку германского командования:

«Кажется, что противник по всему фронту выставил на передовой линии все имеющиеся в своём распоряжении силы и что после прорыва этой линии сопротивление противника будет сломлено».

В этой обстановке план немецко-фашистского командования сводился к тому, чтобы после перегруппировки продолжать наступление на Кавказ одновременно на трёх направлениях.

18 августа наши передовые отряды, оборонявшиеся в районе Левокумское, Будённовск и Воронцово-Александровское, вступили в бой с частями 52-го армейского корпуса противника. Передовые отряды Северной группы войск были очень малочисленны, и их действия носили главным образом разведывательный характер. Эти отряды не смогли сдержать наступление танковых соединений врага и вынуждены были 21 августа с тяжёлыми боями отойти к Моздоку, т. е. к своим главным силам.

Отряд майора Корнеева и курсанты Ростовского артиллерийского училища совместно с частями 26-й запасной стрелковой бригады в течение трёх дней вели ожесточённые бои, но под давлением превосходящих сил противника вынуждены были оставить Моздок. После захвата Моздока противник пытался сильными отрядами в первую очередь овладеть переправами через Терек и обеспечить себе исходный плацдарм для дальнейшего наступления в направлении на Орджоникидзе.

Так к концу августа в руках противника оказались Моздок и Прохладный. Враг вышел к левому берегу рек Терек и Баксан на участке от Ищерской до Баксанского ущелья. Создалась серьёзная угроза прорыва врага к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам. Для усиления Северной группы войск Закавказского фронта была сформирована 58-я армия. Командующим-армией был назначен генерал-майор В. А. Хоменко.

К 1 сентября общее соотношение сил на всем фронте Северной группы войск, кроме танков и авиации, было на стороне наших войск. Однако командование группы, несмотря на точно выявившееся направление главного удара противника, распределило силы, и особенно артиллерию, равномерно по всему фронту. Вследствие этого на малгобекском направлении с нашей стороны участвовала в боях лишь небольшая часть стрелковых войск и артиллерии 9-й армии. На этом участке противник имел превосходство в артиллерии более чем в шесть раз и в танках более чем в четыре раза.

Утром 2 сентября противник приступил к форсированию Терека на участке Предмостный, Кизляр. Части 8-й и 9-й гвардейских стрелковых бригад 11-го гвардейского стрелкового корпуса вели ожесточённые бои. Однако, противнику удалось захватить Предмостный и Кизляр. Из этих районов враг пытался развить наступление на юг, но все его атаки были отбиты.

В 5 часов утра 4 сентября началось наступление группы «Блиц» — на три дня раньше, чем намечалось по плану. Противник бросил в бой около 100 танков. На большой скорости танки подошли к подножию Терского хребта. Подъём становился все круче, и тут-то они были встречены залпами с высоты Крейсер. Первые же

Бои за Моздок. 1942 г.

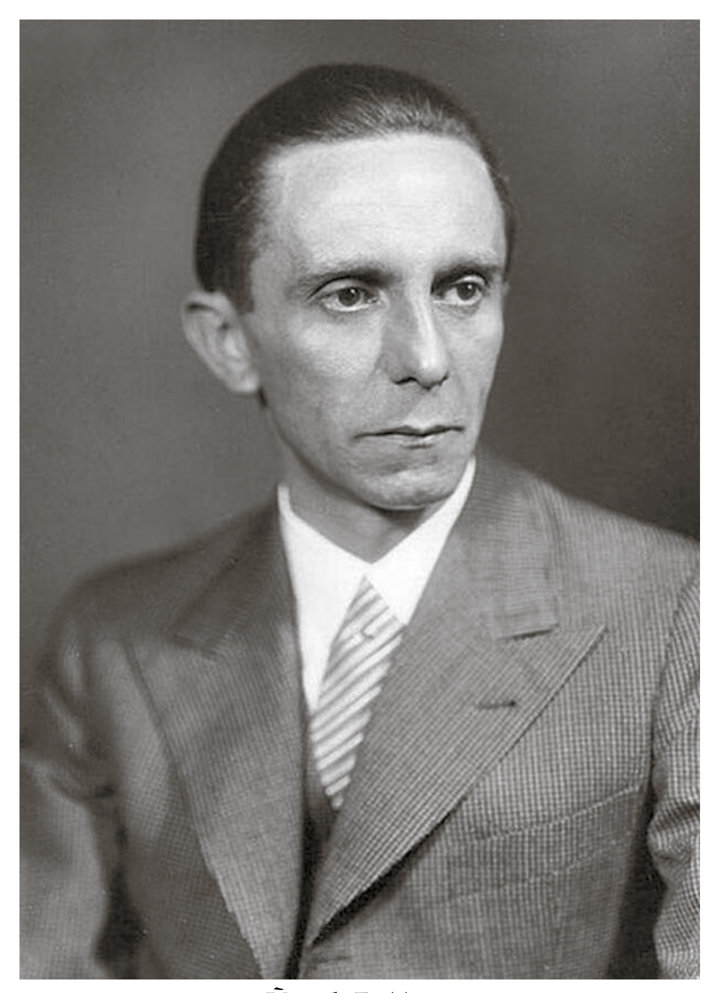

Защитники Эльхотовских ворот

выстрелы пушек 47-го гвардейского истребительного дивизиона и стоящих в укрытии танков заставили противника повернуть назад. Но скоро вражеская атака возобновилась. Несколько часов продолжался жестокий бой за высоту Крейсер. Несмотря на ожесточённые атаки врага, советские воины удержали эту важную позицию. Наши штурмовики, истребители И-153, И-16, вооружённые пушками и реактивными снарядами, снижались до высоты 10-15 м, поражали живую силу и технику противника. Благодаря хорошему взаимодействию авиации с наземными войсками вражеская танковая атака была отбита.

Военный трофей

Йозеф Геббельс

Район Моздока стал для гитлеровцев «долиной смерти». Упорное сопротивление и контратаки наших войск сильно ослабили наступавшие части врага. Особенно большие потери понесли его 111-я и 370-я пехотные дивизии. Пленные немецкие солдаты 370-й дивизии говорили о том, что многие батальоны уничтожены полностью. В уцелевших ротах осталось по 10-12 человек.

В Берлине пытались оправдать эти тяжёлые потери материальными выгодами:

«Германия значительно улучшила своё экономическое положение, главным образом, за счёт Кавказа. Мы получаем теперь с Кавказа 30 процентов нефти».

Это заявление было обыкновенным пропагандистским трюком доктора Геббельса. Откуда Германия могла получить такое количество нефти? До Грозного и Баку враг не дошёл. Нефтяные промыслы Майкопа и Малгобека были разрушены. Прибывшие вслед за войсками немецкие специалисты по добыче нефти сообщили в Берлин, что потребуется ещё много времени, прежде чем удастся наладить добычу нефти. Нет, дела у гитлеровцев на Кавказе шли хуже и хуже. Ставка Гитлера вынуждена была сообщить о заминке на Тереке

«У Терека советские войска пытаются остановить продвижение немецкой армии в направлении Грозного. Река Терек в районе боевых действий имеет 500 метров ширины и 2 метра глубины. Быстрота течения этой реки и заболоченные берега делают её весьма серьёзным препятствием, для преодоления которого требуется некоторый промежуток времени».

Дело, конечно, не только в Тереке. Гитлеровским войскам удавалось преодолевать препятствия и посложнее. Причина их неудач объяснялась значительно возросшим сопротивлением наших войск, которые опирались на хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону. Советские воины перестали бояться немецких танков.

В результате всех мероприятий наступление врага на малгобекском направлении было окончательно остановлено. Правда, 27 сентября враг захватил Эльхотово, но прорваться через

Эльхотовские ворота к Грозному не смог. Противник, стремившийся ударами своих сильных танковых групп захватить Грозный и Орджоникидзе, был вынужден отказаться от дальнейших атак. В период ожесточённых боев с 1 по 28 сентября советские войска нанесли врагу большие потери. Бросив в наступление крупные силы пехоты и до 300 танков, ярый сторонник танкового тарана генерал Клейст был уверен, что дивизии его 1-й танковой армии разнесут нашу оборону, сомнут и уничтожат наши войска и легко прорвутся к Грозному, но надежды гитлеровского командования не осуществились. В этих боях большую роль сыграла противотанковая артиллерия.

К концу сентября гитлеровское командование не имело необходимых резервов и не могло маневрировать своими силами, действовавшими на других участках советско-германского фронта. Благодаря стойкой обороне советских войск под Сталинградом гитлеровцы не перебросили оттуда часть сил для усиления кавказской группировки, как они это планировали раньше.

Оборонительная операция на моздокском направлении имела большое значение в обороне Кавказа. В этой операции наши войска нанесли поражение 1-й танковой армии и сорвали план гитлеровского командования по захвату Грозненского и Бакинского нефтяных районов. Кроме того, исход Малгобекской оборонительной операции оказал серьёзное влияние на боевые действия под Новороссийском. В самый напряжённый момент боевых действий на этом направлении противник был вынужден перебросить на моздокское направление дивизию СС «Викинг», ослабив тем самым 17-ю армию, действовавшую под Новороссийском. Почти одновременно с ожесточёнными боями Северной группы войск Закавказского фронта на моздокском направлении войсками Северо-Кавказского фронта проводилась Новороссийская оборонительная операция. Она началась 19 августа в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта и продолжалась до 26 сентября 1942 г.

Бои за Новороссийск

Войскам Новороссийского оборонительного района была поставлена задача не допустить прорыва противника к Новороссийску как с суши, так и с моря. Оборону с суши должна была осуществлять 47-я армия совместно с морской пехотой. Общее соотношение сил было в пользу противника. Днём и ночью шли ожесточённые бои. Советские войска мужественно и стойко отражали атаки врага.

Частям Новороссийского оборонительного района удалось приостановить дальнейшее продвижение превосходящих сил противника. Важную роль в упорной защите Новороссийска играла морская артиллерия и авиация. Морская авиационная группа Новороссийского оборонительного района под командованием генерал-майора П. П. Квадэ бомбардировала и

Штурмовик ИЛ-2

штурмовала скопления живой силы противника, его укрепления, огневые средства. Эта группа состояла из 112 самолётов типа Ил-2, МБР-2, УТ-16, И-16 и И-15, которые базировались на аэродромах Мысхако, Гайдук и Геленджик. Нашим морским лётчикам приходилось действовать в сложных горных условиях, преодолевая сильную противовоздушную оборону врага.

Защитники Таманского полуострова оказывали упорное сопротивление противнику, проявляя чудеса героизма, самоотверженности и отваги. На северном боевом участке береговая артиллерия вела тяжёлый бой с наседавшим врагом. Израсходовав боезапас, моряки взорвали орудия и отошли в район, намеченный для эвакуации. Стойко оборонялись морские пехотинцы восточного участка. Исчерпав все боевые возможности, они отошли в район озера Солёное, где был создан последний рубеж для прикрытия переброски морем защитников Таманского полуострова под Новороссийск. Руководство эвакуацией частей Керченской военно-морской базы было возложено на контр-адмирала С. Г. Горшкова. Морская часть штаба Новороссийского оборонительного района, организовавшая перевозки войск, использовала для этих целей сейнеры, торпедные и сторожевые катера, тральщики и сторожевой корабль. Последним покинул Таманский полуостров 305-й батальон морской пехоты, прикрывавший эвакуацию. Всего со 2 по 5 сентября в Новороссийск и Геленджик было вывезено 5516 человек с личным оружием и боеприпасами и 544 человека Анапского укреплённого сектора.

В районе Волчьих Ворот бился с врагом 2-й артиллерийский дивизион. Моряки-артиллеристы, отрезанные от своих частей, сражались до последнего снаряда, а затем, взорвав орудия, вместе с морской пехотой уничтожали врага на

Форсирование водной преграды. Таманский полуостров

Бои за Новороссийск

улицах города. В этих боях отличился личный состав батареи под командованием старшего лейтенанта В. И. Лаврентьева.

Особенно ожесточённые бои завязались за Верхне-Баканский, где оборонялась 103-я стрелковая бригада. Трое суток советские воины вели бои в окружении. Отвлекая на себя крупные силы врага, бойцы 103-й стрелковой бригады дали возможность остальным частям отойти на внутренний обвод, а сами, вырвавшись из окружения, заняли оборону в районе горы Долгая. В тот же день части 9-й немецкой пехотной дивизии прорвались к северной окраине Новороссийска. Завязались ожесточённые уличные бои. Дым пожарищ поднимался над портом и городом. Разрывы снарядов, треск пулемётов и автоматов сливались в сплошной гул, который катился от улицы к улице. Бои шли за каждый квартал, каждый дом. 7 сентября немецко-фашистские войска захватили железнодорожный вокзал, потом элеватор и порт.

С каждым днём наступление немецко-фашистских войск все замедлялось и замедлялось. Удары, которые наносились с неослабевающей силой, разбивались об упорство защитников города. Немецкие части, с трудом взявшие элеватор, наткнулись на корпуса цементного завода «Пролетарий». Бои развернулись здесь с новой силой. На каждой площадке вспыхивали рукопашные схватки, отдельные цехи по нескольку раз переходили из рук в руки. Потом жаркие стычки переместились в недостроенное до войны здание театра, которое находилось на пути от завода «Пролетарий» к заводу «Октябрь». Разрывы снарядов и мин кромсали серый бетон, на стенах то и дело возникали оспины от пуль. Здесь стояли насмерть 305-й, 14-й батальоны морской пехоты и подразделения 83-й морской стрелковой бригады. Они окончательно остановили врага, удержав завод «Октябрь».

Бои шли круглые сутки. Узкая всхолмлённая полоска земли, протянувшаяся между цементными заводами, с одной стороны ограничена морем, с другой — горами. Вот на этом участке вдоль приморского шоссе и шли уже которые сутки ожесточённейшие бои. На ветке железнодорожной линии, что протянулась у самого шоссе, стоял товарный вагон. В нем находился штаб 305-го батальона морской пехоты. Потом за этим вагоном укрывались от огня советские бойцы. Вагон был так изрешечён пулями, что на нем не осталось ни куска дерева. Уже пробиты были и металлические стойки, а вагон все стоял...

В наше время у шоссе, что петляет по побережью Чёрного моря, на юго-восточной окраине Новороссийска, есть священная реликвия Великой Отечественной войны. На высокий постамент, окружённый акациями, поднят обыкновенный железнодорожный вагон. Собственно, это уже не вагон, а лишь его железный остов, весь изрешечённый пулями, осколками... И ни куска дерева! На этом своеобразном памятнике надпись:

Крепче стали было упорство советских воинов. Многочисленные атаки немецко-фашистских захватчиков разбились о стойкость бойцов и командиров. Каких-нибудь несколько десятков метров оставалось врагу пройти до серой ограды цементного завода «Октябрь». Но день шёл за днём, а ему так и не удалось преодолеть их. В районе новороссийских цементных заводов немцы не смогли сделать дальше ни шагу. 360 дней держали здесь чудо-богатыри героическую оборону, поддержанные огнём кораблей флота. 360 дней — это почти год непрерывных, упорнейших боёв, сотни отражённых атак. Это множество ярких эпизодов, раскрывающих мужество советских бойцов и командиров, их боевое мастерство, инициативу и находчивость.

В летописи героических боев в районе цементных заводов есть один особенно волнующий эпизод, о котором в то время почти ежедневно передавало Информбюро. Командир роты старший лейтенант Джербинадзе, бойцы которого держали этот рубеж, передавал в полк:

«Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской Армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с Малой земли начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город».

«Сообщаю, что гарнизон сарайчика отбил ещё две атаки и прочно удерживает занимаемые позиции».

Это донесение из полка шло в штаб 318-й стрелковой дивизии, оборонявшей участок у цементных заводов, а оттуда в штаб 47-й армии. И все знали, что горстка советских бойцов, выдвинувшихся перед линией нашего фронта, стойко защищает свой рубеж, что фашисты вновь отброшены назад.

Что же это за легендарный гарнизон? На небольшой высоте, что расположилась прямо за оградой цементного завода «Октябрь», в полутора десятках метров от линии немецких окопов, стоял небольшой сарайчик, сложенный, как и многие хозяйственные постройки такого типа на юге, из дикого камня. Когда стабилизировался фронт и обе стороны стали вести, как говорилось в сводках, бои местного значения, стрелковый взвод, которым командовал младший лейтенант Турсунбеков, однажды ночью с ходу захватил этот сарайчик. На другой же день, когда немцы попытались отбить его, все убедились в преимуществах захваченного рубежа, находившегося всего в нескольких метрах от вражеских окопов, наверху довольно крутого склона. Первая атака на сарайчик была отбита. Советские бойцы немедленно предприняли меры для укрепления своей позиции. Потом на сарайчик — гарнизон Турсунбекова — десятки раз шли фашисты. Его забрасывали гранатами — сыпался кирпич, рушились стены. Но бойцы держались стойко. Можно было бы расстрелять в упор огневую точку из тяжёлых орудий. Но немцы не решались этого сделать, ведь линия их окопов проходила всего в нескольких десятках метров. А гарнизон сарайчика не давал врагу покоя ни днём ни ночью. Здесь был отлично слышен любой шум в немецких окопах — шаги часовых, речь, звяканье котелка. На шум летела граната. Но и немцы забрасывали сарайчик гранатами. Однако они чаще всего не достигали цели — им приходилось бросать вверх, да и стены постройки были довольно прочными. Этот легендарный дзот стал исходным пунктом для наших разведчиков, отправлявшихся по ночам в расположение вражеских окопов. Днём здесь охотились снайперы... Гарнизон сарайчика отбил за год в общей сложности 189 жесточайших атак. Не помогли фашистам и попытки уничтожить отважных защитников легендарного дзота артиллерийским огнём. Выстояв, бойцы взвода младшего лейтенанта Турсунбекова отсюда пошли на штурм в сентябре 1943 года...

Памятник на месте дзота "Сарайчик" у цемзавода "Октябрь"

На высоком холме, прямо у ограды цементного завода «Октябрь», на постаменте возвышаются две фигуры советского воина: стоящий солдат и сапёр с миноискателем, преклонивший колено над могилой павших героев. Надпись на постаменте напоминает, что именно здесь и находился легендарный сарайчик.

Новороссийская оборонительная операция, продолжавшаяся больше месяца, закончилась. С 27 сентября 1942 г, немецко-фашистские войска на новороссийском направлении перешли к обороне и больше не предпринимали попыток наступать здесь крупными силами. Не оправдались надежды командования группы армий «А», которое ещё в конце августа считало, что после прорыва нашей обороны под Новороссийском сопротивление советских войск будет сломлено. Получилось другое: после захвата большей части Новороссийска командование группы армий «А» получило «принципиальный приказ фюрера об оборонительном бое».

Говоря об итогах Новороссийской оборонительной операции, следует отметить, что в ожесточённых боях с превосходящими силами противника советские войска и части флота сорвали гитлеровский план прорыва в Закавказье через

Новороссийск. Удержав часть города в своих руках, они остановили здесь дальнейшее наступление врага.

На перевалах Главного Кавказского хребта

Одновременно с оборонительными боями на грозненском и новороссийском направлениях в середине августа начались ожесточённые бои 46-й армии Закавказского фронта на перевалах Главного Кавказского хребта.

Переход через высокогорные перевалы Большого Кавказа гитлеровское командование возложило на 49-й горнострелковый корпус, которым командовал генерал горных войск Конрад.

Но недостаток сил, вызванный разбросанностью Красной армии на большом фронте, и то, что некоторые наши командиры не придали должного значения подготовке перевалов к обороне, считая Главный Кавказский хребет непреодолимой преградой для противника, привели к тому, что к началу немецкого вторжения на Северный Кавказ перевалы к обороне подготовлены не были. На перевалы заблаговременно и в достаточном количестве не были завезены взрывчатые вещества и другие материалы для устройства заграждений. Направленные в первых числах августа сапёрные подразделения не смогли произвести в требуемом объёме заградительные работы и вынуждены были ограничиться лишь разрушением отдельных участков обходных троп и установкой на дорогах небольшого количества мин.

Генерал горных войск Рудольф Конрад

Таким образом, к моменту выхода немецких частей к Главному Кавказскому хребту не только северные склоны, но и многие перевалы оказались не занятыми нашими войсками, а занятые перевалы почти не имели оборонительных сооружений.

К середине августа части 1-й немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс», наступая по долине р. Теберда, подошли к Клухорскому перевалу.

На эльбрусском направлении бои начались в середине августа. Части 1-й немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс» к 18 августа вышли на южные склоны горы Эльбрус и захватили перевалы Хотю-Тау, Чипер-Азау и овладели туристскими базами «Кругозор» и «Приют одиннадцати». Гитлеровцы решили установить на вершине Эльбруса свой флаг.

Фашистскому флагу недолго пришлось развеваться на самой высокой горе Кавказа. Вскоре наши воины под командованием старшего политрука А. А. Тетова с боем прорвались на вершину Эльбруса и водрузили на ней советский флаг. Попытку противника спуститься в Баксанское ущелье к верховьям

Горнострелковая дивизия "Эдельвейс"

Перевал Чипер-Азау, 1942 г.

р. Ингури отразили подразделения 8-го моторизованного полка НКВД и 63-й кавалерийской дивизии. Бои здесь продолжались около месяца. За это время враг был отброшен к «Приюту одиннадцати» и перевалу Чипер-Азау и перешёл к обороне.

Несмотря на то, что действия авиации в условиях гор, частых дождей и туманов были крайне затруднены, советские лётчики оказали большую помощь наземным войскам в снабжении их боеприпасами, продовольствием, эвакуацией тяжелораненых. Здесь нашли широкое применение особенно самолёты легкомоторной авиации.

Партизаны Кабардино-Балкарии производили смелые налёты на вражеские гарнизоны. Оказавшийся в зоне ожесточённых сражений на Кавказе, противник не чувствовал себя в безопасности. Командование немецкой группы армий «А» вынуждено было сообщить своему верховному командованию: «Мы потеряли около 5000 солдат и офицеров, сотни машин. Нам придётся держать большие гарнизоны в каждом ущелье, бросать крупные силы для охраны дорог и троп... Борьбу за перевал можно будет развернуть в полную меру только после подавления партизанского движения…». Боевая деятельность партизан Северного Кавказа была важным фактором в общей борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, пытавшимися прорваться через Главный Кавказский хребет.

Так осенью 1942 г. наступление немецко-фашистских войск на перевалах Главного Кавказского хребта было остановлено и была создана устойчивая оборона хребта. Этим был сорван план гитлеровского командования по овладению Главным Кавказским хребтом.

Советские горные стрелки на Эльбрусе, 1943 г.

Посвящается моему дедушке, Микрух Василию Евлампьевичу (1912-1943 гг.), который в составе 100-й стрелковой дивизии участвовал в освобождении Харькова и Сумской области Украинской ССР от фашистских захватчиков, и пал смертью храбрых в деревне Лучка. Я люблю тебя, Дед! Твои внуки и правнуки гордятся тобой!

ХАРЬКОВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

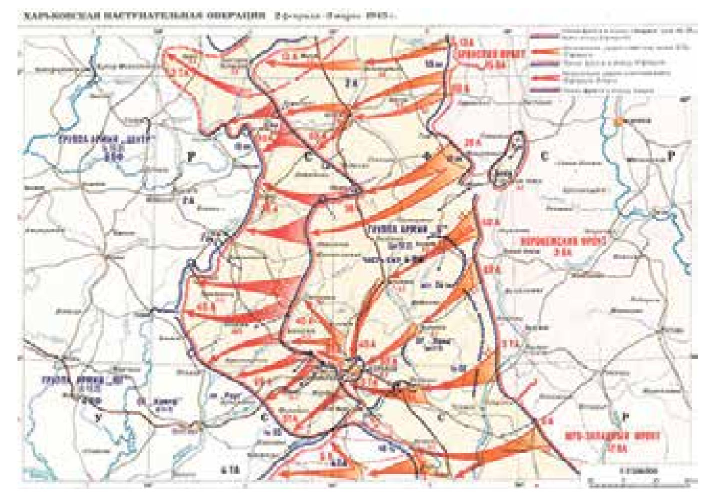
Валерий Абатуров, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории ВАГШ ВС РФ.

Материалы с интернет-портала Минестерства обороны России.[1]

Мощные удары советских войск, нанесённые в январе 1943 г. на острогожском и касторненском направлениях, привели по существу к разгрому немецкой группы армий «Б». Её, понёсшие большие потери соединения, были дезорганизованы и отброшены на рубеж рек Тим и Оскол. В результате в построении врага образовалась огромная брешь. Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандования планировала в самые короткие сроки овладеть Курском, Белгородом, Харьковом и Донбассом. Поэтому было принято решение продолжить наступление без оперативной паузы в боевых действиях, поскольку, как считали в Генеральном штабе, «любая потеря времени с нашей стороны даёт противнику возможность прочнее осесть на занимаемых рубежах».

21 января 1943 г. представитель Ставки ВГК маршал Советского Союза А.М. Василевский и командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков представили на рассмотрение Верховного Главнокомандующего план операции по освобождению районов Белгорода и Харькова. В соответствии с ним главный удар планировалось нанести 3-й танковой армией в направлении Валуйки, Ольховатка, Печенеги, Чугуев, Мерефа с задачей обойти Харьков с юго-запада и на пятый-шестой день овладеть городом. Находившиеся на правом крыле фронта 60, 38-я и 40-я армии должны были выйти на его северо-восточную окраину на девятый-десятый день только после освобождения Белгорода. В дальнейшем намечалось продолжить наступление в направлении Полтавы.

Продвижение на такую значительную глубину, которая составляла 200-250 км, требовало постоянного наращивания силы удара в ходе операции. Однако, действуя до этого на разобщённых направлениях, все армии Воронежского фронта,

Харьковская наступательная операция 2 февраля – 3 марта 1943 г.

составляя его первый эшелон, находились на одной линии. Это обстоятельство, а также отсутствие резервов не позволяло генерал-полковнику Ф.И. Голикову при необходимости влиять на изменения обстановки.

Операция должна была начаться не с прорыва вражеской обороны, как это происходило в январе, а непосредственно с этапа развития успеха, уже достигнутого войсками. Им предстояло преодолеть несколько промежуточных рубежей, состоявших в основном из отдельных узлов сопротивления. Как отмечалось в оперативных документах 3-й танковой армии, «***противник отдельными гарнизонами занимал населённые пункты и высоты по западному берегу р. Оскол, приспособив здания и сооружения для обороны. Кратковременность не дала возможности… полностью произвести инженерные работы, и к началу операции он имел в основном снежные окопы неполной профили, незначительное количество минированных участков, противотанковых и противопехотных препятствий***».

В полночь 23 января И.В. Сталин утвердил план операции, однако через три дня Ф.И. Голиков

[1] www.mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12162138@cmsArticle

Маршал Советского Союза
Александр Михайлович Василевский

Маршал Советского Союза
Филипп Иванович Голиков

получил дополнительную задачу: армиями правого крыла овладеть районом Курска. Тем самым усилия Воронежского фронта в предстоявшей операции распылялись на двух далеко отстоявших друг от друга направлениях. Однако, и в Ставке ВГК, и в Генеральном штабе полагали, что общая обстановка, в первую очередь, отсутствие у врага сплошных рубежей обороны, позволит успешно решить обе задачи.

Наряду с недооценкой способности немецких войск к сопротивлению, советским Верховным Главнокомандованием не в полной мере учитывались возможности Воронежского фронта. В конце января – начале февраля часть его сил, в том числе 4-й танковый корпус, все ещё была задействована для ликвидации окружённой в ходе Воронежско-Касторненской операции группировки противника. В связи с этим к началу наступления в составе 40-й армии (генерал-лейтенант К.С. Москаленко), для усиления которой предназначался 4-й танковый корпус, удалось создать лишь небольшой сводный отряд, в который вошли одна танковая бригада и три отдельных танковых полка.

Ещё в более сложном положении находилась 69-я армия, которая должна была развернуться на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса. Её командующим назначался генерал-лейтенант М.И. Казаков. Ему требовалось в течение всего нескольких дней вывести соединения и части в полосы предстоявшего наступления, создать группировку сил и средств, организовать управление и взаимодействие. Кроме того, в армии отсутствовали органы тылового обеспечения, и она базировалась на тыл фронта.

Соединения 3-й танковой армии генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко, усиленной 6-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-майора С.В. Соколова, достигли исходного рубежа для нового наступления значительно ослабленными: в 12-м и 15-м танковых корпусах имелось по 20 танков, в 179-й и 201-й отдельных танковых бригадах – 10 и 35 танков, соответственно. Тыловые коммуникации армии растянулись на 270 км. В частях и на складах имелось от 0,2 до 3 боекомплектов артиллерийских боеприпасов, от 1,4 до 5 заправок дизельного топлива, от 0,7 до 2,5 заправки автобензина. Но и их подвоз был затруднён из-за крайне ограниченного количества автомашин.

Перед центром и левым крылом Воронежского фронта немецкие войска, непосредственно прикрывавшие харьковское направление от Чернянки до Купянска, были объединены в армейскую

Маршал Советского Союза
Кирилл Семёнович Москаленко

Генерал-лейтенант
Михаил Ильич Казаков

группу «Ланц». В неё входили танковая дивизия «Великая Германия» (61 боевой танк, в том числе, 9 «тигров», 6 командирских и 28 огнемётных танков), а также остатки 298-й и 168-й пехотных дивизий. Южнее Купянска, в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта, отходила 320-я пехотная дивизия. В глубине, в районе Волчанска, сосредоточивались остатки разгромленного 24-го танкового корпуса, а итальянский альпийский корпус осуществлял отход в направлении Белгорода отдельными группами. Кроме того, командование противника начало переброску на угрожаемое направление 26-й пехотной дивизии из-под Орла и 4-й танковой дивизии из района Мценска. Но, главное, в район Харькова из Франции начали прибывать первые эшелоны 2-го танкового корпуса СС, в который входили дивизии «Рейх», «Адольф Гитлер» и «Мёртвая голова». Не ожидая полного сосредоточения в районах выгрузки, их подразделения сразу же направлялись на позиции.

Основная роль в операции отводилась 40-й армии. В её первом эшелоне были развёрнуты 309, 340, 305-я и 100-я стрелковые дивизии. Они имели задачу к исходу третьего дня овладеть рубежом на глубине 70 км. Второй эшелон составили 183-я стрелковая дивизия и сводный танковый отряд. Немецкие подразделения и части, приспособив к обороне населённые пункты, подрывая мосты и лёд на переправах, минируя и разрушая дороги, делали всё возможное, чтобы задержать продвижение советских войск. В определённой мере этому способствовала и погода: метели с большими снежными заносами, сильные морозы. К тому же ограниченное число дорог снижало манёвренные возможности наступавших и затрудняло их снабжение.

Наиболее успешно действовали соединения правого фланга армии. Здесь 309-я стрелковая дивизия, максимально используя санный транспорт, за четыре дня не только выполнила ближайшую задачу, но и продвинулась на 20 км западнее установленного ей рубежа. Уже 6 февраля она преодолела р. Северский Донец, овладела крупным населённым пунктом и станцией Гостищево, расположенной на железной дороге Курск – Харьков, в 18-20 км севернее Белгорода.

На направление наметившегося успеха командующий армией последовательно направил сводный танковый отряд и 183-ю стрелковую дивизию, а затем, по мере высвобождения, 107-ю и 25-ю гвардейскую стрелковые дивизии, артиллерийские части и, наконец, 4-й танковый корпус. В результате была создана сильная ударная

Командующий 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко беседует с танкистом, представленным к званию Героя Советского Союза. Зима 1943 год

группировка, в состав которой вошли пять стрелковых дивизий, все танки и значительная часть артиллерийских средств усиления. К 8 февраля её соединения и части, ведя наступление в высоких темпах, с трёх сторон охватили Белгород, завязали бои на окраинах и утром следующего дня освободили город. Вырваться из него удалось не более чем батальону пехоты с танками и обозом, но и они вскоре были уничтожены в районе железнодорожной станции Болховец.

Вместе с тем, на других направлениях в полосе Воронежского фронта наступление развивалось не столь результативно. Если в первые дни соединения 69-й армии сравнительно легко ликвидировали опорные пункты противника на западном берегу р. Оскол, то ближе к Харькову, на рубеже Мелехово, Шебекино, Белый Колодезь, Великий Бурлук, они встретили упорное и организованное сопротивление. Особенно тяжёлые бои развернулись в районах Белый Колодезь и Приколотное, на смежных флангах 69-й и 3-й танковой армий, куда прибыли части дивизии СС «Рейх». Используя заранее подготовленные, расчищенные от снега дороги, они умело маневрировали и предпринимали сильные контратаки. В течение 6-8 февраля армия практически не имела продвижения вперёд. Любые попытки вклиниться в промежутки между немецкими соединениями и перейти к их параллельному преследованию неизменно пресекались сильными ударами. Ликвидировать преимущество врага манёвренности командованию дивизий и армии было нечем.

Даже когда танковая дивизия СС «Рейх» под прикрытием арьергардов начала отход к Харькову, положение существенным образом не изменилось. Как сообщал генерал-лейтенант М.И. Казаков в штаб фронта: ***«Очень тяжело пехотой драться против танков противника, атакующего группами по 15-20 штук…. Имею большой недостаток в снарядах, нет танков и РС. Войска и я лично принимали и будем принимать все меры к выполнению задачи; беру из тылов все, что можно, и бросаю в бой…***».

В полосе 3-й танковой армии соединения её правого фланга в первый же день наступления отбросили передовые подразделения дивизии СС «Рейх» в район Великого Бурлука и продвинулись почти на 20 км. Однако, начиная с 5 февраля, обстановка осложнилась: развернувшийся в районе Белый Колодезь 2-й танково-гренадёрский полк дивизии СС «Рейх», контратаковал 48-ю гвардейскую стрелковую дивизию в направлении Ольховатка, Великий Бурлук. Генерал-лейтенант П.С. Рыбалко вынужден был срочно выдвинуть сюда резервы – 184-ю стрелковую дивизию, 179-ю отдельную танковую бригаду и 1245-й истребительный противотанковый артиллерийский полк.

Одновременно тяжёлые бои развернулись и в центре армейской полосы, в районе Печенег, где занимали оборону подразделения дивизии СС «Адольф Гитлер». Учитывая медленное продвижение соединений правого фланга и центра, командующий армией принял решение нарастить силу удара на левом фланге за счёт 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. Ему ставилась задача войти в сражение через полосу наступления 6-й армии Юго-Западного фронта и отрезать немецким войскам пути отхода из Харькова в юго-западном и западном направлениях.

В целом, к началу второй декады февраля наиболее выгодное оперативное положение для наступления на Харьков занимала 40-я армия, которая имела возможность обойти с город с северо-запада и запада. Тем самым создавалась угроза окружения всей харьковской группировки врага. Армии противостояли лишь части 168-й пехотной дивизии и танковой дивизии «Великая Германия». Они пытались организовать сопротивление в отдельных опорных пунктах и на узлах дорог.

Генерал-лейтенант К.С. Москаленко выделил на направление главного удара, который наносился в центре полосы, 25-ю гвардейскую, 340, 183, 305-ю стрелковые дивизии и 5-й гвардейский танковый корпус (преобразован из 4-го танкового корпуса) генерал-майора А.Г. Кравченко. Этот корпус, введённый в сражение 12 февраля 1943 г., позволил значительно нарастить общие темпы наступления. Уже через два дня 25-я гвардейская стрелковая дивизия, обходя Харьков с северо-запада, освободила крупный населённый пункт Ольшаны.

15 февраля с востока и юго-востока Харьков начали охватывать соединения 3-й танковой армии, но встретили здесь ожесточённое сопротивление противника. В течение дня части 15-го танкового корпуса, 48-й и 62-й гвардейских стрелковых дивизий, 179-й отдельной танковой бригады отразили пятнадцать его контратак. Не смог выполнить поставленную задачу и 6-й гвардейский кавалерийский корпус, действовавший при поддержке 201-й танковой бригады. В результате контрудара немецких танковых дивизий и последовавших за ним тяжёлых боев,

Советские войска на улицах освобожденного Харькова, февраль 1943 года

продолжавшихся несколько дней, ему так и не удалось обойти Харьков с юго-запада и запада.

Тем не менее, охватив город с трёх сторон, войска Воронежского фронта 15 февраля после мощного огневого налёта артиллерии начали штурм укреплений на его окраинах. Спустя сутки генерал-полковник Ф.И. Голиков в боевом донесении Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину сообщал:

«Войска 40-й армии главными силами во взаимодействии с частями 69-й и 3-й танковой армий вели уличные бои в западной и северо-западной части г. Харьков и, достигнув центра города, продолжали очищать его от мелких групп противника. Части 25-й гвардейской, 305, 340, 183, 100-й стрелковых дивизий и 5-го гвардейского Сталинградского танкового корпуса в первой половине дня овладели западной и северной частью города…

Войска 69-й армии, преодолевая упорное огневое сопротивление на подступах к г. Харьков, в первой половине дня вели уличные бои в восточной части города и овладели ею…

Войска 3-й танковой армии… в первой половине дня, ворвавшись в юго-восточную часть города, полностью овладели ею. Оставив 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию гарнизоном в г. Харьков, части армии выдвигались на рубеж Песочин, Коротич, Берёзовое, Южный…».

Вместе с тем, полностью уничтожить харьковскую группировку врага Воронежскому фронту не удалось. Это произошло в значительной мере потому, что 6-й гвардейский кавалерийский корпус не смог овладеть Мерефой, войти в соприкосновение с частями 40-й армии западнее Харькова и завершить окружение армейской группы «Ланц». Её соединения воспользовались единственным оставшимся у них коридором и осуществили отход в направлении Краснограда.

Ещё во время боёв на ближних подступах к Харькову командующий войсками фронта поставил подчинённым новые задачи: 60-й армии развивать наступление на Рыльск, 38-й – на Сумы, 40-й – на Ахтырку, 69-й и 3-й танковой – на Полтаву. Они вытекали из стремления Ставки Верховного Главнокомандования ещё до наступления весенней распутицы выйти к Днепру и захватить на его противоположном берегу ряд плацдармов. Однако планы Ставки, равно как и замыслы командования Воронежского фронта, не учитывали конкретной обстановки.

Во-первых, совершенно не бралось во внимание состояние своих войск. Из-за отставания тылов они испытывали острый недостаток в людях, технике, боеприпасах, горючем, продовольствии, обмундировании. Так, в некоторых стрелковых дивизиях 69-й армии оставалось всего по 1-1,5 тыс. человек, по два десятка орудий, по полсотни миномётов. Фактически при такой численности они не имели боеспособных подразделений. Растяжка путей снабжения 3-й танковой армии стала составлять 420 км. Понёсшие большие потери автомобильные батальоны были не в состоянии обеспечить подвоз предметов снабжения на такое расстояние.

Во-вторых, недооценивалось усиление группировки противника. Дело в том, что во второй половине февраля немецкое командование перебросило на угрожаемое для него направление дополнительные силы и средства – четыре пехотные и две танковые дивизии в район южнее Орла, а также по одной пехотной дивизии в районы Льгова и Полтавы.

В сложившихся условиях командующие армиями поставили перед Военным советом Воронежского фронта вопрос о предоставлении их объединениям хотя бы кратковременного отдыха. Однако генерал-полковник Ф.И. Голиков отклонил эти просьбы. ***«До выхода за р. Коломак на рубеже Константиновка, Артёмовка предоставлять войскам днёвку не разрешаю»***, – указал он штабу 3-й танковой армии. Аналогичным был ответ командующего войсками фронта и командующему 69-й армией. ***«Остановки не будет» – сообщил он по телефону генерал-лейтенанту М.И. Казакову.***

Выполняя приказ, войска фронта практически без паузы продолжили наступление. В первой половине 17 февраля соединения 40-й армии освободили Грайворон и Богодухов, а 23 февраля овладели городами Лебедин и Ахтырка, продвинувшись к тому времени на 130-140 км от Харькова. После этого генерал-лейтенант К.С. Москаленко в течение двух дней получил боевые распоряжения о развитии наступления по двум расходящимся направлениям: Сумы, Суджа и Опошня, Полтава. Тем самым армия была поставлена в крайне трудное положение. Она располагала только шестью ослабленными в предыдущих боях стрелковыми дивизиями и одним танковым корпусом. Успешно вести наступление такими силами в полосе, ширина которой достигла 200 км, и решать при этом несколько

задач, по существу, было невозможно. К тому же проблема подтягивания тылов и пополнения запасов продовольствия, фуража, боеприпасов и горючего к тому времени ещё больше обострилась. Армейские тылы базировались на железнодорожную станцию Валуйки, от которой её первый эшелон оторвался уже более чем на 300 км.

К 1 марта главные силы армии вышли на рубеж Сумы, Межиричи, Лебедин, Опошня, форсировали р. Псел на участке от Сум до Лебедина и овладели плацдармом глубиной 15-25 км. К тому времени сопротивление врага резко усилилось. Если до сих пор он только отходил под прикрытием арьергардов, то в последних числах февраля начал контратаковать на отдельных участках, сначала силами рота – батальон с танками, а затем и с привлечением до полка пехоты. К тому же под угрозой оказались фланги, которые из-за недостатка сил, средств и отсутствия резервов были практически ничем не обеспечены. В таких условиях дальнейшее продвижение армии становилось не только бесперспективным, но и опасным. С разрешения генерал-полковника Ф.И. Голикова она перешла к обороне на достигнутом рубеже.

В первые дни после овладения Харьковом наступление 69-й армии развивалось успешно. Противник оказывал лишь слабое сопротивление. В ночь на 23 февраля соединения армии форсировали р. Ворскла в 40 км севернее Полтавы и захватили плацдарм на западном берегу этой реки. Но, в связи с изменением обстановки в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта, генерал-лейтенанту М.И. Казакову было приказано изменить направление удара с Полтавы на Карловку. Однако наступление на новом направлении развития не получило. Наспех пополненные стрелковые части вели боевые действия без танков, при нехватке боеприпасов. С 25 февраля продвижение 69-й армии окончательно остановилось на рубеже Рублёвка, Чутово, Староверовка.

3-я танковая армия, выйдя в свою полосу, медленно продвигалась на запад, производя в то же время перегруппировку для планировавшегося наступления на Полтаву. Однако уже 24 февраля решением Ставки ВГК из её состава была выделена «Южная группа», в которую вошли 6-й гвардейский кавалерийский корпус, 184, 219, 350-я стрелковые дивизии и 201-я отдельная танковая бригада. Она получила приказ овладеть районом Кегичевки, где создалась угроза выхода немецких войск в тыл Воронежского фронта. Но эта задача по ряду причин, прежде всего, в связи с резким ухудшением обстановки в полосе соседнего Юго-Западного фронта, так и осталась невыполненной.

В результате Харьковской наступательной операции советские войска продвинулись на 100-200 км, освободили Белгород и Харьков, другие важные в оперативном и экономическом отношении районы. Однако впоследствии закрепить достигнутый успех не удалось. Это стало следствием переоценки Ставкой Верховного Главнокомандования возможностей фронтов юго-западного направления, а также неверной оценки обстановки в отношении характера действий и планов врага.

Освобождение Харькова, февраль 1943 года

БИТВА ЗА ДОНБАСС

Статья написана по материалам книги командира 301-й стрелковой Сталинской ордена Суворова 2-й-степени дивизии Владимира Семёновича Антонова "К последнему рубежу"

Советские танкисты. Фото для газеты во время Донбасской операции

В 1943 году Красная Армия одну за другой одерживала победы, изумившие весь мир. Эти победы радовали всех друзей советского народа, а в стан врага внесли ужас и смятение. После разгрома крупных стратегических группировок противника в битвах под Сталинградом и за Кавказ советские войска нанесли вермахту новое крупное поражение – на этот раз в битве под Курском. Они прочно закрепили за собой стратегическую инициативу, поставив немецко фашистскую армию перед лицом катастрофы. Используя достигнутые успехи, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о переходе советских войск к общему наступлению на огромном фронте с целью разгрома вражеских групп армий «Центр» и «Юг», освобождения Левобережной Украины и выхода на Днепр.

В решении этих задач важная роль отводилась и Южному фронту. Таким образом, в ближайшее время в Донбассе должны были произойти важные события.

301 я стрелковая дивизия формировалась из бригад, прошедших через горнило оборонительных и наступательных боев на Северном Кавказе и Кубани. В соединении насчитывалось до 12 тысяч солдат и офицеров. Личный состав был укомплектован бывшими матросами и кавалеристами, прославившими себя в боях под Моздоком и Орджоникидзе, и новым пополнением кубанских казаков. Двести девушек и две тысячи мужчин, в основном из станиц Славянской и Анастасиевской, встали под боевые знамёна частей. Организационную основу дивизии составили 1050, 1052, 1054 й стрелковые 823 й артиллерийский полки и 337 й отдельный истребительно противотанковый дивизион.

В ходе формирования дивизии мы в течение двух месяцев поочерёдно выводили полки с занимаемых позиций в тыл, где провели учения, отрабатывая задачи по прорыву сильно укреплённой обороны и по высадке морского

Владимир Семёнович Антонов — генерал-майор, командир 301-й стрелковой Сталинской ордена Суворова 2-й-степени дивизии, Герой Советского Союза

десанта. Войска готовились к штурму гитлеровского «таманского плацдарма» и к форсированию Керченского пролива. Однако решать эти задачи нам не пришлось. В ночь на 20 августа я получил приказ немедленно сдать боевой участок дивизии и погрузить личный состав и технику в железнодорожные эшелоны на станциях Славянская и Анастасиевская. И вот уже стучат на стыках стальных рельсов колеса, эшелоны мчатся на север.

В захватнических планах фашистского руководства видное место занимал советский Донбасс – этот «Восточный Рур», как он именовался в документах третьего рейха. Захватив эту территорию, гитлеровцы теперь намеревались прочно и надёжно удерживать её за собой, учитывая стратегическую значимость, значительные людские ресурсы и большие природные богатства. Именно поэтому, как отмечал бывший командующий группой армий «Юг» генерал фельдмаршал Манштейн, Донбасс играл существенную роль в оперативных планах Гитлера.

Гитлеровское командование, выполняя требование любой ценой удержать Донбасс, заблаговременно подготовило по правому берегу реки Миус сильный рубеж обороны под названием «Миус фронт». Здесь по рекам были созданы три оборонительные полосы.

Войска Южного фронта готовились нанести главный удар силами 5 й ударной, 2 й гвардейской и 28 й армий с целью прорыва обороны противника на участке Дмитриевка, Ясиновская.

5 я ударная армия генерал лейтенанта В. Д. Цветаева, в состав которой вошла дивизия, основные усилия сосредоточивала на своём левом фланге в готовности к наступлению в направлении Калиновка, Артёмовка. Ей предстояло прорвать вражескую оборону на фронте в 13,5 километров севернее Куйбышево и, уничтожив засевшего там противника, выйти на рубеж Степановка, Амвросиевка, Кутейниково, в дальнейшем развивая наступление в обход города Сталино[1] с юга.

В соответствии с принятым решением, в ночь на 27 августа, 4 й кубанский кавалерийский и 4 й гвардейский механизированный корпуса начали наступление и, преодолевая сопротивление противника, успешно продвигались в южном направлении к Таганрогу.

Летним зноем и пылью встретила нас донецкая степь и опалённые курганы кряжа. Дни стояли жаркие, безветренные, душные. Лишь ночь приносила некоторое облегчение. По полевым дорогам и бездорожью, окутанные густыми облаками пыли, шли полки к фронту, к Саур Могиле, где обстановка, как нам стало известно, в это время была очень напряжённой. Миновали каменные перевалы у Дьяково и достигли населённого пункта Куйбышево на реке Миус. Гарь, дым, пороховой смрад висели над израненной землёй, над руинами полуразрушенного прифронтового города.

Утром 31 августа командир корпуса генерал майор И. П. Рослый провёл с командирами дивизий рекогносцировку. С высоты, на которой мы стояли, был хороший обзор. Восточнее, над высотой Саур Могила стоял, как во время извержения вулкана, чёрный столб дыма и пыли. Там шёл бой.

От Саур Могилы по реке Миус до города Красный Луч и севернее противник ещё удерживал свои позиции.

Решение И. П. Рослого состояло в том, чтобы ударом в направлении Дебальцево прорвать оборону противника и к исходу 1 сентября главными

[1] Нынешний Донецк — переименован в 1961 г. (прим. ред.)

Август 43-го, Донбасс. Пехота продвигается вперёд под прикрытием танков

силами выйти на рубеж Чистяково (Торез), Ольховник, а потом совместно с 31 м стрелковым корпусом 5 й ударной армии и соединениями 51 й армии окружить и уничтожить противника, противостоящего северному крылу Южного фронта. Нашей дивизии было приказано овладеть рубежом Алексеево Орловка, Сердитое и не допустить контратак противника во фланг и тыл корпуса.

В 5 часов утра 1 сентября 99, 320 и 230 я стрелковые дивизии нашего корпуса перешли в атаку. С командного пункта дивизии на горе Синяя хорошо просматривалось всё поле боя.

В ходе стремительного наступления силы первого эшелона корпуса прорвали оборону противника на высотах с пологими скатами и уверенно продвигались в северном направлении на Чистяково (Торез).

В 13 часов был получен приказ генерала И. П. Рослого о вводе в бой нашей дивизии. Подаю условный сигнал, и 12 тысячная лавина двинулась вперёд по лощинам и балкам могучим перекатом батальонных и ротных колонн, выходя на участок севернее Благодатного. Из ротных колонн короткими гусеницами разошлись взводные колонны. Я подал команду на открытие огня артиллерии. Вот уже взводные колонны развернулись в цепь. Одновременно, поднимая тучи пыли, устремились вперёд танки и, развернувшись в боевую линию, вошли в атакующие цепи стрелковых полков.

Прогремело могучее «Ура!». Это первые эшелоны ворвались в траншеи противника. Около часа там продолжалась огневая и рукопашная схватка. Не выдержали фашисты натиска стрелковых и танковых батальонов, дрогнули и начали отступать. По докладам командиров полка и путём личного наблюдения за ходом боя я убедился, что оборона противника севернее Благодатного прорвана.

Как волны, катились цепи стрелковых и танковых рот одна за другой по опалённым холмистым полям, тесня врага.

Накал боя возрастал. В небе кружили «юнкерсы». Впереди появились черные цепочки вражеской пехоты, танки и самоходные орудия. Я вошёл в связь с командирами полков. Командир 1052 го подполковник А.П. Епанешников доложил, что противник оказывает упорное сопротивление в посёлке Шишково, поэтому он ввёл в бой второй эшелон. В заключение доклада он попросил сделать огневой налёт артиллерией по посёлку. Я ответил ему, что бой полка вижу, с решением на ввод второго эшелона согласен и что через 15 минут будет дан всеми миномётными полками залп по Шишково.

В этот момент на высоту, где разместился мой передовой командный пункт, спикировала группа фашистских бомбардировщиков. Один за другим последовали сильные взрывы, задрожала земля. Когда бомбёжка закончилась, мы стали подниматься из траншей и окопов, осматривая друг друга. Ничего, все оказались целыми, только были оглушены и осыпаны землёй.

Три часа на этом рубеже продолжался ожесточённый бой. Четыре раза противник предпринимал контратаки крупными силами пехоты и танков, но стрелки батальонов капитана Ивана Голосного и майора Василия Тушева совместно с танкистами держались стойко, нанося врагу большой урон. Оставив на поле боя сотни трупов и несколько танков, фашисты вынуждены были отступить. Преследуя их, 301 я дивизия освободила Шишково, а также посёлки Ревети, Кривоченко, рудник «Обушек», совхоз «Парижская Коммуна».

К исходу дня полки подошли к рубежу железной дороги и поселков Катык и Сердитое. Здесь проходила отсечная позиция гитлеровцев.

Вечером сплошная облачность низко нависла над землёй, пошёл дождь. О помощи со стороны авиации нечего было и думать. Грязь затруднила продвижение танков, артиллерии и миномётов. Но время не терпело, этот рубеж необходимо было преодолеть ещё до наступления темноты. Решил возобновить атаку. Первая наша попытка продвинуться вперёд была отбита гитлеровцами,

Красноармейцы в донецкой степи на фоне подбитого танка врага

готовим следующую. Офицеры штаба и политотдела направились в боевые порядки стрелковых полков, чтобы на месте оказать воинам помощь. Проводится огневой налёт артиллерии, пехота и танки вновь идут в атаку. Майор Тушев и капитан Голосной в боевой цепи лично ведут в атаку свои батальоны, и вот цепи стрелковых рот и танкисты уже врываются в траншеи противника и посёлок Катык. Темнело, когда 1052 й стрелковый уже полностью овладел посёлком Катык, шахтами №№ 14, 31; 1050 й полк занял посёлок Алексеево Орловку; а 1054 й – железнодорожную станцию и посёлок Сердитое.

Когда мы въехали в Катык, на улицах догорали брошенные немцами машины и повозки, дымились сожжённые дома. Жители шахтёрского посёлка – дети и взрослые – выходили из подвалов и землянок, с радостью бежали нам навстречу. Нам были понятны их чувства, но во избежание ненужных жертв им всем следовало оставаться в укрытиях: совсем близко продолжался бой.

На командном пункте батальона майора В.Н. Тушева находился и командир 1052 го стрелкового полка подполковник А.П. Епанешников. Этот широкоплечий, почти двухметрового роста, с веснушками на носу и на розовых щёках великан всегда казался мне чудо богатырём из какой то детской сказки. Сейчас у него было осунувшееся, строгое лицо. Тяжёлый бой утомил даже этого силача. Я обнял офицера и поздравил его с первой победой на донецкой земле. Подошёл с докладом командир первого стрелкового батальона.

– Откуда родом, майор? – спросил я.

– Саратовский, – ответил он.

– Слушайте, комдив! – воскликнул начальник политотдела. – Ведь вы же на донецкой земле своего земляка встретили!

Мы молча улыбнулись друг другу. Что то тёплое разлилось в груди. Я пожал руку майору Тушеву, поблагодарил за отличные действия подразделения и пожелал ему новых успехов.

– С командного пункта дивизии все офицеры хорошо видели геройскую атаку вашей правофланговой роты. Кто там командир?

– Это третья стрелковая… – ответил заместитель командира полка по политической части майор Иван Яковлевич Гужов. – Командир её — коммунист, старший лейтенант Андрей Васильевич Ростопшин. Эту роту уже назвали «ротой бесстрашных». Вот и боевой листок готов. Скоро о ней будет знать весь полк. – После небольшой паузы он указал рукой в сторону трёх горящих танков: – А вот посмотрите, как отличились комсомольцы. Эти машины подбил огневой взвод полковой артиллерийской батареи Паши Харченко, лейтенанта, донецкого комсомольца. А вот там, взгляните, десятки сражённых фашистов. Это работа пулемётчика Сагадата Нурмагомбетова, тоже комсомольца. Танк, который стоит перед нами, на тридцать метров к себе подпустил старший сержант Дементьев и расстрелял его в упор из противотанкового ружья. Он коммунист, как и стрелок Моголашвили, который во время атаки посёлка Катык на перекрёстке улиц с тыла атаковал и уничтожил вражеский пулемётный расчёт…

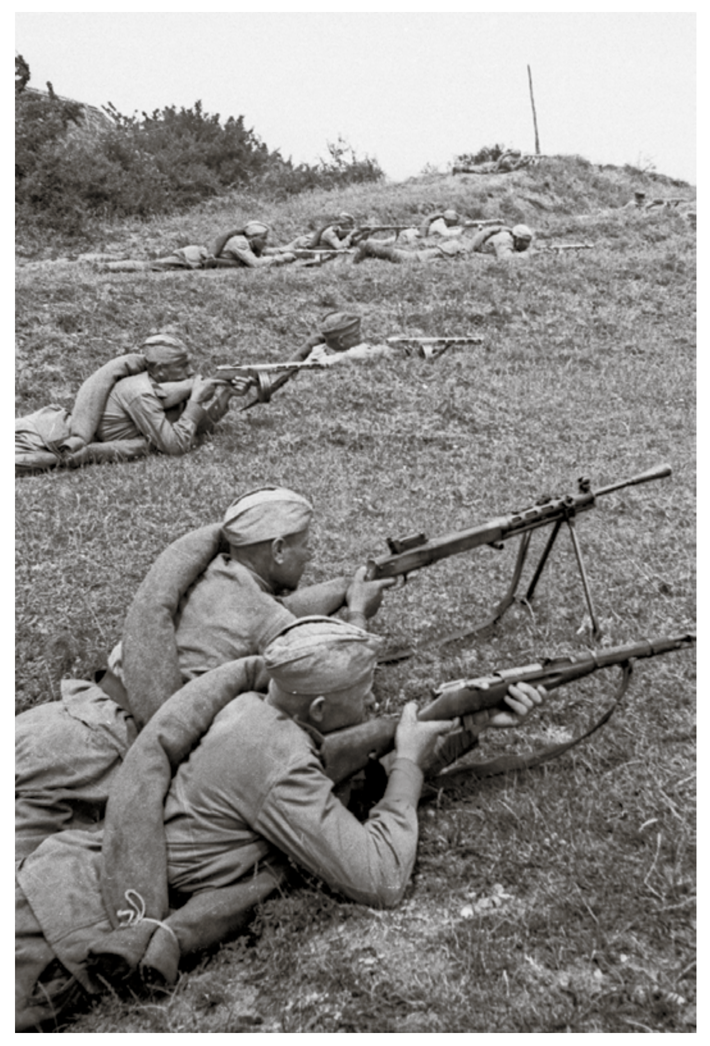
Это был не доклад, а радостный и взволнованный рассказ замполита о бесстрашии и героизме солдат и офицеров своего полка.

Привели пленных. Переводчик доложил, кивнув в их сторону:

– Удивляются, откуда, мол, появилась у русских такая сила. Они считали свою оборону несокрушимой.

…Раннее утро. Вновь в памяти встают яркие картины вчерашнего боя. Настойчиво сверлит мозг вопрос: правильно ли я как командир дивизии действую в бою? Нет, не забыты чёткие положения, изученные в академии по оценке обстановки, выработке и принятию решения, по отдаче приказа, распоряжений и организации взаимодействия. Это стройная теоретическая схема, научно обоснованная. А здесь реальный бой, объективность. Значит, необходимо готовую схему связать с конкретным противником, с вот этой местностью.

…До нас долетел со стороны противника нарастающий гул, и на горизонте обозначились силуэты «юнкерсов». Вскоре показалась первая волна гитлеровской пехоты, поддержанная танками. Танков много. Как хорошо, что ещё ночью мы вывели пушечные и отдельный истребительный противотанковый дивизионы в боевые порядки стрелковых батальонов. Черные фигурки гитлеровцев и танки приблизились к боевым порядкам 1052 го стрелкового полка. Начался ожесточённый бой.

Стрелки Красной Армии

Высокого накала достиг бой на участке 1050 го стрелкового полка. И здесь артиллеристы и пулемётчики дрались как герои. Первая батарея старшего лейтенанта А. С. Ожеренкова точными выстрелами сжигала атакующие танки. Под ураганным огнём воинов пулемётной роты третьего стрелкового батальона старшего лейтенанта А. И. Запорожца падали на землю или обращались в бегство гитлеровские пехотинцы.

Особенно сильный удар пришёлся по третьему стрелковому батальону майора Л.Я. Мотовичева. Здесь противнику удалось вклиниться в позицию седьмой стрелковой роты. Завязалась рукопашная схватка. Фашисты были отброшены. Огромную выдержку и мастерство проявили бойцы отделения старшего сержанта Николая Кошелева. Они не пропустили танки через свою позицию, уничтожили 50 фашистов и подбили гранатами два танка. В этом бою пал смертью храбрых капитан Валентин Иванович Огрязкин, лично возглавивший контратаку своей роты.

Тяжелейший бой с самого утра вёл и 1054 й стрелковый полк. Около тридцати фашистских

Немецкий бомбардировщик Юнкерс Ю-87

самолётов отбомбились по его боевым порядкам, а также по железнодорожной станции и посёлку Сердитое. По видимому, здесь, вдоль железной и шоссейной дорог, гитлеровцы решили нанести главный удар.

При отражении контратак 2 сентября в полной мере проявили свои возможности батальонные миномётчики. Рота старшего лейтенанта С.Ф. Терещенко первого стрелкового батальона уничтожила несколько десятков гитлеровцев. Умело и храбро действовали стрелки. Например, отделение сержанта Петра Мячникова уничтожило до полусотни гитлеровцев и подбило три танка. Большой урон врагу нанёс пулемётный взвод первого батальона под руководством лейтенанта Г.М. Гусейнова. Но, пожалуй, наиболее впечатляющий подвиг совершил в этот день командир орудия противотанкового дивизиона сержант Александр Собко. Этот воин, чёрный от грязи и пороховой копоти, в разорванной гимнастёрке, из под которой виднелась морская тельняшка, стал грозой для танков противника, которые шли на его огневую позицию.

– Видели мы таких под Орджоникидзе! – рассуждал он вслух и, оборачиваясь к боевым друзьям своего расчёта, спросил: – Братишки, горели они там?

– Горели, – дружно ответил расчёт.

– Огонь! – скомандовал Александр.

Выстрел, чёрный столб дыма и огня поднялся над вражеской машиной.

– Горит! – радостно закричали батарейцы.

– Огонь!

И ещё одна стальная громадина, объятая черным дымом, остановилась. Пять фашистских танков уничтожили в этом бою сержант Собко и его боевые друзья. А расчёт сержанта Ивана Шкокова подбил три танка.

«Огневой крепостью» прозвали солдаты истребительный противотанковый дивизион, укомплектованный курсантами Севастопольского и Бакинского военно морских училищ, которым командовал майор М.А. Престинский. Героизму артиллеристов был целиком посвящён специальный выпуск дивизионной газеты.

Четыре раза в течение дня шла в атаку крупными массами вражеская пехота, поддержанная танками. Черными тучами появились в небе «юнкерсы» и обрушивали тонны смертоносного груза на позиции дивизии. Но не дрогнули наши воины. Их стойкость оказалась крепче брони фашистских танков.

В ночь на 4 сентября полки нашей дивизии готовились к прорыву. Командный пункт разместили у террикона в двух километрах восточнее посёлка Нижняя Крынка. Посёлок лежит по ту сторону речки, на высотах, круто сбегая рядами домов к берегу. Он был важным опорным пунктом в системе обороны противника. Всю ночь при строгой маскировке, соблюдая тишину, воины готовились к атаке с форсированием водной преграды.

Было ещё совсем темно, когда второй стрелковый батальон 1050 го полка под командованием капитана Фёдора Максимовича Ревина, героя боев под Орджоникидзе и на Кубани, вплавь и вброд скрытно от гитлеровцев преодолел заболоченную пойму реки. С рассветом роты дружно атаковали фашистов в посёлке Нижняя Крынка.

Смело и бесстрашно вёл в атаку свою пятую роту лейтенант В.А. Смирнов. Она первой ворвалась на улицы посёлка. В жарком рукопашном бою Василий Алексеевич лично уничтожил 15 фашистов, но в ходе атаки пал смертью храбрых.

Пять часов длился бой. При поддержке артиллерии, проводившей сильные огневые налёты по противнику, стрелковые цепи полков брали траншею за траншеей севернее и южнее посёлка. Несмотря на отчаянное сопротивление, гитлеровцы были разгромлены и отошли на вторую позицию.

Контратака превосходящих сил противника пришлась на 1050 й стрелковый. В этом бою полностью проявились отличные боевые качества командира полка майора Фёдора Исаевича Мицула. При отражении контратаки фашистов он, увидев, что те собрали советских детей и женщин и гонят их впереди идущей лавиной пехоты, приказал не открывать огня без его сигнала. Бойцы подпустили гитлеровцев вплотную,

Фёдор Максимович Ревин

Фёдор Исаевич Мицул

бросились врукопашную, смяли и рассеяли врага. Обречённые на смерть, сотни советских людей были спасены.

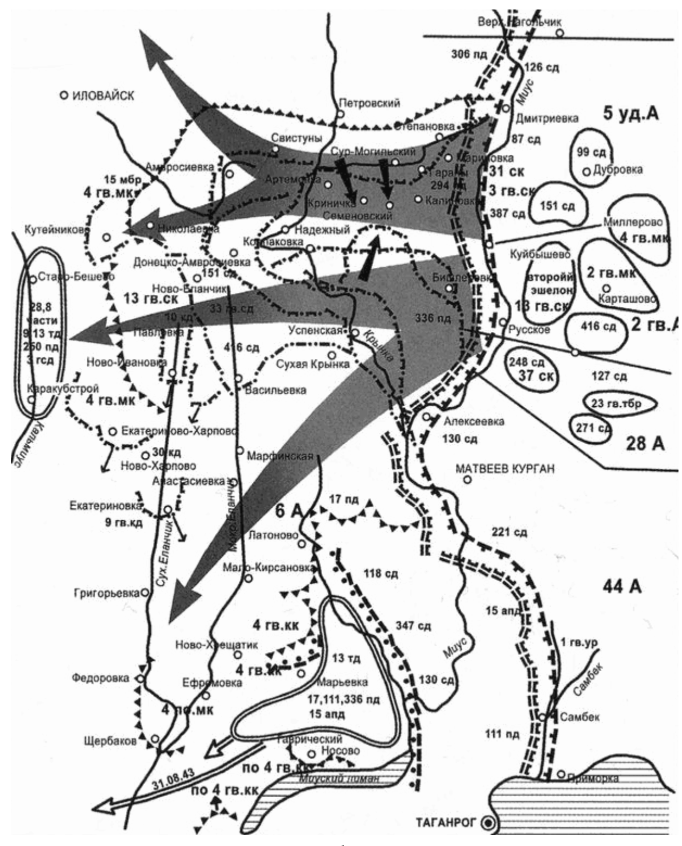
Гитлеровцы продолжали контратаку. На участке взвода лейтенанта К. Аванесова немцы несколько раз поднимались в атаку, но каждый раз несли большие потери и снова прижимались к земле. Командир, получив ранение, не оставил своих боевых друзей и продолжал сражаться. Когда гитлеровцы все же ворвались в расположение взвода, он поднял людей врукопашную и лично уничтожил более десяти вражеских солдат. Наседая на рядового Р. Аджапова, гитлеровцы кричали: «Рус, сдавайся!» Но боец в ответ уничтожил семерых и взял в плен троих фашистских солдат.

Отразив все контратаки, дивизия продолжила наступление. И на других участках не выдержала натиска наших войск вторая линия хвалёного гитлеровского «Миус фронта». 34, 40 гвардейские и 320 я стрелковые дивизии нашего и соседнего 31 го корпусов освободили Енакиево. Южнее нас соединения 3 го гвардейского стрелкового корпуса овладели Иловайском. Успешно действовала на правом фланге фронта и 51 я армия, вызволив из под фашистского ига крупные населённые пункты: Дебальцево, Горловку и Никитовку. Мы продолжали продвигаться в направлении Макеевки. До неё оставались считанные километры, и я решил сильным передовым отрядом пробиться сквозь оборону противника и ворваться в город.

«*...* ***Вечером 4 сентября багрово красное солнце медленно уползало за горизонт, подступали сумерки. Гул артиллерийской канонады потрясал воздух. Наши машины, выйдя на возвышенность, остановились. Впереди раскинулся промышленный центр – Макеевка. Старший лейтенант Стоян (командир 1 й танковой роты) созвал всех командиров и отдал короткий приказ. Перед нами ставилась задача немедленно ворваться в город... Танкам придавались артиллерия и пехота. Мы не хотели распылять свои силы и решили действовать одной группой*»**. Так записал неизвестный солдат летописец о начале боевых действий передового отряда дивизии.

...Один за другим по высотам и балкам раскинулись шахтёрские посёлки восточнее Макеевки. Немецко фашистское командование сосредоточило здесь крупные силы из свежих резервных частей, решив задержать наше наступление

Карта Миус-фронта, 1943 г.

войск на этом рубеже населённых пунктов, превращённых в опорные пункты. На рассвете 5 сентября оно бросило в бой до полка пехоты с танками. Дивизии пришлось остановиться, чтобы с места отразить атаку противника. Но наш передовой отряд прорвался через вражеские цепи и вышел к противотанковому рву на подступах к Макеевке. Здесь разведчики и автоматчики спешились с танков и под прикрытием артиллерийского огня ворвались на восточную окраину города.

В журнале боевых действий дивизии записано: ***«На рассвете 5 сентября… центр города горел, огромные чёрные клубы дыма медленно поднимались в небо. После боя с танками противника за несколько секунд автоматчики уже разместились на броне наших машин… и мы в стремительном броске подошли к окраине города… Задержать… наступление стрелковых полков гитлеровским захватчикам не удалось. Части дивизии в ночном бою разгромили немцев в опорных пунктах, утром отразили контратаку и к 10 часам освободили шахтёрские посёлки Кирово, Ханженково, Калиновое, Орехово, Марьевку».***[2]

Рота автоматчиков капитана Абдусалина Джумбаева пробилась вплотную к восточной окраине Макеевки. Взвод лейтенанта Андроника Сафарова выбил гитлеровцев из трёх домов. Старший сержант Михаил Исаков со своим отделением разведывательного взвода ворвался в крайние дома, уничтожил до 50 гитлеровцев; он был ранен, но не ушёл с поля боя и продолжал передавать ценные сведения о противнике.

К Макеевке дивизия подходила широким фронтом. Мой передовой командный пункт передвигался в боевых порядках 1050 го стрелкового полка.

Перед нами лежал опоясанный немецкими траншеями и противотанковым рвом изуродованный город. Каждый, кто в это утро видел дым пожарищ, взорванные трубы заводов и фабрик города шахтёров и металлургов, закипал священной ненавистью к фашистам, давал себе клятву отомстить захватчикам за их злодеяния.

В частях и подразделениях шла подготовка к штурму. По боевой цепи передавались короткие, как приказ, слова: «Вернём Родине Макеевку!», «Смерть немецким захватчикам!».

В 13 часов подаю сигнал, и полки двинулись вперёд. Напряжённо работают артиллеристы. Танкисты с места, от противотанкового рва, огнём своих орудий поддерживают атаку. В 1050 м стрелковом дружно подняли своих бойцов офицеры коммунисты, прославившиеся в боях на Северном Кавказе, под Орджоникидзе, в районе Майрамадаг и на Кубани: командиры первого и второго стрелковых батальонов А.Ф. Чугунов и Ф.М. Ревин и командир стрелковой роты старший лейтенант И.С. Сванидзе третьего стрелкового батальона.

Прогремело могучее «Ура!», и волны стрелковых рот накатились на вражескую линию траншей на восточной окраине Макеевки.

В город ворвались первая стрелковая рота старшего лейтенанта Ф.А. Оверченко и шестая – лейтенанта А.И. Бочарова. Закипел жаркий уличный бой, специфичный во многих отношениях, когда борьба ведётся за дом, за квартал или за улицу, и даже за комнату в доме. Вот из ближайшего переулка на взвод лейтенанта Н.Л. Шварца налетела группа фашистов. Перестрелка, короткая рукопашная схватка, и враг уничтожен. Но в этом бою пал смертью храбрых и лейтенант Николай Шварц.

Пришёл вызов от партизанского отряда:

«Я «Макеевка». Мы из подпольной партизанской группы. Находимся в центре города. Гитле-

[2] ЦАМО, ф. 301 сд, оп. 484195, д. 1, л. 1–10.

Донбасс, оккупированный немецко-фашистскими захватчиками. 1941-1943 гг.

ровцы взрывают и уничтожают дома, хватают оставшихся в городе людей, сгоняют к станции, сажают в вагоны для отправки в Германию. На площади, в центре города до тридцати танков. Ускорьте наступление! Дайте арт-огонь!»

«Ястребки» прошлись над городом, и мы услышали сообщение пилотов о скоплении танков в его центре. Да, медлить было нельзя.

Открыла огонь дивизионная артиллерийская группа. Появились над городом наши штурмовики.

В наушниках раздался взволнованный голос «Макеевки»: «Прекрасно! Прекрасно! Снаряды и бомбы ложатся по немецким колоннам. Немцы мечутся как угорелые».

– «Макеевка!» Я – Антонов, продолжайте сообщать о передвижении противника как можно точнее. За ценные сведения благодарю!

К 19 часам полки вышли на западную окраину Макеевки. Когда мы перемещали свой передовой командный пункт, жители сплошной лавиной бежали навстречу нам из города в овраг с небольшой речушкой… Тут же позвонил Епанешников и тревожным голосом доложил, что гитлеровцы перешли в контратаку. Такая же весть из других полков. Так вот почему жители с ужасом бежали из родного города! Они не хотели снова попасть в лапы фашистов. Эта картина бегущих женщин и детей глубоко взволновала всех нас.

…В ночь на 6 сентября и передовые отряды 96, 54 и 50 й гвардейских стрелковых дивизий обошли укрепления противника и к рассвету вышли в район юго западнее Макеевки…

Передвигаясь на рассвете 6 сентября с офицерами передового командного пункта на западную окраину Макеевки — к терриконам шахты «София», мы видели развалины металлургического завода имени С.М. Кирова, с болью в сердце смотрели на дымящиеся руины. Гитлеровцы взорвали и сожгли на заводе четыре доменные печи, машинный цех со всем энергетическим хозяйством, шесть подстанций, два мартеновских и другие цехи, школу, три здания детских яслей, гостиницу, театр… Точно так же «похозяйничали» они на Старомакеевском коксохимическом заводе: сожгли на костре 35 тысяч книг центральной библиотеки имени А.М. Горького, разрушили осветительную сеть, водопровод, трамвайный парк.

Тяжёлым был этот бой за освобождение Макеевки. Тем более велика заслуга всего личного состава дивизии. Полковнику Н.Т. Петренко и танкистам первого танкового батальона

Красноармейцы вступают в столицу региона – город Сталино (Донецк)

командование дивизии объявило благодарность. За участие в освобождении Макеевки 140 я танковая бригада по представлению Военного совета 5 й ударной армии была позднее преобразована в гвардейскую.

Многострадальному шахтёрскому городу, только что освобождённому от фашистов, предстояли новые испытания. 6 сентября над боевыми порядками 301 й дивизии и других соединений, вошедших в город, нависли бомбардировщики противника. И снова грянул бой! Образовался Макеевский рубеж обороны, на который 6 сентября севернее города вышла 230 я стрелковая дивизия 9 го корпуса, а на юго западной окраине Макеевки и южнее города вступили в бой 50 я и 54 я гвардейские стрелковые дивизии 3 го гвардейского стрелкового корпуса. Воины нашей дивизии грудью прикрыли освобождённый город от удара озлобленного поражением врага.

Для дивизии бой стал тяжелейшим из всех предыдущих на Донецкой земле. Только в первый день войны на границе западнее Каунаса и под городом Белый в октябре 1941 года я видел так же много гитлеровских танков на узком участке. Тогда они нередко прорывались через наши боевые порядки. Теперь мы этого уже не допускали.

Пять раз в течение дня предпринимали немцы атаки крупными силами пехоты и танков при поддержке авиации. И всякий раз безуспешно. Воины дивизии с честью справились и с этой боевой задачей: фашистские танки в Макеевку не прошли. Среди 16 уничтоженных танков мы насчитали 6 «тигров».

Успешно были отражены массированные атаки гитлеровцев и на участке соседней 50 й гвардейской стрелковой дивизии. Как позже выяснилось из показаний пленных и захваченных документов, гитлеровское командование бросило в бой остатки 306 й пехотной, 3 й горнострелковой дивизий и дополнительно 302 ю пехотную дивизию, срочно снятую с другого участка фронта.

В тяжёлом бою 301 я стрелковая дивизия совместно с правым соседом 230 й стрелковой дивизией 9 го Краснознамённого стрелкового корпуса и левым соседом 50 й и 54 й гвардейскими стрелковыми дивизиями 3 го гвардейского стрелкового корпуса отбили сильные контратаки гитлеровцев на макеевском рубеже и удержали освобождённую Макеевку.

5 я ударная армия развивала наступление в направлении Сталино. 301 я стрелковая дивизия

получила задачу атаковать город с северо-востока.

Шахтёрская столица вставала перед нами вечером 6 сентября заревом пожарищ и тучами дыма. Там ещё орудовали команды гитлеровских минёров и факельщиков, разрушая и сжигая здания. Пылали общежития студенческого городка и учебные корпуса индустриального, медицинского и педагогического институтов. Горел Дом Советов. Чувствовали фашисты, им не удержаться в Сталино, как до этого в Макеевке, и торопились уничтожить в городе всё.

В результате ночной атаки дивизия не только нанесла противнику значительные потери, но и обеспечила условия для броска непосредственно в город. К 10 часам утра полки заняли исходное положение на рубеже речки Кальмиус.

В прозрачном бирюзовом небе все выше поднималось солнце, согревая уставших бойцов. Многие из них, едва остановившись, падали от усталости, как говорится, валились с ног. Приказ Верховного Главнокомандующего, приказ Родины гласил: «Неустанно и упорно преследовать врага, не давать ему закрепляться на оборонительных рубежах, не давать ему отдыха ни днём ни ночью».

Наступательный порыв заставлял советских воинов превозмогать усталость и сметать оборонительные заслоны врага. Велико было чувство долга перед жителями Донбасса, ждавшими своего вызволения из фашистской неволи. В стрелковых ротах и батальонах, по оврагам и балкам, в исходном положении для наступления прошли короткие митинги, на которых солдаты и офицеры с гневом клеймили фашистских палачей и клялись быстрее освободить шахтёрскую столицу. «Здесь, в Донбассе, – заявил боец второго батальона 1052 го полка И. Соломахин, – мы собственными глазами увидели звериный почерк захватчиков и ещё раз убедились, что фашистов можно образумить только пулей. На моем счету 14 убитых «фрицев». Клянусь эту цифру удвоить». Командир взвода роты автоматчиков лейтенант Андроник Сафаров заявил: «Мы первые ворвались в Макеевку. Сделаем все возможное, чтобы первыми войти в город Сталино».

В 14 часов 7 сентября командиры полков доложили о готовности к атаке. Началась артиллерийская подготовка. Танки пошли в боевые порядки пехоты. Штурмовики повисли над городом. Красные ракеты прочертили небо. Атака!

Три часа шёл упорный бой на окраине Сталино. 301 я стрелковая с боем брала дом за домом, квартал за кварталом. Бойцы гранатой, автоматной очередью, штыком и прикладом в шестичасовом кровавом бою разгромили фашистов в городе. Здесь плечом к плечу сражались сыны нашей многонациональной Родины. Например, в отделении сержанта Ивана Любивого были русские, украинцы, армяне, грузин, татарин. И так во всей дивизии. Единой боевой семьёй они шли в бой с кличем «За Родину!».

С чувством огромной радости встречали своих освободителей жители Сталино. Все вышли из подвалов на улицы. И когда мы вечером проезжали по улице «1 я линия» в центре города на новый командный пункт, то видели на уцелевших жилых домах, административных зданиях массу Красных флагов, укреплённых жителями и бойцами нашей дивизии.

Наш первый батальон, как записано в журнале его боевых действий, получил задачу вместе с танкистами совершить марш в глубокий тыл врага. Тёмная южная ночь повисла над полями истерзанной Украины. Зарево пожаров освещало ночное небо. Гитлеровцы жгли деревни, хлеб, ещё не убранный с полей. На северо запад быстро продвигался наш отряд. На рассвете 8 сентября танкисты и пехотинцы с боем овладели аэродромом города Сталино и пошли на Старо Михайловку.

В журнале боевых действий корпуса было записано:

«… в 19.15 7.9.43 – 1052 сп 301 сд овладел северо восточной окраиной города; в 19.00 – 1050 и 1054 сп овладели восточной и юго восточной окраинами города и приступили к очищению городских кварталов. Город горел…

В 23.00 7 сентября 1943 года в результате напряжённых боев город Сталино – сердце Донбасса – был освобождён полностью, навсегда».[3]

Утром 8 сентября Александр Семёнович Кошкин и офицеры политотдела провели митинг в освобождённом Сталино в районе бывшего Дома культуры им. В.И. Ленина, превращённого фашистами в тюрьму. Рабочие заводов города рассказали, что фашистские изверги подорвали и сожгли в Сталино металлургический завод, заводы металлоконструкций и «Кокс», разрушили трамвайный парк, электрохозяйство города, 200 школ, Дворец пионеров, зимний и летний театры, Музей революции, картинную галерею

[3] ЦАМО, ф. 445, оп. 685968, д. 1, л. 136–140.

и все лучшие здания города. На высоте, где размещалась центральная поликлиника, фашисты устроили концлагерь и согнали в него тысячи советских граждан. В нескольких километрах от Сталино в ствол Калиновской шахты 4 бис гитлеровцы сбросили тысячи трупов замученных ими патриотов. При виде разрушенного города и содеянных фашистами злодеяний над его жителями сердца солдат и офицеров нашей дивизии наполнялись яростной ненавистью к врагам.

…С рассветом 8 сентября сапёры пошли готовить командный пункт дивизии на высоте неподалёку от центральной поликлиники. Вскоре начальник штаба доложил, что сделать это невозможно. Мы пошли на высоту и увидели там чудовищные результаты злодеяний фашистов. Тысячи измождённых людей лежали и полулежали за проволочными заграждениями. Они ослабевшими руками и вымученными улыбками приветствовали нас. Это была страшная картина. Я приказал все медсанроты полков и медсанбат дивизии включить в работу по оказанию помощи несчастным.

В полдень подполковник Н.П. Мурзин доложил, что со стороны Рутченково противник предпринял контратаку силою до полка пехоты с 25 танками. Враг явно целился в левый фланг дивизии. Я приказал артиллерийской группе поставить заградительный огонь перед фронтом 1054 го полка и послал в распоряжение командира свой резерв – две батареи 507 го истребительного противотанкового артиллерийского полка.

Основной удар фашистов пришёлся по первому батальону 1054 го стрелкового. Командир подразделения капитан И.Т. Шиблев и парторг лейтенант П. М. Костриков организовали оборону, о которую разбилась контратака врага. Не давая гитлеровцам опомниться, воины 1054 го полка, взаимодействуя с соседом слева, разгромили немецкий гарнизон в посёлке Рутченково. Два других полка освободили посёлок Красный и посёлок № 4.

Этим закончилась борьба за шахтёрскую столицу. 8 сентября вся наша Родина, и мы в том числе, слушала торжественные слова приказа Верховного Главнокомандующего.

В ознаменование одержанной победы многим дивизиям, участвовавшим в освобождении Донбасса, были присвоены почётные наименования. Наша 301 я стрелковая стала именоваться Сталинской.

9 сентября дивизия, развивая наступление, вышла на рубеж шахтёрских поселков Трудовской, Петровка. Противник спешно создал здесь оборону и оказал упорное сопротивление, часто переходя в контратаки. Когда фашисты были разгромлены и мы перенесли командный пункт дивизии в район рудника Трудовской, там никакого посёлка не оказалось. На карте он был обозначен, а на местности – одни руины. Гитлеровские изверги и здесь оставили свои кровавые следы.

В ночь на 10 сентября наш передовой отряд во взаимодействии с частями 320 й стрелковой дивизии освободил село Марьинку, а утром – село Александровку.

В процессе наступления в Донбассе сотни шахтёров добровольно становились под боевые знамёна наших полков и шли в бой за освобождение родной земли от фашистского рабства.

Развивая наступление, войска Южного фронта завершили освобождение Донбасса. 15 сентября в шахтёрской столице состоялся большой митинг города, воинов 9 го Краснознамённого стрелкового корпуса и 50 й гвардейской стрелковой дивизии 3 го гвардейского стрелкового корпуса, организованный политотделом корпуса. На нем присутствовали члены Военного совета Южного фронта.

Донбасская операция явилась одним из важных событий общего наступления советских войск на юге Украины. Войсками Южного и Юго Западного фронтов летом и осенью 1943 года был сокрушён «Миус фронт» – сильный рубеж фашистской стратегической обороны – и освобождён Донбасс.

Если завтра война

*Если завтра война, если враг нападёт
Если тёмная сила нагрянет –
Как один человек, весь наш русский народ
За свободную Родину встанет.*

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война, если завтра в поход, –
Будь сегодня к походу готов!*

*Если завтра война – всколыхнётся страна
От Кронштадта до Владивостока,
Всколыхнётся страна, велика и сильна,
И врага разобьём мы жестоко!*

*Полетит самолёт, застрочит пулемёт,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдёт,
И помчатся лихие тачанки.*

*Мы войны не хотим, но себя защитим –
Оборону крепим мы недаром.
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!*

*Подымайся народ, собирайся в поход,
Барабаны сильней барабаньте!
Музыканты, вперёд! Запевалы, вперёд!
Нашу песню победную гряньте!*

Василий Лебедев-Кумач

Весна сорок пятого года

*Земля повернулась навстречу весне,
Хорошая нынче погода.
Такою порой вспоминается мне
Весна сорок пятого года.*

*Проходят года, но не меркнет вдали
И горе, и подвиг народа.
Мы трудной дорогой к победе пришли
Весной сорок пятого года.*

*А если ты молод и позже рождён,
Прими эстафетою с хода
Победным салютом и первым дождём
Весну сорок пятого года.*

*Страшна для врагов и светла для друзей
Рабочая наша порода.
Есть в каждой победе твоей и моей
Весна сорок пятого года.*

*Да будет ракетою ввысь взметена,
В прозрачную высь небосвода
Для всех поколений, на все времена
Весна сорок пятого года!*

Евгений Долматовский

Неизвестный солдат

*Неизвестный солдат – он всегда известный
Там, где столько лет назад рос в избушке тесной.
И его, как дитя, помнит мать в избушке,
Помнят ходики, грустя, все его веснушки…*

*Неизвестный солдат, он всегда с родными,
Там, где столько лет подряд шепчут его имя.
Но погибший герой даже для невесты
И для матери порой в чём-то неизвестный.*

*Пусть нам женщины платками машут,
Но пусть знают, хоть о том не говорят, –
Каждый самый известный маршал
В чём-то тоже неизвестный солдат.*

*Неизвестный солдат глубоко-глубоко,
Но глаза его глядят ночью в наши окна.
Что-то хочет узнать, что-то его гложет,
Что-то хочет он сказать, но сказать не может.*

*Неизвестный солдат – это все солдаты,
Что в земле сырой хранят свои тайны свято.
Заслонил всем собой всю Россию каждый.
Кто единожды герой, значит, в тайне – дважды.*

Евгений Евтушенко

Никто не забыт

*Закончен великий победный парад,
Притихло житейское море.
Но нас окликают и в душу глядят
Прошедшего века герои.*

*Только звёзды побед над страною погасли,
Погибают бойцы не от ран – от обид,
И, наверное, мы уверяли напрасно,
Что ничто не забыто и никто не забыт.*

*Года всё короче и дни сочтены,
И бедность у нас безответна…
Одна только жизнь у героев войны,
Одна только память бессмертна.*

*Только память вернёт честь и совесть Отчизны
И слеза упадёт на холодный гранит
И напомнит, кому мы обязаны жизнью,
И напомнит о тех, кто сегодня забыт.*

*И снова солдатский гремит эшелон
На стыках святой киноплёнки.
И снова мальчишки уходят на фронт
И плачут седые девчонки…*

*На последний рубеж вышел «тридцать четвёртый»,
Выцветают, увы, кадры прошлой войны,
Только память жива, только память не стёрта
И народной печали берега не видны.*

*Время правды придёт и всё честно расскажет,
И страна равнодушье и лень победит.
Может, только тогда наши внуки докажут,
Что ничто не забыто и никто не забыт.
Может, только тогда наши внуки докажут,
Что никто не забыт…*

Николай Добронравов

ТАНКИ ИДУТ НА БЕРЛИН

Алексей Иванович Радзиевский — генерал-полковник, профессор

Танки Т-34 во время Великой Отечественной войны

Советское Верховное Главнокомандование, готовя завершающие удары по гитлеровской Германии, сосредоточило на берлинском направлении крупные массы войск и боевой техники. К началу 1945 г. здесь в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов находились 16 общевойсковых, две воздушные армии, а также четыре танковые армии из шести, имевшихся тогда в Вооружённых Силах СССР.[1]

Ставка планировала силами указанных фронтов прорвать оборону немецко-фашистских войск на Висле и развивать наступление на берлинском направлении. Танковые армии были главным средством стремительного развития наступления на большую глубину. Им предстояло совершить бросок в 600-700 км на запад и совместно с главными силами фронтов создать предпосылки для окончательного разгрома врага.

Наша 2-я гвардейская танковая армия входила в состав 1-го Белорусского фронта, которому в завершающей кампании 1945 г. отводилась значительная роль. Здесь нужно заметить, что мы, генералы и офицеры армейского звена, тогда не знали планов Ставки. Они стали известными после войны. Однако уже в то время мы чувствовали, что стоим на пороге важнейших событий, связанных с окончательным разгромом фашистской Германии.

В середине ноября 1944 г. в командование войсками фронта вступил заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, под руководством которого началась тщательная подготовка операции.

Заблаговременно, начиная со второй половины ноября 1944 г., велась она и в соединениях нашей армии; шла напряженная учёба, основное внимание в которой уделялось взаимодействию родов войск. Командиры 9-го и 12-го гвардейских танковых корпусов генерал-майоры танковых войск Н.Д. Веденеев и Н.М. Теляков и командир 1-го механизированного корпуса. генерал-лейтенант танковых войск С.М. Кривошеин организовали показательные тактические учения по совместным действиям танковых, мотострелковых частей с артиллерией, инженерными войсками

[1] "Танки идут на Берлин". Радзиевский А. И. // 9 Мая 1945 года. — М.: Наука, 1970.

Алексей Иванович Радзиевский – советский военачальник, генерал армии. Герой Советского Союза. Кандидат военных наук. Профессор.

Георгий Константинович Жуков – советский полководец и государственный деятель. Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза

и авиацией. После этих учений в соединениях армии начались упорные тренировки командиров, штабов, частей и подразделений к предстоящим сражениям.

Командиры 6-го штурмового авиационного корпуса генерал-майор авиации Б.К. Токарев и 3-го истребительного авиационного корпуса генерал-лейтенант авиации Е.Я. Савицкий со своими штабами приложили много усилий к обучению слаженным действиям авиации с танковыми частями и подразделениями. В результате такой кропотливой совместной работы между лётчиками и танкистами было достигнуто большое взаимопонимание. Многие авиационные и танковые командиры, которым предстояло совместно решать задачи, узнавали в эфире друг друга по голосу, что позже очень пригодилось.

Одновременно с войсками готовились командиры и штабы. В целях достижения чёткого взаимодействия танковых армий с общевойсковыми соединениями и авиацией маршал Г.К. Жуков провёл ряд занятий с командующими армиями, а начальник штаба фронта генерал-полковник М.С. Малинин – с начальниками армейских штабов, оперативных отделов и родов войск. При этом весьма основательно рассматривались различные варианты боевых действий в предстоявшем наступлении.

Мы извлекли большую пользу из этих занятий и затем проводили их у себя в армии, в корпусах и бригадах. В заключение были проведены командно-штабные учения на местности со средствами связи и войсковые учения с боевой стрельбой.

Тщательная подготовка предопределила успех операции.

Перед январским наступлением 1945 г. во 2-й гвардейской танковой армии было 670 танков и 187 самоходно-артиллерийских установок. Такое количество грозных боевых машин, большинство которых только что сошло с конвейеров уральских и горьковских заводов, наша армия имела впервые. Немаловажное значение приобретал и тот факт, что основную массу нашей техники составляли быстроходные «тридцатьчетвёрки», как любовно называли мы лучший танк второй мировой войны – «Т-34».

Главную же силу армии составляли люди, которые своим воинским мастерством, мужеством, героизмом покрыли неувядаемой славой наши боевые знамёна. И это не образное выражение, а подлинная реальность. Помню построение 21 ноября 1944 г., посвящённое преобразованию армии в гвардейскую. На знамёнах большинства частей и соединений было по два-три ордена.

Борис Кузьмич Токарев – генерал-майор авиации, советский военный лётчик и военачальник

Евгений Яковлевич Савицкий – командир 3-го истребительного авиационного корпуса, генерал-майор авиации

А когда зачитывался приказ Верховного Главнокомандующего, перечислялись Уманские корпуса, Севские и Вапнярские бригады, Люблинские и Демблинские полки, Днестровские и Прутские батальоны.

Высокие награды, почётные наименования отмечали пройденный ратный путь. В строю стояли солдаты, сержанты, офицеры, которые остановили врага на огненной Курской дуге, взломали оборону противника и стремительно преследовали немецко-фашистские войска на Украине и в Молдавии, в Белоруссии и Польше. Они очистили от оккупантов свою Родину и сейчас, принимая знамя с изображением великого Ленина, клялись завершить разгром фашизма.

«Мы накануне решающих боев, — говорил, например, старший лейтенант Вокерин. — В этих боях мы с честью понесём вперёд гвардейское знамя. Клянёмся: уничтожим врага в его берлоге, дойдём до Берлина!»

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось, как известно, 14 января 1945 г. Этот день мы с командующим 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковником танковых войск С. И. Богдановым встречали на командном пункте, находившемся вблизи пункта управления 5-й ударной армии. Её стрелковые дивизии имели задачу прорвать вражескую оборону и форсировать реку Пилицу. После этого должны были вступить в сражение корпуса первого эшелона нашей танковой армии, располагавшейся пока в районах, удалённых на 25-30 км от рубежа ввода в сражение.

Стрелковые соединения наступали успешно. Уже к исходу первого дня операции они продвинулись до 12 км и форсировали Пилицу, овладев небольшим плацдармом. При этом был захвачен исправный мост, который можно было использовать для переправы танков. А на следующий день стрелковые соединения расширили плацдарм и создали условия для сосредоточения на нем танковых войск. Мы радовались успеху 5-й ударной армии. Несмотря на ожесточённое сопротивление противника, все шло точно по плану. Огорчала только погода. Низкая облачность, густой туман, падающие хлопья мокрого снега мешали наблюдению. Дальше сотни метров ничего не было видно. Плохая видимость затрудняла ведение артиллерийского огня и практически исключала действия авиации. Это не могло не беспокоить нас, так как мы, естественно, не хотели из-за плохой погоды лишиться мощной поддержки штурмовиков и истребителей, выделенных на усиление танковой армии.

В ночь на 16 января части 9-го и 12-го гвардейских танковых корпусов переправились на плацдарм. К утру они стояли здесь стройными рядами. Морозный воздух содрогался от гула двигателей сотен боевых машин, готовых к стремительному броску на врага. Танкисты ждали сигнала.

Своевременный выход на рубеж ввода в сражение был результатом большого и напряженного труда, следствием чёткого взаимодействия всех звеньев сложного армейского организма. Дело это не простое, оно требовало высокой организованности и обычно доставляло нам много хлопот.

Представьте себе поле, изрытое рвами, траншеями, воронками от бомб и снарядов, опутанное рядами колючей проволоки, осыпанное минами. Соединения танковой армии прошли свыше 20 км такого пути. При этом сотни танков и орудий были переправлены через реку Пилица шириной около 200 м. Не следует забывать, что впереди действовала 5-я ударная армия и нужно было не мешать её соединениям, особенно артиллерии, вести боевые действия по прорыву обороны противника.

Ещё сейчас, четверть века спустя, восхищаешься мужеством и скромностью великих тружеников войны — минёров, сапёров, понтонёров. Прокладывая путь войскам, они разминировали проходы в минных полях, расчистили дороги, навели мосты. Все это делалось быстро и добротно.

Выдвижение происходило организованно, хотя при этом мы обгоняли общевойсковую армию, которая в полосе 10-15 км имела свыше 100 тыс. человек, более 2,5 тыс. орудий и миномётов, тысячи автомашин, лошадей, повозок. И надо сказать, что успешным выходом на рубеж ввода в сражение танкисты в немалой степени были обязаны чёткой организованности войск 5-й ударной армии.

В связи с этим отмечу, что, просматривая при подготовке данной статьи архивные документы, я прочитал следующее распоряжение штаба 5-й ударной армии от 13 января 1945 г.:

«1. Все войсковые, дивизионные и корпусные обозы, транспорт и прочие тылы до прохода 2 гв. ТА оставить на месте... 2. Вся артиллерия, перемещаясь на новые огневые позиции, должна двигаться вне дорог, освобождая их для 2 гв. ТА. 3. Танкам НПП двигаться только вне дорог. 4. Всем инжвойскам, назначенным для обеспечения движения 2 гв. ТА, решительно и быстро разминировать дороги сразу же за боевыми порядками пехоты. На маршрутах организовать жёсткую службу регулирования, не допуская движения

Бойцы 1-го Белорусского фронта форсируют реку Одер

обозов, транспорта и прочего, которые могли бы тормозить проход 2 гв. ТА».[2]

Танкистам и раньше приходилось слышать о подобных распоряжениях, но нередко их выполнение организовывалось недостаточно умело. Случалось, скопления войск на дорогах задерживали выдвижение танковых соединений, а ликвидация «пробок» отнимала много сил и драгоценного времени.

Теперь же все шло хорошо, и в этом немалая заслуга командующего 5-й ударной армией генерал-лейтенанта Н.Э. Берзарина, начальника штаба армии генерал-майора А.М. Кущева, командиров корпусов и дивизий, которые обеспечили беспрепятственное движение танковых колонн. В организованном выдвижении танковых соединений также сказалось возросшее мастерство вождения войск, насыщенных разнообразной боевой техникой.

16 января в 8 часов, в строгом соответствии с планом, генерал С.И. Богданов отдал приказ начать ввод в сражение. По радиосетям и телефонным линиям понёсся переложенный на язык шифров и кодов сигнал: «Вперёд!» Могучая сила приказа двинула танковую армию в прорыв.

Обогнав стрелковые дивизии, 9-й и 12-й гвардейские танковые корпуса окончательно сломили сопротивление противника, и он начал поспешное отступление. В первый же день преследования немецко-фашистских войск 2-я гвардейская танковая армия совершила стремительный бросок и вышла в тыл противнику, который оборонялся в районе Варшавы.

Этот успех был высоко оценён командованием фронта. В полученной нами радиограмме, подписанной маршалом Г.К. Жуковым и членом Военного совета генерал-лейтенантом К. Ф. Телегиным, отмечались героические действия войск танковой армии, воины которой в течение 16 января с боями прошли более 70 км, а передовые танковые бригады-90 км. Всему личному составу армии объявлялась благодарность, наиболее отличившихся бойцов и офицеров приказывалось представить к награждению.

Отличившихся было много. Прежде всего, это были 47-я и 49-я гвардейские танковые бригады, которые действовали в качестве передовых отрядов танковых корпусов. Переправившись через Пилицу по захваченному у противника мосту, передовые отряды ещё во второй половине дня 15 января устремились в прорыв. Дерзкими

Генерал-лейтенант Николай Эрастович Берзарин

ночными действиями бригады ошеломили противника и к утру 16 января продвинулись в глубокий тыл немецко-фашистских войск, оторвавшись от главных сил на 40-50 км.

Бригады имели задачу захватить мосты через реку Бзура и аэродромы в районе Сохачева. Маршал Г.К. Жуков лично инструктировал командиров передовых отрядов танковых армий. То были инициативные, смелые офицеры — полковники Н.В. Копылов и Т.П. Абрамов. Командующий фронтом требовал от них дерзких, решительных действий в глубину и советовал не бояться отрыва от главных сил. Даже в том случае, если он достигнет 100 км, указывал маршал, поддержка будет обеспечена, а смелое проникновение в глубину не позволит противнику организовать там оборону на подготовленных рубежах.

Днём 16 января передовые бригады при мощной поддержке авиации продолжали стремительный рейд по вражеским тылам. К исходу дня, пройдя за сутки 90 км, они подошли к Бзуре. Противник взорвал все мосты, за исключением одного — в Сохачеве, на автостраде Варшава — Берлин. Прикрыв резервной дивизией, он пытался сохранить его для отхода своих войск изпод Варшавы.

47-я гвардейская танковая бригада полковника Н.В. Копылова с ходу атаковала противника, пробиваясь к переправе. Отважно, геройски сражались танкисты. Когда их продвижению стала мешать противотанковая батарея противника, младший сержант С.Ф. Бурлаченко направил свой танк в тыл вражеских орудий. Уничтожив их огнём и гусеницами, он обеспечил продвижение роте.

В бою за Сохачев отличился и старшина Ф.В. Дьячков. Надо сказать, что здесь мы впервые

[2] Архив МО СССР, ф. 333. оп. 4894, д. 55, л. 229

Герой Советского Союза Степан Филиппович Бурлаченко

Герой Советского Союза Фёдор Васильевич Дьячков

встретились с массовым применением фашистами фауст-патронов и, не имея опыта борьбы с ними, на первых порах несли потери. Так, был подбит танк механика-водителя Дьячкова. Но старшина не растерялся. На горящей машине он ворвался на позицию вражеской батареи, смял её, затем, потушив огонь в танке, продолжал громить врага.

За мужество и отвагу С.Ф. Бурлаченко и Ф.В. Дьячкову было присвоено звание Героя Советского Союза. Да разве только им! За подвиги, совершенные в ходе январского наступления 1945 г., звание Героя Советского Союза было присвоено 113 воинам нашей армии. Героизм был тогда массовым явлением. 32 соединения и части армии получили ордена; высшей наградой — орденом Ленина были награждены оба танковых корпуса и три танковые бригады.

Однако, это было уже несколько позднее. 16 же января, учитывая успех армии, командующий фронтом следующим образом уточнил нашу задачу: «2 гв. ТА с утра 17.1.45 г. продолжать стремительное наступление и при благоприятных условиях обстановки в первой половине дня двумя корпусами овладеть районом Гостынин, Любень, Кутно».[3] Итак, танковой армии предстояло за полдня продвинуться на 80-100 км и овладеть районом, который по плану намечалось занять лишь к исходу 18 января. Но всё это «при наличии благоприятных условий», которых, к сожалению, не оказалось. Захватить мосты на Бзуре не удалось, противник взорвал их. Приданные понтонные части были заняты переправой через Пилицу и отстали. Пришлось строить мосты из местного материала, а это потребовало немало времени.

Одновременно с наведением переправ пришлось вести борьбу с варшавской группировкой, которая, начав 16 января отход, угрожала тылу 2-й гвардейской танковой армии. Возникла необходимость развернуть часть сил на восток и поставить соответствующие задачи авиации.

Здесь хочется добрым словом вспомнить боевую работу лётчиков 6-го штурмового авиационного корпуса генерал-майора авиации Б.К. Токарева. Они нанесли мощный удар по колоннам противника, растянувшимся вдоль автострады, и рассеяли их. Немецко-фашистские войска пытались, используя леса, уйти на север, за реку Вислу. Авиация разрушила мосты, и около переправ образовались большие скопления вражеских войск, которые были уничтожены штурмовиками и бомбардировщиками 16-й воздушной армии генерал-полковника авиации С.И. Руденко.

[3] Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д.. 189, л. 47.

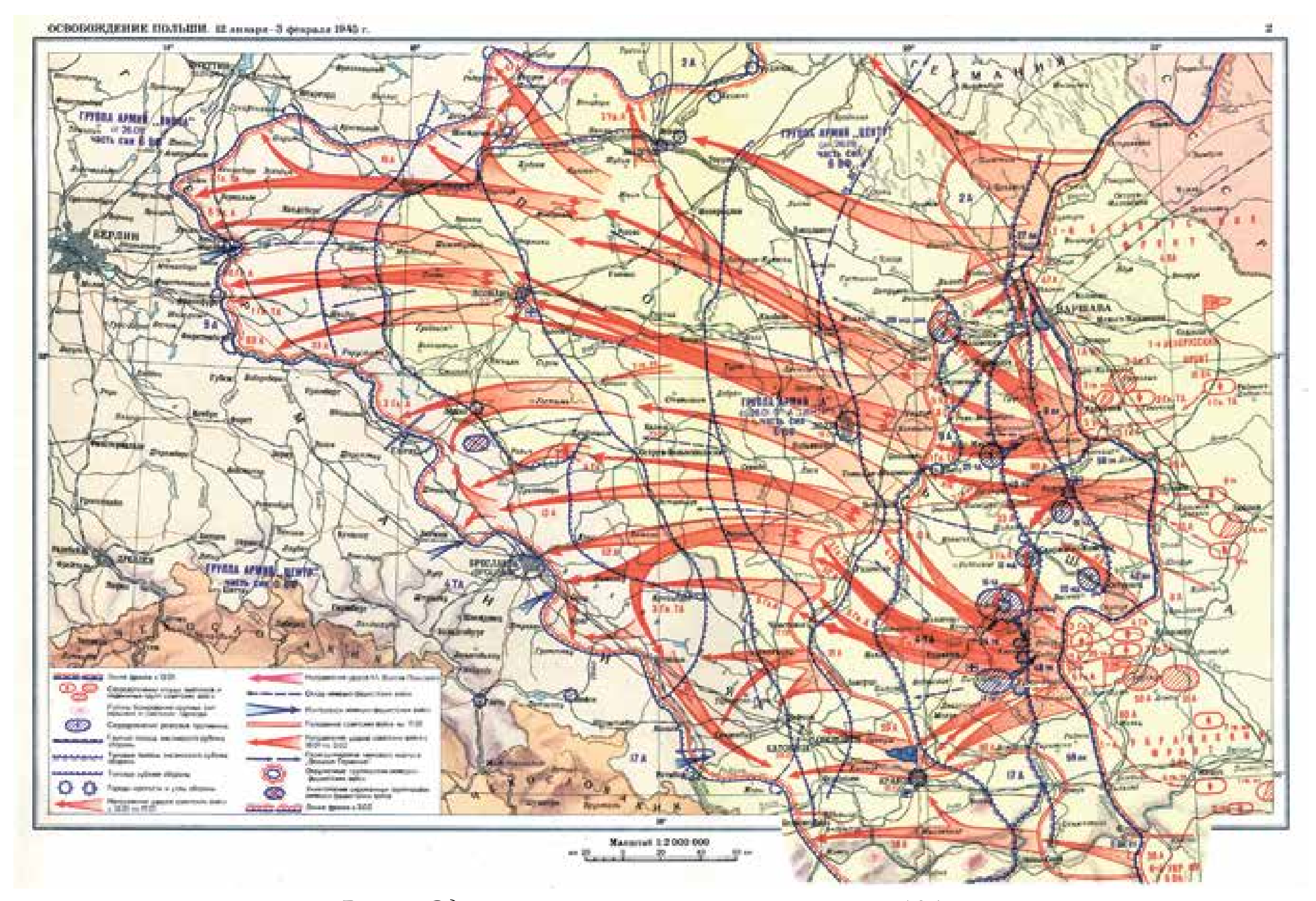
В результате на тылы 2-й гвардейской танковой армии вышли незначительные силы, которые были остановлены и уничтожены находившимся у нас во втором эшелоне 1-м механизированным корпусом.

Танкисты не оставались в долгу перед лётчиками, они захватывали аэродромы противника и помогали в их оборудовании. Один из аэродромов был захвачен в Сохачеве. Инженерные части армии помогли инженерно-аэродромным батальонам заделать воронки и ямы на взлётном поле, выровнять его, подготовив для посадки самолётов. Первой на новый аэродром перебазировалась 265-я истребительная авиационная дивизия, которой командовал полковник А.А. Корягин. В Сохачеве ещё шли бои, всюду блуждали обойдённые танковыми войсками вражеские группы. В этих условиях угроза нападения гитлеровцев на аэродром была реальной. Поэтому для его обороны нами был выделен танковый батальон, который оставался там до прихода стрелковых дивизий.

Сейчас, перебирая в памяти события прошлой войны, мне не удаётся вспомнить других случаев, когда бы авиация перебазировалась на захваченные танковыми соединениями аэродромы до выхода общевойсковых армий. Такой манёвр был осуществлён в ходе январского наступления частями 3-го истребительного авиационного корпуса генерал-лейтенанта авиации Е.Я. Савицкого. В частности, поддерживавшая нашу армию 265-я истребительная авиационная дивизия этого корпуса таким способом перебазировалась на захваченные нами аэродромы в Сохачеве, Любени и Иновроцлаве. Мы восхищались мужеством лётчиков и техников 16-й воздушной армии, которые, пренебрегая опасностью, делали все, чтобы обеспечить прикрытие танковых соединений с воздуха.

17 января командующий фронтом ознакомил нас с общей оценкой обстановки. Маршал Г.К. Жуков полагал, что в результате мощного удара войск фронта 14-17 января противостоящие немецко-фашистские войска разбиты и не в состоянии оказать серьёзного сопротивления. Однако, они будут вести сдерживающие бои, изрывать переправы, применять заграждения, чтобы выиграть время для спешной переброски резервов и восстановления обороны на подготовленных в глубине рубежах. Первым из них может быть вартовский оборонительный рубеж.

Командующий потребовал не ввязываться в бой с неприятельскими заслонами, обходить заграждения и, упредив противника, занять вартовский рубеж.

Висло-Одерская наступательная операция, 1945 г.

Висло-Одерская наступательная операция, январь 1945 г.

Выполняя это указание, 2-я гвардейская танковая армия переправилась через Бзуру и всеми тремя корпусами продолжала наступление в западном направлении.

Стремительно преследуя противника, мы к исходу 19 января вышли к вартовскому рубежу. Таким образом, за два дня войска армии продвинулись на 100 км. Наступали мы быстро, и противнику не удавалось организовать оборону не только отходящими войсками, но и резервами. Двигались днём и ночью. Люди не знали устали, рвались вперёд, к Берлину. «Чем дальше вперёд, тем ближе победа»,— говорили солдаты.

Но если человеческим возможностям, казалось, не было предела, то его имели техника, возимые запасы горючего. Танки требовали технического обслуживания, в войсках начали ощущаться перебои с горючим.

Однако, командующий фронтом поставил новую задачу. К исходу 22 января нужно было продвинуться на глубину 150 км. «Только там, — гласило предписание маршала Г. К. Жукова, переданное нам 20 января в 2 часа 35 минут, — можно предоставить время для технического осмотра машин и пополнения запасов, до этого времени обстановка требует стремительного движения вперёд».

Дальнейшее выполнение боевой задачи зависело от своевременного подвоза горючего.

В то время снабжение войск осложнялось тем, что все железнодорожные мосты через Вислу в полосе 1-го Белорусского фронта были взорваны, железные дороги западнее этой реки разрушены. Поэтому фронтовые склады не перемещались вслед за войсками, и армейскому автотранспорту приходилось подвозить материальные средства на большие расстояния из-за Вислы.

Вопросы тылового обеспечения приобрели первостепенную важность. Чтобы представить их сложность, приведу несколько цифр. Вес одной заправки всех танков, автомашин, бронетранспортёров армии составлял около 1 тыс. тонн. Для перевозки такого количества горючего требовалось 400-500 автомобилей. Армия же расходовала на каждые 100 км продвижения более половины заправки. А ведь, кроме горючего, нужны и боеприпасы, продовольствие и другие виды снабжения. Дело осложнялось тем, что в связи с быстрым продвижением плечо подвоза материальных средств с каждым днём увеличивалось.

Нужно было принимать меры для бесперебойного снабжения войск, ибо от этого зависели темпы наступления, своевременность разгрома врага. И с помощью фронтового тыла, в частно-

сти его начальника генерал-лейтенанта Н.А. Антипенко, работники тыла армии справились со своей задачей. Они умело организовали подвоз, особенно работу автомашин, от которых зависел успех этого дела.

Водители творили чудеса. Мне рассказывали об автоколонне во главе с лейтенантом Резниковым, сделавшей 500-километровый рейс за сутки. Автомобилисты превысили среднесуточный пробег почти в три раза! В условиях тех дней это был подвиг. Когда лейтенанта Резникова попросили рассказать о том, как был достигнут успех, он ответил следующее:

— Перед рейсом я зачитал и разъяснил обращение Военного совета фронта к водителям. Все поняли, что от нашей работы зависит дальнейшее наступление. В рейсе доставал и читал шофёрам новые сводки Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего, в которых сообщалось об успехах нашего и соседних фронтов. На складе горюче-смазочных материалов о нас проявили большую заботу. Пока цистерны заливали горючим, водители помылись в бане, им выдали чистое белье, накормили горячей пищей. Водители готовы были горы сдвинуть. В пути помогали друг другу устранять повреждения, стремились быстрее доставить горючее войскам.

На ходу пополняя запасы, армия неудержимо двигалась на запад. Если до сих пор противник не оказывал организованного сопротивления, то с 22 января оно начало усиливаться. Немецко-фашистское командование перебрасывало резервы и, цепляясь за города и важные узлы дорог, стремилось во что бы то ни стало задержать наше наступление на подступах к восточной границе Германии.

Однако соединения танковой армии, умело маневрируя, устремлялись в глубину.

Блестящим примером стремительного обходного манёвра являются боевые действия по овладению Бромбергом. 9-й гвардейский танковый корпус генерала Н. Д. Веденеева, получив задачу овладеть городом, подошёл к нему с юга, но встретил организованное сопротивление на заранее подготовленном рубеже. Генерал Веденеев совершил обход в 25 км западнее города, внезапным ударом 65-й гвардейской бригады полковника И.Т. Потапова с тыла атаковал противника и во взаимодействии с подошедшим 2-м гвардейским кавалерийским корпусом овладел важным узлом обороны. По данным разведки, Бромберг

Советская автоколонна проходит мост через реку Одер, 1945 г.

обороняли части 4-й танковой дивизии, переброшенной из Курляндии.

К вечеру 22 января 2-я гвардейская танковая армия вышла на рубеж Бромберг, Шубин, Голаньч, продвинувшись за семь дней на глубину около 350 км. Она вела боевые действия в 80-120 км впереди главных сил фронта. Такой решительный отрыв танковой армии от главных сил был достигнут впервые за всю войну. Он сыграл большую роль в развитии наступления на правом крыле фронта.

В ночь на 23 января командующий фронтом информировал нас о наличии у противника заранее подготовленных рубежей вдоль северного берега реки Нетце и западного берега Одера. По имевшимся данным, указанные рубежи ещё не были заняты войсками противника.

«Упреждение противника в занятии этих позиций, — указывал маршал Г.К. Жуков, — обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться».[4]

Однако, запасы горючего в армии на этот раз иссякли. Если дизельного топлива ещё имелось немного, то баки автомобилей были почти пусты. Несмотря на напряженную работу, автотранспорт тыла не успевал подвозить горючее. Ввиду этого командующий фронтом разрешил главным силам армии пополнять запасы, но потребовал одним корпусом продолжать наступление и прорваться через Померанский укреплённый район на границе Германии.

Эта задача была возложена на 1-й механизированный корпус генерала С.М. Кривошеина. И в то время, как он продолжал наступать на запад,

[4] Архив МО СССР, ф. 233, оп. 189, лл. 145-146.

главные силы армии, сосредоточившись в районе Шубина, пополняли запасы.

Штаб армии вёл усиленную разведку. Основное внимание мы обратили на север: правый фланг армии был открыт, а встреча в Бромберге с танковой дивизией противника наводила на мысль о возможности сосредоточения там новых резервов.

Особенно удачно действовал разведывательный отряд майора Г.В. Дикуна. Ему удалось захватить машину, в которой ехал командир 15-й пехотной дивизии СС. Последний успел застрелиться. Но его адъютант, взятый в плен, дал важные сведения о выдвижении указанной дивизии в район Накеля. В дальнейшем разведчики вскрыли выдвижение на рубеж Нетце 16-го армейского корпуса СС.

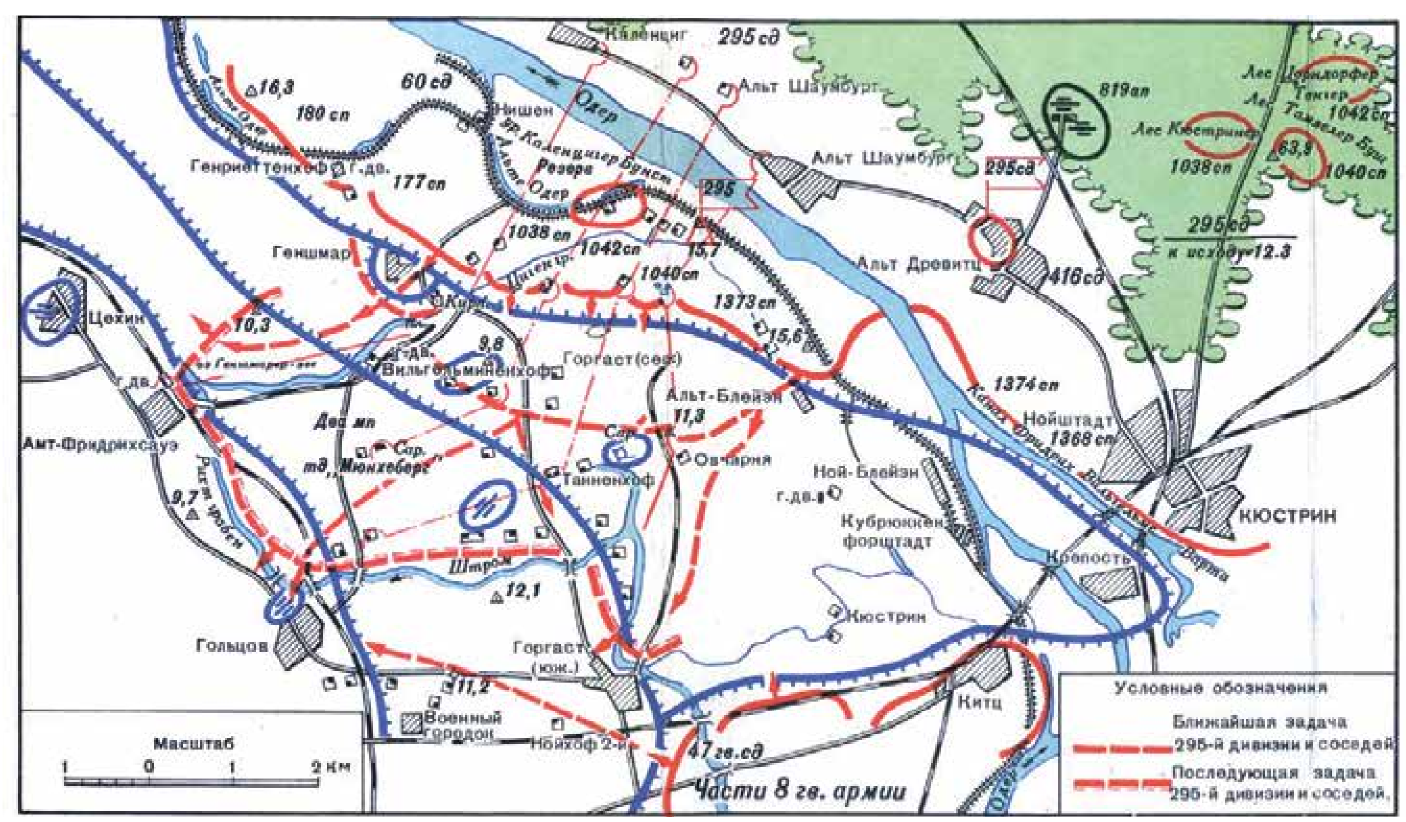
Проведя в течение пяти суток разведку в глубоком вражеском тылу, отряд майора Дикуна с боем вышел оттуда в полосе 129-го стрелкового корпуса 47-й армии. Только при прорыве разведчики уничтожили около двух пехотных рот и восемь орудий. Сами же за весь рейд потеряли один лишь мотоцикл. Майору Г.В. Дикуну было присвоено звание Героя Советского Союза.

Герой Советского Союза
Георгий Васильевич Дикун

Кюстрин, 1945 г.

Кюстринский плацдарм, 1945 г.

По данным нашей разведки, противник оставил район Чарникау неприкрытым, а на рубеже Накель, Бромберг развернул три дивизии. Похоже было на то, что немецко-фашистское командование ожидало продолжения нашего наступления на север, к Балтийскому морю. Мы решили укрепить его в этом заблуждении, и 23 января штабы танковых корпусов передали радиограммы, в которых сообщали: «Задачу на Данциг получил», «Горючего для броска в Гдыня хватит». Этот текст предназначался для того, чтобы сбить с толку противника относительно наших дальнейших планов. Тем временем 1-й механизированный корпус продолжал наступать. 24 января он вышел к Оборникам, где встретил сопротивление противника. Несмотря на то, что корпус продвинулся за день на 50 км, командующий фронтом потребовал усиления темпов наступления.

— Где угодно форсировать Нетце и прорваться через УР, — требовал маршал Г.К. Жуков.

Штаб армии счёл целесообразным форсировать Нетце, в Чарникау, который, как уже отмечено, был слабо прикрыт противником. Командарм согласился с нами, и во второй половине дня 25 января отдал соответствующее распоряжение командиру корпуса С.М. Кривошеину.

Чтобы выполнить приказ, корпусу нужно было изменить направление движения. Дело это в данной обстановке оказалось очень сложным. Предстояло повернуть кругом, на 180 градусов, соединение, в котором насчитывалось 15 тыс. человек, сотни танков и более тысячи автомашин, свыше 300 орудий и миномётов.

Командование и штаб 1-го механизированного корпуса мастерски справились с трудным делом. 219-я танковая бригада полковника Е. Г. Вайнруба, назначенная в передовой отряд, за два часа совершила стремительный бросок на 60 км и с ходу овладела Чарникау. К исходу 25 января сюда вышли главные силы корпуса. Противнику удалось взорвать переправы, однако наши воины быстро восстановили мосты и 26 января форсировали Нетце, вторгнувшись в пределы фашистской Германии.

В тот день вслед за 1-м механизированным возобновил наступление и 9-й гвардейский танковый корпус.

В ночь на 27 января армия получила задачу: 30 января выйти на Одер и захватить западный берег на участке между Цеденом и Кюстрином.

Условия для выполнения этой задачи также были далеко не благоприятными. По-прежнему слабым местом оставался подвоз запасов, особенно горючего. По этой причине в отдельные дни корпусам приходилось вести наступление только передовыми отрядами. Авиация противника

Кюстрин, 1945 г.

усилила активность и почти безнаказанно наносила удары по боевым порядкам танкистов, так как большинство наших истребителей находилось далеко от района действия 2-й гвардейской танковой армии. Ко всему этому 27 января внезапно выпал глубокий снег, поднялась метель.

Однако, несмотря на трудности, танкисты шли вперёд, на запад. 2-я гвардейская танковая армия с ходу преодолела Померанский укреплённый район и к 31 января вышла к Одеру.

Первой достигла этой последней крупной водной преграды на пути к Берлину 219-я танковая бригада полковника Е. Г. Вайнруба. Мотопехота бригады с ходу переправилась через Одер и завязала бои за Кинитц. Это произошло в 10 часов утра. К 18 часам два мотострелковых батальона 37-й механизированной бригады полковника М. В. Хотимского также форсировали Одер и вышли к Геншмару.

Захват этих двух небольших участков положил начало созданию знаменитого кюстринского плацдарма, с которого войска 1-го Белорусского фронта нанесли свой последний удар на Берлин.

Итак, позади был путь от Вислы до Одера, пройденный нашей армией за 16 дней. Если приложить к карте линейку и измерить расстояние между польским местечком Магнушев на Висле, откуда начали мы этот путь, и немецким населённым пунктом Кинитц на Одере, то получим расстояние, несколько превышающее 500 км. Такова была глубина проведённой нами операции, вошедшей в историю под названием Висло-Одерской. Но фактически мы прошли гораздо больше: спидометры боевых машин показывали 1200-1400 км.

До Берлина оставалось менее 100 км. Однако нехватка горючего, особенно бензина, стала ещё более острой, чем прежде. Так, в соединениях 1-го механизированного корпуса автомашины имели всего 0,1-0,2 заправки. На корпусном складе горючего не было. Из-за перебоев с его подвозом отстали и запасы боеприпасов. Наконец, поредели к тому времени и боевые ряды соединений. В танковых корпусах осталось менее половины исправных танков, а в механизированном — только 60 (из 183 по штату).

Кроме того, противник сосредоточил в Восточной Померании крупную группировку, которая угрожала тылу 2-й гвардейской танковой армии и правому крылу фронта в целом. Мы узнали об этой угрозе ещё 29 января. В тот день артиллеристы 75-го зенитного полка сбили вражеский самолёт и взяли в плен офицера связи крупного штаба. Документы, обнаруженные у него при обыске, свидетельствовали о подготовке группой армий «Висла» контрудара из Померании на юг,

Берлинская наступательная операция, 1945 год

по правому крылу фронта. О документах было доложено в штаб фронта. Маршал Жуков приказал немедленно доставить к нему пленного.

Все эти обстоятельства, видимо, повлияли на решение командующего фронтом относительно дальнейших действий нашей армии. 1 февраля мы получили следующую директиву:

«2 гв. ТА вырвалась вперёд, вышла на р. Одер и свою задачу выполнила. В результате отставания 1 ПА и 47 А и растяжки боевых порядков 61 А образовался большой разрыв. Приказываю: 2 гв. ТА с утра 1.2.45. двумя корпусами организованно повернуть на север».[5]

Пришлось на время отложить карту Берлина, заменив её картами Восточной Померании. Ни тогда, ни тем более в последующее время у нас не возникало сомнений в целесообразности такого решения.

В связи с этим отмечу, что ныне, однако, кое-кто высказывается скептически по поводу решения Ставки отложить наступление на Берлин. Я же целиком и полностью разделяю точку зрения Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, который пишет по этому поводу следующее:

«Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью (речь идёт об упомянутой выше опасности контрудара. — А. Р.), пустить обе танковые армии и три-четыре общевойсковые армии напрямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел к переправам на Одере и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжёлое положение».[6]

Получив задачу наступать на Штаргард, 2-я гвардейская танковая армия медленно продвигалась на север. Отличительной особенностью её действий при отражении контрударной группировки немецко-фашистских войск в Померании был быстрый переход от наступления к обороне, смелый и стремительный манёвр соединений на широком фронте.

Как и прежде, решать боевые задачи приходилось в сложных условиях. Начавшиеся дожди, весенняя распутица, разлив рек, леса с большим количеством озёр, болота — все это затрудняло действия танков. Вместе с тем, условия местности благоприятствовали обороне немецко-фашистских войск, и им удалось задержать продвижение армии.

[5] Архив МО СССР, ф. 307, оп. 4156, д, 38, л. 196.

[6] Г. И. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 608.

Но после тщательной подготовки войска 1-го Белорусского фронта, в том числе и 2-я гвардейская танковая армия, возобновили наступление и в марте разгромили восточно-померанскую группировку, чем создали условия для решающего удара на Берлин. 20 марта армия была выведена в резерв фронта и начала готовиться к Берлинской операции.

После напряжённых боев, продолжавшихся более двух месяцев, требовалась большая работа по ремонту и техническому обслуживанию танков, самоходок и автомашин. В это дело вложили много труда ремонтники и экипажи боевых машин под руководством заместителя командующего армией по технической части генерала Н.П. Юкина. Непрерывным потоком шла новая техника. Только танков «Т-34» и «ИС-2» было получено более 220. В результате к началу операции армия имела свыше 700 танков и самоходно-артиллерийских установок и вновь представляла собой грозную силу.

К последним боям готовился и личный состав. Главное внимание уделялось боевым действиям в крупных населённых пунктах, борьбе с фаустниками и ночным боям. Особенно тщательно готовились штурмовые группы. В каждом мотострелковом батальоне создавалось по две такие группы, которые тренировались совместно с танковыми, артиллерийскими и сапёрными подразделениями на специально оборудованных участках местности.

Напряжённо готовились командиры и штабы. Командующий Фронтом, как и перед Висло-Одерской операцией, провёл командно-штабные игры, после которых штаб армии организовал аналогичные занятия с командирами корпусов и бригад. У карт и у ящиков с песком решались задачи, которые предстояло выполнять в бою. За противника выступали офицеры-разведчики, которые хорошо знали группировку немецко-фашистских войск и их вероятные действия.

В начале апреля мы поздравляли новых героев. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР командующий армией генерал-полковник танковых войск С.И. Богданов был награждён второй медалью «Золотая Звезда». В армии Семён Ильич пользовался безграничным доверием и большим уважением. Он имел хорошую военную подготовку, железную волю, неукротимую энергию и высокие организаторские способности. Добрый и сердечный по природе, он бывал вспыльчив, но быстро отходил, тяжело переживая нанесённую им человеку обиду. Награда командующему являлась признанием успехов армии, и потому, поздравляя Семёна Ильича, мы также гордились высокой оценкой боевых дел нашего армейского коллектива, ещё настойчивее готовились к завершающим боям.

Семён Ильич Богданов – генерал-полковник танковых войск

12 апреля была получена оперативная директива фронта: 2-й гвардейской танковой армии быть готовой войти в прорыв на участке 5-й ударной армии с тем, чтобы развивать наступление на Берлин и, обходя его с севера, овладеть западной частью города – районом Шарлоттенбург. Задачу предстояло решать во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией, которая обходила Берлин с юга.

100 км, которые мы должны были теперь пройти, казались, по сравнению с оставшимся позади путём, небольшим расстоянием. Однако все мы, от командующего армией до солдата, понимали, что преодолеть это расстояние будет ещё труднее.

Предстояла ожесточённая борьба.

Данные разведки показывали, что вся местность по пути к Берлину заранее подготовлена к обороне и заблаговременно занята войсками. 2-й гвардейской танковой армии противостояла столь плотная группировка войск, что её, по правилам военного искусства, можно было назвать

наступательной. Например, под Сталинградом Красная Армия наступала, имея на один километр участка прорыва 70 орудий и миномётов, 10-12 танков, причём стрелковая дивизия прорывала оборону в полосе 3-5 км. Здесь же, против кюстринского плацдарма, с которого вводилась в сражение наша армия, противник имел дивизию на каждые три километра фронта обороны и в среднем 66 орудий и миномётов, 17 танков на один километр. С такой обороной мы встречались впервые. При этом противник оборонялся, опираясь на удобные естественные рубежи: большое число рек, систему озёр, соединённых каналами.

Надо также иметь в виду, что немецко-фашистское командование ставило своей целью создание непреодолимой противотанковой обороны и уделяло этому делу особое внимание. «Прогулки советских танков должны наконец прекратиться», — требовал Гиммлер. Все танкодоступные направления были минированы и находились под огнём противотанковых орудий и истребителей танков. В лесах гитлеровцы устроили завалы, а на улицах населённых пунктов — баррикады. Широко использовались в засадах танки, штурмовые орудия и группы истребителей танков. Последние вооружались фауст-патронами — простым в обращении реактивным противотанковым средством, которое германская промышленность выпускала миллионами. За каждый подбитый танк немецкому солдату обещали трёхнедельный отпуск.

В целом, нашим танкистам предстояли тяжёлые бои. Но каждый знал, что за ними — долгожданная Победа.

Большую роль в подготовке последнего удара по врагу сыграли партийно-политические органы, возглавляемые членом Военного совета армии генерал-майором танковых войск П.М. Латышевым и начальником политотдела полковником М.М. Литвяком. В каждой роте и батарее были созданы партийные организации. Коммунисты цементировали весь коллектив армии. Личным примером, страстным большевистским словом они увлекали в бой всех.

Перед началом наступления в подразделениях и частях было зачитано обращение Военного совета фронта ко всем солдатам, серпентам, офицерам и генералам фронта. В нем говорилось:

«Боевые друзья! Наша Родина и весь советский народ приказали войскам нашего фронта разбить противника на ближайших подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии и водрузить над нею Знамя Победы! Пришло время нанести врагу последний удар и навсегда избавить нашу Родину от угрозы войны со стороны немецко-фашистских разбойников.

За нашу Советскую Родину — вперёд на Берлин! Смерть немецким захватчикам!».

Берлинская наступательная операция, 1945 г.

Обращение было зачитано в исходных районах на плацдарме. Возникли митинги, на которых гвардейцы клялись выполнить приказ Родины. Так, Герой Советского Союза старший сержант Н.К. Горин заявил:

«Ещё в боях за освобождение Украины мы мечтали о том, как пойдём на штурм Берлина. И вот этот долгожданный час настал. Мы будем в Берлине! Нет такой силы, которая могла бы остановить наш яростный и всесокрушающий натиски.»

Наступательный порыв войск армии был исключительно высок. Многие хотели идти в бой членами родной Коммунистической партии, которая привела страну к победе. Заявления о приёме в партию подавали целые экипажи танков. Например, командир танка младший лейтенант Калашников, механик-водитель старший сержант Никаноров, командир орудия старшина Панков и заряжающий сержант Ставицкий писали, что в этот решающий бой хотят идти коммунистами и в битве за Берлин оправдают высокое звание члена партии. Множество таких заявлений до сих пор бережно хранится в архиве.

Перед рассветом 16 апреля мощный грохот тысяч орудий потряс воздух над кюстринским плацдармом. 1-й Белорусский фронт наносил последний удар по врагу. Наступление начали общевойсковые армии. Однако уже в первой половине дня стало очевидно, что им не удастся

Берлинская наступательная операция, 1945 г.

быстро прорвать оборону: противник, опираясь на сильно развитую систему оборонительных сооружений, оказал ожесточённое сопротивление. Чтобы сломить его, маршал Г.К. Жуков приказал танковым армиям нарастить удар пехоты и прорваться в глубину обороны врага.

К 19 часам 2-я гвардейская танковая армия вошла в сражение, но обогнать соединения 5-й ударной армии не смогла. На следующий день 9-й и 12-й гвардейские танковые корпуса, продолжая наступать совместно со стрелковыми дивизиями, продвинулись на глубину 13 км. К исходу 17 января в сражение был введён и 1-й механизированный корпус, находившийся во втором эшелоне. Однако, сломить сопротивление немецко-фашистских войск и прорваться в глубину не удалось и теперь. Противник подтянул к участку прорыва резервы и, цепляясь за каждый опорный пункт, сдерживал наше наступление.

Четыре дня потребовалось, чтобы прорвать наиболее плотную оборону противника и продвинуться на глубину 30 км. Много упорства, мужества и героизма проявил советский солдат, добывая победу и мир. В этих боях мы понесли большие потери. 18 апреля на подступах

Герой Советского Союза полковник Василий Иосифович Макаров

к Ригнвальде пал смертью храбрых командир 48-й гвардейской танковой бригады Герой Советского Союза полковник В.И. Макаров. В тот же день был тяжело ранен командир 12-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор танковых войск Н.М. Теляков.

Несмотря на ожесточённое сопротивление врага, соединения армии упорно рвались к Берлину.

20 апреля танкисты-разведчики 219-й танковой бригады под командованием капитана Юркевича, старшего лейтенанта Леонова, младшего лейтенанта Кириллова первыми ворвались в пригород Ваийсензе. Наши танкисты — в Берлине! Эта весть быстро распространилась по армии и способствовала ещё большему повышению наступательного порыва войск.

21 апреля в 11 часов 50 минут первой в армии открыла огонь по Берлину 5-я батарея 1319-го пушечного артиллерийского полка. В честь наступавшей 75-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина свои первые 75 выстрелов батарея посвятила вождю трудящихся. В тот же день на северную окраину фашистской столицы ворвались главные силы 2-й гвардейской танковой армии.

Так война пришла в город, в котором она была задумана и подготовлена.

С выходом к Берлину 9-й гвардейский корпус получил задачу наступать во взаимодействии с 47-й армией в обход столицы на Потсдам, чтобы отрезать пути отхода противнику на запад. В 12 часов 25 апреля 65-я гвардейская танковая бригада этого корпуса, которой командовал полковник И.Т. Потапов, соединилась в районе Кетцина с частями 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Стальное кольцо окружения вокруг берлинской группировки гитлеровцев замкнулось. Начались бои по уничтожению окружённого врага.

Если до этого наша армия наступала совместно с 5-й ударной, то при штурме Берлина она получила самостоятельную полосу.

Основная тяжесть борьбы легла на штурмовые группы, подготовка которых происходила, как сказано выше, ещё до начала наступления. В армии было создано свыше 20 штурмовых групп, каждая из которых включала мотопехоту, танки, артиллерию и сапёров. Пехота уничтожала фаустников, обеспечивая продвижение танков.

Берлин, 1945 г.

Танки прокладывали огнём дорогу пехоте. Сапёры подрывали укрепления, разминировали дороги.

Наступление велось днём и ночью. Чем ближе к центру Берлина, тем ожесточённее сопротивлялся враг. В условиях штурма большого города начало сказываться то, что в танковой армии было мало пехоты, сапёров, крупнокалиберной артиллерии. Поэтому, учитывая наши просьбы, маршал Г.К. Жуков усилил армию славными боевыми соединениями Войска Польского — 1-й пехотной дивизией имени Тадеуша Костюшко и 2-й гаубичной артиллерийской бригадой, а также сапёрными и понтонно-мостовыми частями.

Прибывшая к нам пехотная дивизия была первым соединением народной Польши, получившим боевое крещение ещё осенью 1943 г. под Ленине в Белоруссии. Командовал дивизией генерал бригады Войцех Бевзюк. Прибытие славного соединения братской Польши явилось большой помощью. Мы быстро распределили полки дивизии на усиление корпусов, и дело пошло быстрее.

Наступая в направлении парка Тиргартен, 12-й гвардейский танковый корпус, в командование которым вступил генерал-майор танковых войск М.Ф. Салминов, подошел к Моабиту. Здесь, в тюрьме, были заключены немецкие коммунисты. Член Военного совета генерал П.М. Латышев приказал не стрелять по Моабиту и попытаться овладеть тюрьмой без артиллерийского огня. Гвардейцы Героя Советского Союза А.П. Головченко успешно решили эту задачу, освободив около тысячи военнопленных и политических заключённых.

Мужеству и героизму наступающих не было предела. Так, в ночь на 30 апреля рота сапёров получила приказ захватить мост через Ландвер-канал. Под покровом ночи сапёры подползли к мосту, разминировали его и заняли оборону. Все это было сделано под носом у противника, но совершенно бесшумно, и враг лишь утром обнаружил, что потерял мост. Он попытался вернуть его. Но наши сапёры, отбив шесть атак, продержались до подхода танкистов. Захват этого моста сыграл большую роль в боях за Тиргартен. К великому сожалению, мне не удалось вспомнить имена героев, и остаётся лишь надеяться, что они будут установлены.

Как всегда, славно действовали наши артиллеристы, руководимые неутомимым и беспредельно храбрым командующим артиллерией

Григорий Давидович Пласков — генерал-майор артиллерии

армии, участником штурма Перекопа в гражданскую войну генерал-майором артиллерии Г.П. Пласковым.

В течение 30 апреля соединения армии продолжали уличные бои за берлинские кварталы Шарлоттенбурга и за парк Тиргартен. Приближался Первомай, и все горели желанием преподнести Родине праздничный боевой подарок. В ночь с 1 на 2 мая 12-й гвардейский танковый корпус в районе парка Тиргартен соединился с войсками 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий, а 1-й механизированный корпус вошёл в непосредственную связь с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями 1-го Украинского фронта.

Остатки берлинского гарнизона были раздроблены на отдельные группы. Гитлеровцам не оставалось ничего другого, как сложить оружие. В 1 час ночи 2 мая 12-му гвардейскому танковому корпусу и 3-му пехотному полку Войска Польского сдался гарнизон железнодорожной станции Тиргартен. В 15 часов противник прекратил сопротивление и начал капитуляцию. Однако отдельные группы продолжали борьбу, и одной из них численностью около 300 человек с восемью

танками и штурмовыми орудиями удалось прорваться на север в полосе нашей армии. Но далеко она не ушла и была уничтожена в районе Мюленбека.

2-я гвардейская танковая армия вышла к Бранденбургским воротам. Умолк артиллерийский гром, не слышно разрывов бомб и снарядов, ружейно-пулемётной стрельбы. На смену грохоту войны пришли иные звуки. На площади — песни, музыка, пляска, горячие объятия, ликующие возгласы. Множество флагов. Красных, гордо реявших на самых высоких местах, — флагов победителей. И белых, свисавших из окон домов, — флагов побеждённых.

Победа!

Красное знамя над Рейхстагом

8 мая в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени (9 мая в 0 часов 43 минуты по московскому времени) генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, а также представитель люфтваффе генерал-полковник Штумпф и Кригсмарине адмирал фон Фридебург подписали Акт о безоговорочной капитуляции Германии, который вступил в силу 9 мая с 1 часа 00 минут по московскому времени.

9 мая 1945 года в 21:55 Юрий Левитан зачитал в эфире текст приказа Верховного главнокомандующего о победе над фашистской Германией:

«8 мая 1945 года в Берлине представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил.
Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена...
В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины — Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, — тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.
Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!
Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!»

За мамин мир

Семнадцать лет назад
Он спал спокойно в колыбельке,
А рядом мать сидела.
Он был дитём, и мир не знал,
А только слушал, как мама ему пела:
Про мир, любовь и голубое небо.

Потом подрос и всё мечтал:
«Вот стать героем мне бы,
Чтоб мать гордилась, и отец,
А дед, лукаво глаз сощуря, сказал бы громко:
«Молодец!»

Но вот ему семнадцать лет,
И вдруг война, и мира – нет,
И он идёт на фронт.
Он не боится умереть
За Родину свою,
Ведь он мечтал героем стать –
Страну он будет защищать,
Как мать свою родную!

Вот первый бой, суровый бой:
И взрыв, и грохот, пули вой!
И страшно парню стало…
И вера в доброе пропала:
«Мир не такой, как мама пела…»
Но видит – на его глазах
Товарищ погибает,
Всех дорогих ему друзей
Смерть жадно забирает.

Тут ярость, злоба на врага
Мальчишкой завладела!
– Нет! Я буду бить врага!
Пускай погибну, но не зря!
Пусть будет мир такой,
Как, мама, ты хотела!

Он беспощадно бьёт врага,
Он весь в крови и ранен сам,
Но дом и мама где–то там –
Он бьёт врага упорно!

И он погиб, и не узнал,
Что стал страны героем.
Он просто воевал за мир,
Любовь и небо голубое,
За мамин мир,
За тот, какой она хотела
И про который пела!

Петрова Аня
ученица 9 класса МБОУ
«Бекетовская школа»,
Вологодская область

Последний бой

Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец, последний бой.

Четвёртый год нам нет житья от этих фрицев,
Четвёртый год солёный пот и кровь рекой,
А мне б в девчоночку в хорошую влюбиться,
А мне б до Родины дотронуться рукой.

Последний раз сойдёмся завтра в рукопашной,
Последний раз России сможем послужить,
А за неё и помереть совсем не страшно,
Хоть каждый всё-таки надеется дожить.

Ещё немного, ещё чуть-чуть,
Последний бой – он трудный самый.
А я в Россию, домой, хочу,
Я так давно не видел маму.
А я в Россию, домой, хочу,
Я так давно не видел маму…

Михаил Ножкин

С чего начинается Родина

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе,

А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.

С чего начинается Родина...
С заветной скамьи у ворот,
С той самой берёзки что во поле
Под ветром склоняясь, растёт.

А может она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги просёлочной,
Которой не видно конца.

С чего начинается Родина...
С окошек горящих вдали,
Со старой отцовской будёновки,
Что где-то в шкафу мы нашли,

А может она начинается
Со стука вагонных колёс,
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своём сердце принёс.

С чего начинается Родина...

Марк Бернес

Помните
(отрывок из поэмы «Реквием»)

Помните!
Через века, через года, –
помните!
О тех,
кто уже не придёт никогда, –
помните!

Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны!
Вечно
достойны!

Хлебом и песней,
Мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте
достойны!

Люди!
Покуда сердца стучатся, –
помните!
Какою
ценой
завоёвано счастье, –
пожалуйста, помните!

Песню свою отправляя в полет, –
помните!
О тех,
кто уже никогда не споёт, –
помните!

Детям своим расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!

Во все времена бессмертной Земли
помните!
К мерцающим звёздам ведя корабли, –
о погибших
помните!

Встречайте трепетную весну,
люди Земли.
Убейте войну,
прокляните
войну,
люди Земли!

Мечту пронесите через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт никогда, –
заклинаю, –
помните!

1962 г.

Роберт Рождественский

«Бухенвальдский набат»
Автор слов — А. Соболев

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!

И восстали, и восстали,
И восстали вновь!

Сотни тысяч заживо сожжённых
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган —
Это, вихрем атомным объятый,
Стонет океан, Тихий океан.

Это стонет, это стонет
Тихий океан!

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Звон плывёт, плывёт над всей землёю,
И гудит взволнованно эфир:
Люди мира, будьте зорче втрое,
Берегите мир, берегите мир!

Берегите, берегите,
Берегите мир!

